

КАМЕННЫЙ ВЕК
ЕВРОПЕЙСКОГО
СЕВЕРА

СЫКТЫВКАР
2007

Российская академия наук
Уральское отделение
Коми научный центр
Институт языка, литературы и истории

**КАМЕННЫЙ ВЕК
ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА**
(Сборник статей)

Сыктывкар
2007

КАМЕННЫЙ ВЕК ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА (сборник статей).
Сыктывкар, 2007. - 180 с.

Сборник составлен из статей, раскрывающих различные аспекты исследований палеолита, мезолита и неолита европейского Севера. Авторами помимо археологов являются геологи и биологи. Вводятся в научный оборот новые, ранее неизвестные материалы по данным эпохам каменного века, представлен значительный иллюстративный материал.

Для археологов, палеогеографов, музейных работников, студентов соответствующих специализаций.

Издание осуществлено в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям», проект «Основные этапы освоения северо-востока Европы в каменном веке: палеоэкологический аспект».

Редколлегия

А.В. Волокитин (отв. редактор),

В.Н. Карманов (отв. секретарь), П.Ю. Павлов

ISBN 5-89606-291-5

© Институт языка, литературы и истории
Коми НЦ УрО РАН, 2007
© Коллектив авторов, 2007

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тематические сборники статей по северной археологии достаточно редки. Еще большую редкость представляют сборники по каменному веку этих территорий. Между тем интерес к данным исследованиям и их важность в плане изучения адаптационных возможностей древних коллективов постоянно возрастают. Мы предлагаем научному сообществу работы, территориально охватывающие практически весь европейский Север: Финскую Лапландию, Карелию, Вологодчину (бассейн р. Сухона), европейский Северо-Восток.

Сборник не получил бы завершенности без обзорной статьи В.Я. Шумкина. Существенно то, что каменный век северной Европы рассматривается им в сравнении с процессами, протекавшими в азиатских Арктике и Субарктике. К сожалению автор не нашел возможности снабдить работу ссылками на соответствующую литературу.

Как обычно, весьма критической получилась статья А.Н. Сорокина, рассмотревшего альтернативные «контактную» и «эволюционную» модели сложения культур финального палеолита и мезолита Восточной Европы. В полемическом задоре автор позволяет себе излишне резкие высказывания в адрес коллег. Сожалея по данному поводу, мы считаем, что форма дискуссии выбирается самим автором¹.

Г.М. Буров предлагает достаточно оригинальные реконструкции жилищ эпохи мезолита, раскопанных на европейском Северо-Востоке как им самим, так и другими исследователями. Автор опирается на богатый опыт европейского мезолитоведения и критически рассматривает предшествующие попытки реконструкций. Вместе с тем уточним, что данная статья была подготовлена к публикации в начале 1990-х гг. В ней не учтены вышедшие позже этого срока работы, посвященные исследованиям остатков мезолитических жилищ в регионе².

В большей части работ вводятся в научный оборот ранее не публиковавшиеся материалы. Тем не менее, все без исключения авторы, определяя место новых памятников среди древностей каменного века, выходят на широкий круг обобщений.

Безусловно, прежде всего следует отметить, совместную статью П.Ю. Павлова и безвременно ушедшего из жизни талантливого ученого, археолога-

¹ Смотрите также первоначальный вариант данной работы – Сорокин А.Н. 2006. О культурогенезе в финальном палеолите и мезолите // Археологическое изучение Центральной России. Тезисы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.П. Левенка. Липецк, 2006.

² Волокитин А. В.1997. Мезолит // Археология Республики Коми. М., 1997. С. 91–145; Волокитин А. В., Косинская Л. Л., 1999. Мезолитические жилища Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 1999. 36 с. (Научные доклады / Коми научный центр УрО РАН. Вып. 414); Волокитин А. В. 2002. Исследование мезолитических жилищ стоянки Парч 2 на Вычегде // Тверской археологический сборник. Вып. 5. Тверь, 2002. С. 183-191; Волокитин А.В. 2005. Мезолитический памятник Лек-Леса на р. Ижма // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья - М.: ACADEMIA, 2005. С. 198-205.

поисковика Э.Ю. Макарова. Они монографически публикуют материалы одной из позднепалеолитических стоянок в верхнем Прикамье. В настоящее время данная стоянка, Широново 2, становится опорным памятником среднеуральской верхнепалеолитической культуры наряду с широко известной стоянкой Талицкого.

Особого внимания заслуживает работа финских коллег о мезолитической стоянке Суяла на севере Финляндии. Авторам удалось обнаружить и исследовать самый северный в Европе памятник с черешковыми наконечниками стрел. Они полагают, что «стремительная» миграция древних коллективов, оставивших эту и возможно другие стоянки в финской Лапландии, имела своей отправной точкой центр Русской равнины, и сравнивают свои материалы с мезолитическими культурами типа бутовской.

Л.Л. Косинской практически впервые публикуются материалы мезолитических памятников значительной части европейского Северо-Востока, включающей бассейн р. Выдь и прилегающие участки долины нижнего течения Вычегды. Автор в интерпретации материалов использует оригинальную методику на основе математической статистики.

Небольшая мезолитическая стоянка с кварцевым инвентарем, Путкинская 8, в Карелии представлена А. М. Жульниковым.

Плодотворным, как представляется, оказался совместный анализ сходных материалов эпохи неолита соседних территорий: бассейна р. Вычегда и бассейна р. Сухона, проведенный В.Н. Кармановым (г. Сыктывкар) и Н.Г. Недомолкиной (г. Вологда). В результате авторы приходят к осознанию необходимости пересмотра генезиса неолита с ямочно-гребенчатой керамикой.

Группа исследователей, геологов, биологов и археологов (Н.Е. Зарецкая, А.В. Волокитин, В.Н. Карманов, О.Н. Успенская, а также Ю.В. Голубева/) представила своеобразную «ревизию» предшествующих исследований по палеогеографии Синдорского археологического микрорайона. В свое время здесь под руководством Г.М. Бурова впервые были проведены комплексные исследования памятников, к сожалению, оказавшиеся лишь кратким эпизодом в практике археологических работ на европейском Северо-Востоке. Современные исследования отчасти подтверждают, но в то же время существенно корректируют выводы сделанные полвека назад.

Несомненно, заслуживает одобрения попытка проникнуть в тайны символического сознания древних людей, которую предприняла Н.Б. Васильева. В ее снабженной обильными цитатами статье, посвященной мезолитической чуринге (см. обложку сборника) с оз. Кумзеро в Вологодской области, выражается надежда на то, что разгадка возможна с помощью исследований в области психологии.

Очевидно, что работы сборника могут заинтересовать специалистов, интересующихся различными аспектами исследований каменного века: палеогеографии и экологии, культурогенеза и периодизации и даже семантики и палеопсихологии.

А.В. Волокитин

INTRODUCTION

Thematic collections of articles on northern archaeology are rather rare. Even more rare are collections on the Stone Age epoch in this territory. On the other hand, the interest towards this kind of researches is currently increasing as more scholars begin to recognize their importance for understanding the adaptive capacities of ancient collectives. Here we present to the scientific community a set of works focusing territorially on the whole European North: Finnish Lapland, Karelia, Vologda area (the Sukhona river Basin) and the European North-East.

This collection of articles would have remained uncompleted without the review article by V. Ya Shumkin. Significantly, he discusses the researches on the Stone Age in Northern Europe in the context of processes reconstructed for the Asian part of Arctic and Subarctic. Unfortunately, the author has failed to give the references to corresponding publications in his work.

The article by A. N. Sorokin is rather critical as usual. The author discusses the alternative “diffusionist” and „evolutionistic” models of cultural genesis in the Eastern European final Paleolithic and Mesolithic. While doing this, the author makes sometimes rather harsh comments about his colleagues. Although we feel sorry about this, we still think that an author has a right to choose the style of discussion him/herself.

G. M. Burov proposes rather elegant reconstructions of Mesolithic dwellings excavated by him as well as by other researchers. He relies on the rich experience gained in the European Mesolithic studies and offers criticism of the previous attempts of such reconstructions. It should be noted, however, that this work was prepared for publication in the beginning of 1990s. Therefore, it does not take into account the most recent researches on the Mesolithic dwellings’ remains in this region¹.

Most researches in this collection are based on new, previously unpublished archeological materials. Still, all the authors manage to reach wide generalizations while discussing the place of the new sites among other Stone Age findings.

The joint article by P. Yu. Pavlov and the talented but, unfortunately, early departed archeologist and excavator E. Yu Makarov should be undoubtedly mentioned first. The authors discuss, in the monographic form, the material from one of the late Paleolithic campsites in the upper Kama basin. This campsite, Shirovanovo 2, is currently becoming the model site for the Middle Uralic late Paleolithic culture along with the well-known Talitsky campsite.

The work of Finnish colleagues on the Mesolithic campsite Sujala in the Finnish north deserves special attention. The authors have managed to find and examine

¹ Волокитин А. В. 1997. Мезолит // Археология Республики Коми. М., 1997. С. 91–145; Волокитин А. В., Косинская Л. Л., 1999. Мезолитические жилища Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 1999. 36 с. (Научные доклады / Коми научный центр УрО РАН. Вып. 414); Волокитин А. В. Исследование мезолитических жилищ стоянки Парч 2 на Вычегде // Тверской археологический сборник. Вып. 5. Тверь, 2002. С. 183-191; Волокитин А.В. Мезолитический памятник Лек-Леса на р. Ижма // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья - М.: ACADEMIA, 2005. – С. 198-205.

the northernmost European site with tanged arrowheads. They believe, that the “fast” migration of the ancient collectives, which have left this and probably other sites in Finnish Lapland, originated from the central part of Russian plain. In order to prove this, they compare their material with the Mesolithic cultures of Butovo type.

L. L. Kosinskaya most probably for the first time publishes materials from the Mesolithic sites of the significant part of European North-East including Vym basin and the neighboring parts of the lower Vychegda valley. This author uses a rather original methodology based on mathematical statistic in order to interpret her materials.

A. M. Zhulnikov presents a small Mesolithic campsite Putkinskaya 8 in Karelia, which has quartz toolkit.

V. N. Karmanov (Syktyvkar) and N. G. Nedomolkina (Vologda) present their joint analysis of similarly-looking Neolithic materials from neighboring regions: Vychegda basin and Sukhona Basin. The analysis seems to be rather successful – it has led the authors to the conclusion, that the current views on the genesis of the pit-comb Neolithic need a significant revision.

An interdisciplinary group of researches – geologists, biologists and archaeologists (N.E.Zaretskaya, A.V.Volokitin, V.N.Karmanov, O.N.Uspenskaya and Yu.V. Golubeva/Bratushchak) – presents a distinctive revision of the previous researches on paleogeography of the Sindor archaeological micro-region. The first complex investigations of the sites in this micro-region were performed by G. M. Burov quite a long time ago. Unfortunately, these investigations have remained the unique episode in the practice of archaeological investigations in the European North-East. The modern research partly supports and partly significantly corrects the conclusions made almost half a century ago.

The attempt of N. B. Vasilyeva to understand the enigma of ancient people’s symbolic consciousness undoubtedly deserves approval. In her article on Mesolithic Churinga (see the cover of this book) from lake Kumzero, Vologda area, she expresses (and supports by numerous quotations) the hope, that the solution of this enigma is possible on the base of psychological studies.

I believe, that the papers presented in this collection will be useful for specialists interested in different aspects of the Stone Age research: paleogeography, ecology, cultural genesis and even semantic and paleopsychology.

A.V. Volokitin

СТОЯНКА ШИРОВАНОВО II – НОВЫЙ ПАМЯТНИК ПОЗДНЕГО ПАЛЕОЛИТА В БАССЕЙНЕ ВЕРХНЕЙ КАМЫ

Макаров Э.Ю., Павлов П.Ю.*

**Институт ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар
e-mail: pavlov.hist@mail.komisc.ru*

Стоянка Широфаново II открыта в 1990 г. Э.Ю.Макаровым и неоднократно обследовалась им же в период с 1990 по 2000 г. (Макаров, 2002). В 1992 и 2000 гг. на стоянке были проведены небольшие раскопки. В 2006 г. памятник был обследован П.Ю. Павловым.

Стоянка расположена в устье р.Иньва, на ее правом берегу (в настоящее время на правом берегу обширного залива Камского водохранилища) в 300 м к северо-западу от д. Широфаново и в 2 км к западу от с. Кыласово (Ильинский район Пермского края) (рис.1). Географические координаты стоянки – 58°53'38" с.ш. и 56°04'24" в.д. До создания водохранилища русло Иньвы в этом месте образовывало крупный меандр, в средней части которого найдено несколько палеолитических местонахождений – Широфаново I-VIII. Из них наибольший интерес представляет стоянка Широфаново II. На остальных местонахождениях найдены немногочисленные каменные изделия и кости плейстоценовых животных (Макаров, 2002). Их детальное изучение не проводилось.

Культурный слой стоянки Широфаново II подвергся значительному разрушению в результате волновой абразии берега Иньвы. находки позднепалеолитического облика встречались на протяжении 100-120 м вдоль обнажения 7-9 м террасы и на расстоянии до 20 м от его края. Естественной северо-западной границей местонахождения является устье лога. Таким образом, первоначальная общая площадь стоянки составляла не менее 2000 кв.м.

В зоне распространения подъемного материала были выявлены два скопления каменных изделий и плейстоценовой фауны. Расстояние между скоплениями около 60 м. Оба скопления имели, в общем, округлую форму размерами приблизительно 20x10 м и площадью около 200 кв.м. В скоплениях найдены многочисленные каменные изделия и кости плейстоценовых животных. Большая часть костей расколота. Сохранность каменного материала очень хорошая – изделия не окатаны, на многих сохранилась карбонатная корка. Все же материал был отсортирован в волноприбойной зоне, хотя и не очень значительно. Мелкие предметы встречались, в основном, под обнажением террасы и, несомненно, были перемещены на 5-10 м в результате волнового разброса. При сопоставлении материалов скоплений по составу сырья, технике расщепления и вторичной обработке, а также по типологическому облику значительных различий между ними не выявлено. Более того, несколько примеров ремонта изделий, происходящих из разных скоплений, прямо указывает на их

синхронность. И в первом и во втором скоплении подъемный материал встречается у самого края обнажения, что свидетельствовало о наличие сохранившихся участков культурного слоя в отложениях II террасы Иньвы. Небольшие раскопки и зачистки обнажения террасы подтвердили это предположение.

Культурный слой стоянки Шированово II приурочен к отложениям II террасы р. Иньва, в настоящее время имеющей высоту 7-10 м (до создания водохранилища 19-22 м). В зачистке обнажения II террасы Иньвы был зафиксирован следующий разрез (сверху) (рис.2):

1. Дерново-почвенный слой. Верхняя часть слоя представлена пахотным слоем. Мощность – от 0,2 до 0,4 м.

2. Светло-серая пылеватая супесь – подзолистый горизонт голоценовой дерново-подзолистой лесной почвы. В средней части слоя линзовидно залегает прослой (до 0,2 м) темно-серой гумусированной супеси. Мощность слоя – до 0,6 м.

3. Темно-бурый плотный лессовидный суглинок ореховато-призматической структуры, сильно трещиноватый. В трещинах пленки окислов железа и марганца – иллювиальный горизонт голоценовой почвы. Подошва слоя подчеркнута ожелезнением. Мощность слоя – от 0,45 до 0,85 м.

4. Светло-бурый легкий карбонатный лессовидный суглинок с выраженной столбчатой отдельностью. Нижняя часть слоя насыщена карбонатными конкрециями в виде журавчиков. Нижний контакт постепенный. Мощность – 1,10 м.

5. Серо-коричневый слабогумусированный суглинок с многочисленными карбонатными конкрециями в виде журавчиков. Ниже по разрезу слой приобретает серо-голубую окраску. В верхней части слоя на глубине 2,7-2,8 м от поверхности отложений залегает прослой (0,10 м) сизо-серого оглеенного суглинка, к которому приурочен культурный слой позднелепелитической стоянки. Мощность слоя – 0,7-0,85 м.

6. Сизо-серый оторфованный тяжелый суглинок с обломками древесины. Верхний и нижний контакт языковато-волнистый, солифлюкционный. В основании слоя найдены кости плейстоценовых млекопитающих. Мощность – от 0,2 до 0,7 м.

7. Зеленовато-серый суглинок. Мощность – от 0,6 до 0,8 м.

8. Темно-серый плотный суглинок с ортандовыми прослоями – цоколь террасы. Слой уходит под урез водохранилища. Видимая мощность – 2 м.

Культурный слой памятника залегает в верхней части погребенной почвы, возраст которой пока не установлен. Тем не менее, ее стратиграфическое положение в верхней части отложений II террасы указывает на ее позднелепелитический возраст. Также обращает внимание сходство стратиграфического положения культурных слоев на стоянках Шированово II, Талицкого и местонахождении Ганичата II. На всех этих

памятниках культурные слои приурочены к тяжелым оглееным суглинистым отложениям, перекрытым лессовидными супесями, что, возможно, указывает на их близкий возраст.

Культурный слой стоянки имеет мощность не более 0,10 м и, вероятно, сохранился *in situ*. В культурном слое на площади около 20 кв. м найдено 12 каменных предметов и пять плохо сохранившихся небольших фрагментов костей. Находки располагались под разными углами к горизонтальной плоскости, иногда почти вертикально, что указывает на постседиментационные деформации культурного слоя. Тем не менее, четкая приуроченность находок к сравнительно маломощному глеевому прослою, наличие древесного угля в слое с находками свидетельствуют в пользу его относительно хорошей сохранности.

В коллекции каменных предметов – две расколотые кремневые гальки, восемь отщепов и два изделия с вторичной обработкой – кремневый отщеп с ретушью и проксимальная часть пластины с краевой ретушью. Состав сырья полностью соответствует сырью изделий коллекции подъемного материала. Каменный инвентарь из раскопок и сборов на поверхности, безусловно, составляет единый комплекс.

Всего коллекция подъемного материала стоянки насчитывает около 5000 предметов, из них около 700 изделий с вторичной обработкой.

На стоянке также собраны многочисленные фаунистические остатки, принадлежавшие лошади (абсолютно преобладает), северному оленю, мамонту и носорогу. Особо отметим, что среди костей скелета лошади представлены почти исключительно кости конечностей и зубы.

Каменный инвентарь. Петрографический состав сырья очень разнообразен, что обусловлено использованием галечного материала. Выходы аллювиальных галечников расположены всего в 300 м к юго-востоку от памятника, в устье р. Широфановка. Преобладающими породами являются кремнь, преимущественно серо-голубой и коричневый (55%), кварцитопесчаник (31%), кремнистый сланец (12%) и габбро-диабазы (2%). В коллекции есть несколько предметов, изготовленных из небольших галек горного хрусталя.

Состав коллекции каменного инвентаря приведен в табл. 1.

Нуклеусов в коллекции 401 экз. Подавляющее большинство имеет уплощенную форму с одной-двумя сильно скошенными площадками. Наряду с негативами снятия укороченных пластин на нуклеусах имеются негативы снятий широких пластин, часто занимающих весь фронт скалывания. Характерными для данной индустрии являются также нуклеусы с двумя поверхностями расщепления, расположенными перпендикулярно. В небольшом количестве встречены торцовые и плоские формы ядрищ. Нуклеусы, как правило, сильно сработаны.

Состав категорий орудийного набора памятника представлен в табл. 2.

Основные категории каменного инвентаря стоянки Широаново II.

Категории	Скопление 1	Скопление 2	Всего
Расколотые гальки, куски, обломки	490 (16%)	68 (4%)	558 (11%)
Нуклеусы	216 (7%)	185 (10%)	401 (8%)
Отщепы	1451 (48%)	1192 (62%)	2643 (53%)
Пластины	119 (4%)	58 (3%)	177 (5%)
Чешуйки	328 (11%)	139 (7%)	467 (9%)
Изделия с вторичной обработкой	446 (14%)	262 (14%)	708 (14%)
Всего	3052 (100%)	1904 (100%)	4956 (100%)

Среди изделий с вторичной обработкой ведущее место принадлежит скребкам. Среди них можно уверенно выделить несколько типов.

Первый представлен концевыми скребками, как правило, высокой формы на пластинчатых заготовках с ретушированными краями (рис. 3, 14-18; 4, 1-4).

Второй тип представлен укороченными скребками на фрагментах пластин с неретушированными краями (рис. 4, 23, 24, 27).

Третий тип – это изделия на пластинчатых заготовках с субпараллельными неретушированными или частично ретушированными краями (рис. 4, 17-20).

Четвертый тип – это округлые скребки на отщепах, иногда высокой формы с ретушью почти по всему периметру заготовки (рис. 5, 1-3, 5-7).

Таблица 2

Состав категорий орудийного набора стоянки Широаново II.

Категории	Скопление 1	Скопление 2	Всего
Скребки	98 (22%)	66 (25%)	164 (23%)
Резцы	103 (23%)	54 (20,5%)	157 (22%)
Долотовидные	41 (9%)	30 (11,5%)	71 (10%)
Скребла	32 (7,5%)	30 (11,5%)	62 (8,5%)
Пластины с ретушью	49 (11%)	22 (8%)	71 (10%)
Острия и проколки	32 (7,5%)	10 (3,5%)	42 (6,5%)
Ножи	42 (9,5%)	31 (12%)	73 (10,5%)
Галечные орудия	6 (1,5%)	4 (1,5%)	10 (1,5%)
Единичные формы	41 (9%)	17 (6,5%)	58 (8%)
Всего	446 (100%)	262 (100%)	708 (100%)

Остальные скребки не составляют значительных серий. Выделяются скребки а museaux на отщепах с высоким рабочим краем, выделенным ретушированными выемками (рис. 5, 11). Оригинальны орудия, сочетающие лезвия скребка и продольного скребла, обработанного чешуйчатой ретушью (рис. 5, 13).

Для обработки скребков чрезвычайно характерен прием выделения шипа или выступа на углу лезвия.

Резцы. Самыми многочисленными являются боковые выемчато-усеченные резцы, изготовленные на отщепах и разнообразных сколах (рис. 3, 1-2). Резцовые сколы производились с ретушированной выемки. Другой конец выемки часто образует ретушированный носик. Изделия часто имеют ретушированные края. Двугранные резцы представлены несколькими орудиями, изготовленными на фрагментах пластин (рис. 3, 10-12). Многочисленную группу составляют также поперечные резцы (рис. 3, 4, 8).

В инвентаре стоянки имеются характерные орудия с носиком верхнекамского типа. Орудия изготовлены на мелких галечках кремня, имеют узкое, вытянутое лезвие, обработанное пятью-шестью резцовыми сколами. Лезвие выделено двумя глубокими дополнительно ретушированными выемками (рис. 3, 13). Вентральная поверхность у лезвия не обработана. Не исключено, что эти изделия являются специализированной формой нуклеусов, применявшихся для изготовления миниатюрных микропластин.

В инвентаре стоянки широко представлены долотовидные орудия. Типологически они очень однородны. Как правило, это изделия подпрямоугольной формы с одним лезвием, обработанным чешуйчатой подтеской (рис. 5, 15-20; 6, 1-6).

Острия и проколки можно разделить на два типа. Первый представлен изделиями с жальцем, выделенным ретушированными выемками с одной или двух сторон (рис. 6, 14-15).

Второй тип составляют изделия, жальце у которых образовано асимметрично расположенной ретушированной выемкой на торце изделия (рис. 6, 12).

В каменном инвентаре стоянки многочисленны пластины с ретушированными пологими выемками, расположенными на одном из краев заготовки (рис. 6, 16). Найдены две пластины с притупленной спинкой. Характерно также, что все фрагменты пластин представлены проксимальными частями, имеющими помимо вторичной обработки в виде краевой ретуши, негативы подправки карниза (рис. 6, 20, 24, 29).

Значительную группу составляют ножи – 73 экз., из них 45 на пластинах.

В материалах широко памятника представлены скребла. Большинство орудий этой группы изготовлено на краевых или полукраевых сколах. Представлены поперечные и продольные формы. Лезвия орудий

прямые, вогнутые и выпуклые, обработаны чешуйчатой ретушью (рис. 7, 1-18; 8, 1-10).

Среди зубчато-выемчатых выделяется группа орудий с вогнутым краем, с носиком, подчеркнутым одной выемкой. Чрезвычайно характерны для инвентаря памятника крупные зубчато-выемчатые орудия. Это изделия унифасиальной обработки с массивным высоким зубчато-выемчатым рабочим краем (рис. 8, 9).

Найдены также галечные орудия – чопперы, изготовленные на гальках кварцитопесчаника.

Единичные формы – это, как правило, сломанные и незаконченные орудия.

Примечательно, что в коллекции стоянки Широфаново II имеются шлифованные изделия. Одно из них – пест из габбро-диабазы с усеченно-коническим концом. Второе изделие – шлифованная плитка сланца с нарезками в виде прямых линий на одной стороне, обломанная по одной из этих линий (рис. 6; 31). В коллекции также имеется небольшой отщеп зеленоватого сланца, сколотый со шлифованного орудия.

Костяной инвентарь представлен только одним изделием типа мотыги, изготовленным из штанги рога северного оленя.

Несомненно, выдающейся находкой на памятнике является кремневая фигурка мамонта, найденная в первом скоплении. Размеры фигурки – 60х60 мм. Она изготовлена из плитки коричневого кремня. Двусторонней краевой ретушью смоделирован контур туши зверя, с характерной покатою спиной и выступающим черепом и изогнутым хоботом. Стопа передней ноги мамонта с характерной подушкой выделена пологой ретушированной выемкой. С двух сторон плитки глубокими гравированными (?) бороздами выделены задние ноги зверя. Аналогии этой фигурке в палеолитических памятниках как Восточной Европы, так и Сибири автору неизвестны. Тем не менее, обращает на себя внимание определенное сходство в трактовке головы мамонта широфановской фигурки с палеолитическим рисунком мамонта Каповой пещеры (Бадер, 1965).

Стоянка Широфаново II по технико-морфологическим и типологическим характеристикам каменного инвентаря является полной аналогией стоянке Талицкого. Сходство прослеживается по всем технико-типологическим показателям коллекций этих памятников. Полностью идентичен состав сырья стоянок. Техника первичного раскалывания основана на нуклеусах объемного расщепления (подпризматических и торцовых) при наличии плоских форм. Расщепление было направлено на получение пластин укороченных пропорций. Торцовые нуклеусы применялись для изготовления микропластин. Аналогичны скребла с выемчатым лезвием, рубящие орудия унифасиальной обработки с шипами, пластины с выемкой на дистальном конце, образующей шипы, скребки высокой формы и укороченные на фрагментах пластин, скребки с шипом на углу лезвия, небольшие округлые скребки с ретушью почти по всему периметру заготовки, проколки. В

коллекциях широко представлены пластины с выемками. Имеются галечные орудия – скребла, чопперы и чоппинги.

Единственным серьезным отличием этих комплексов является наличие большого количества разнообразных резцов в коллекции Шированово II. Однако это отличие ни в коей мере не может служить основанием для культурной дифференциации стоянок.

Материалы Шированово II являются наиболее богатым и выразительным собранием среди комплексов позднепалеолитических памятников северо-востока Европы и Урала и могут рассматриваться как эталонная коллекция позднего палеолита региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бадер О.Н. Капова пещера – палеолитическая живопись. М.: Наука, 1965. 32 с.

Макаров Э.Ю. Палеолит Приуралья – итоги и перспективы // Оборинские чтения. Материалы археологической конференции. Пермь, 2002. С.3–9.

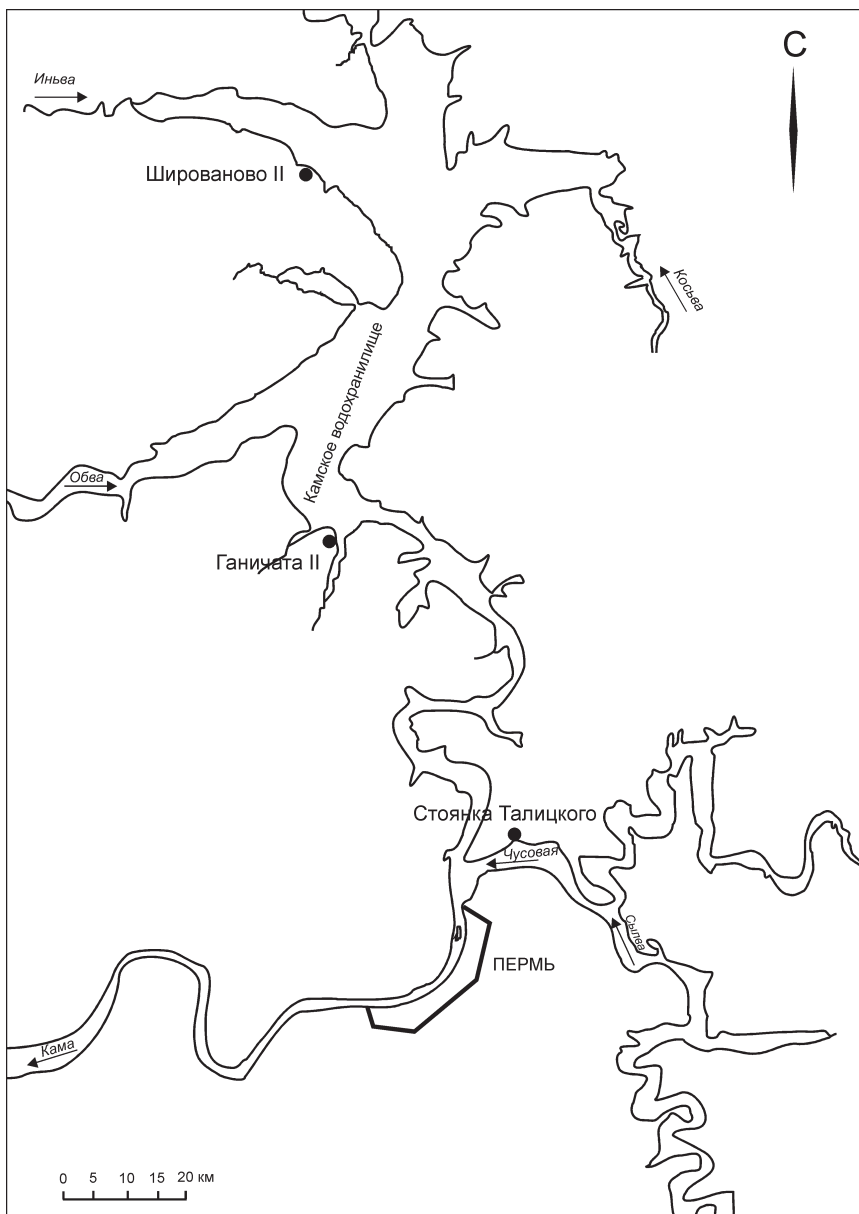

Рис.1. Схема расположения стоянки Шированово II и однокультурных ей памятников в бассейне верхней Камы.

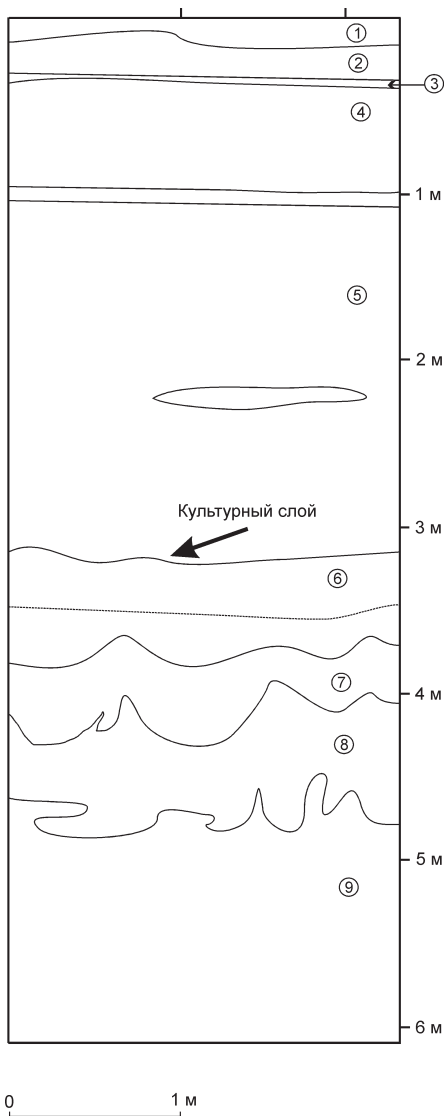

Рис. 2. Стоянка Шированово II. Разрез отложений.
 Условные обозначения: 1 - дерн; 2 - светло-серая супесь; 3 - темно-серая гумусированная супесь; 4 - темно-бурый лессовидный суглинок;
 5 - светло-бурый лессовидный суглинок; 6 - серо-коричневый суглинок;
 7 - погребенный торфяник; 8 - зеленовато-серый суглинок;
 9 - темно-серый суглинок.

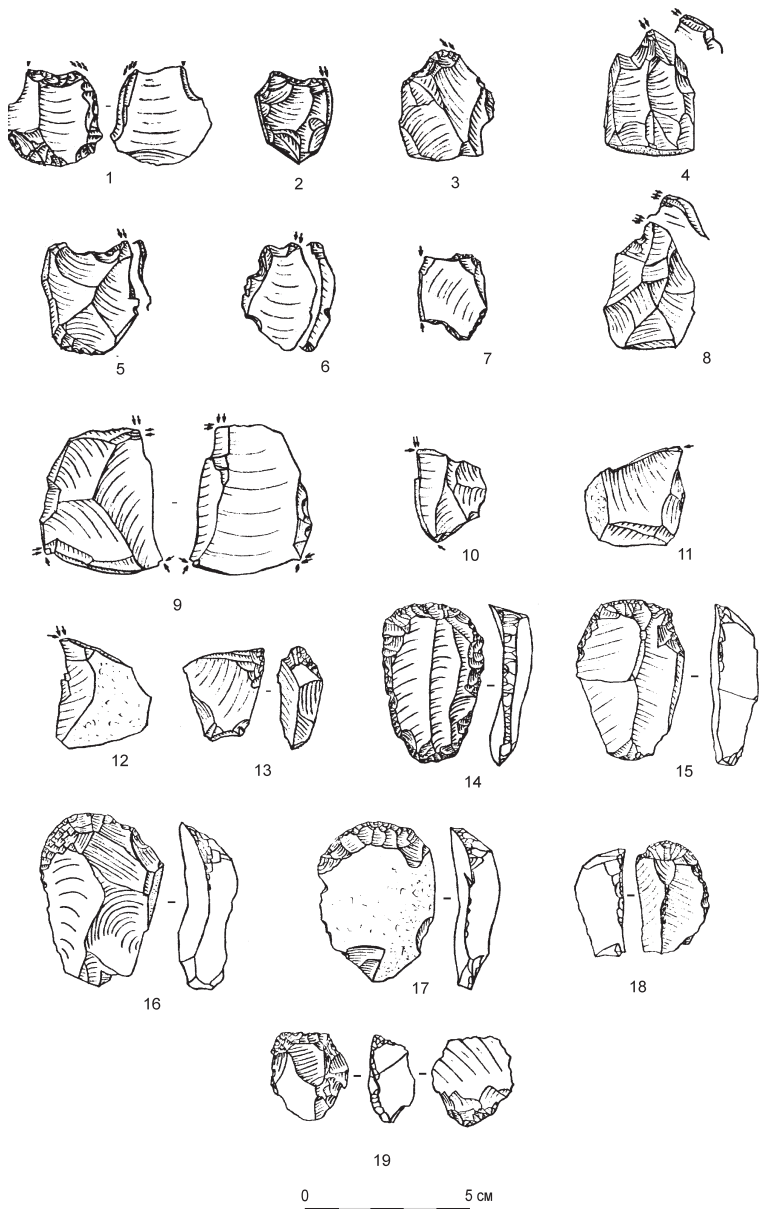

Рис.3. Стоянка Ширваново II. Каменный инвентарь.

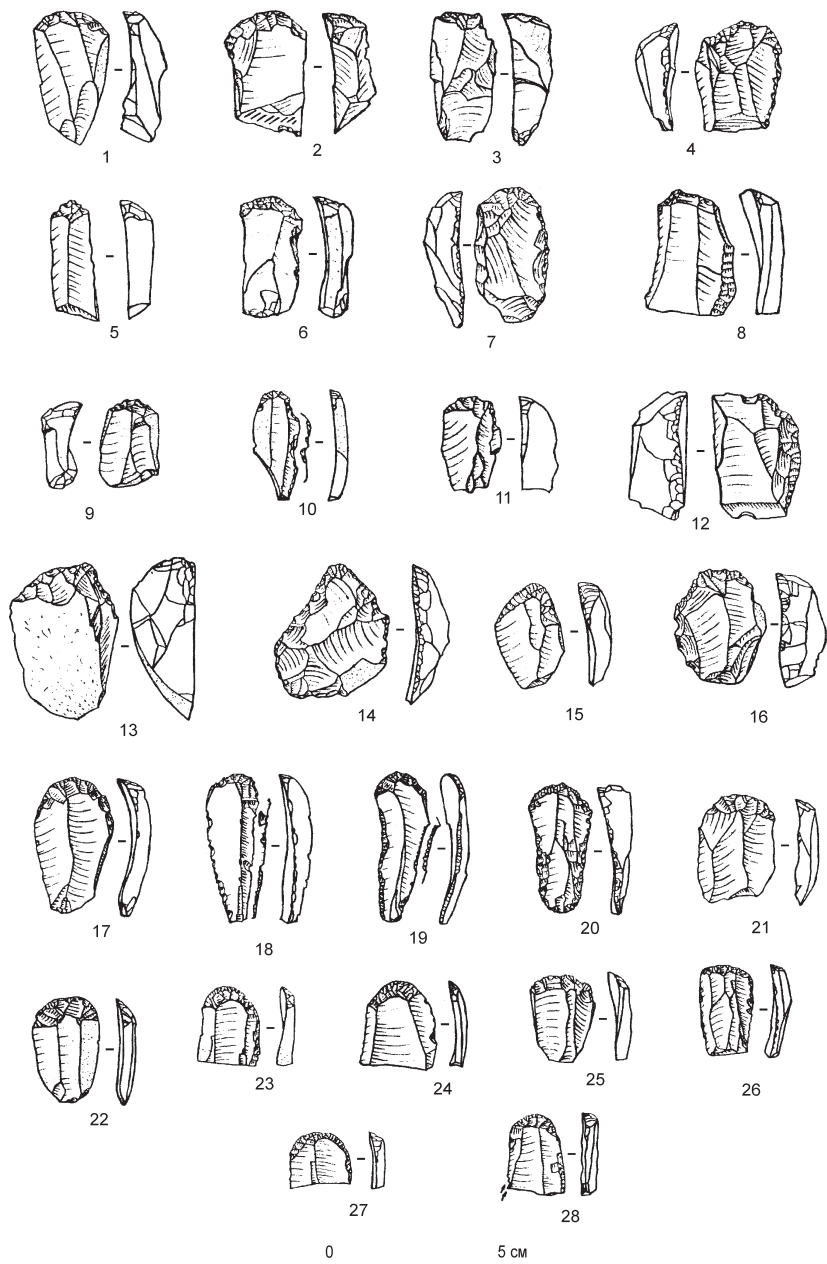

Рис. 4. Стоянка Шированово II. Каменный инвентарь.

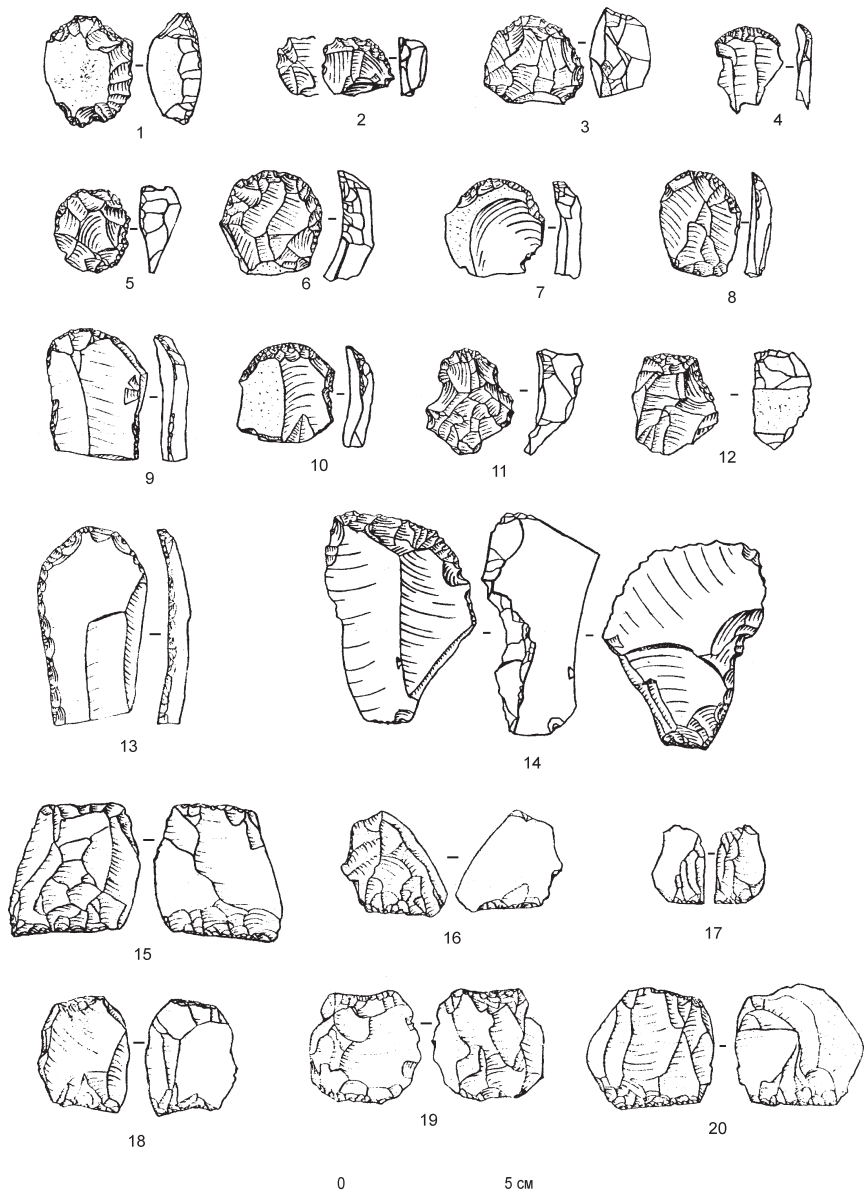

Рис. 5. Стоянка Широфаново II. Каменный инвентарь.

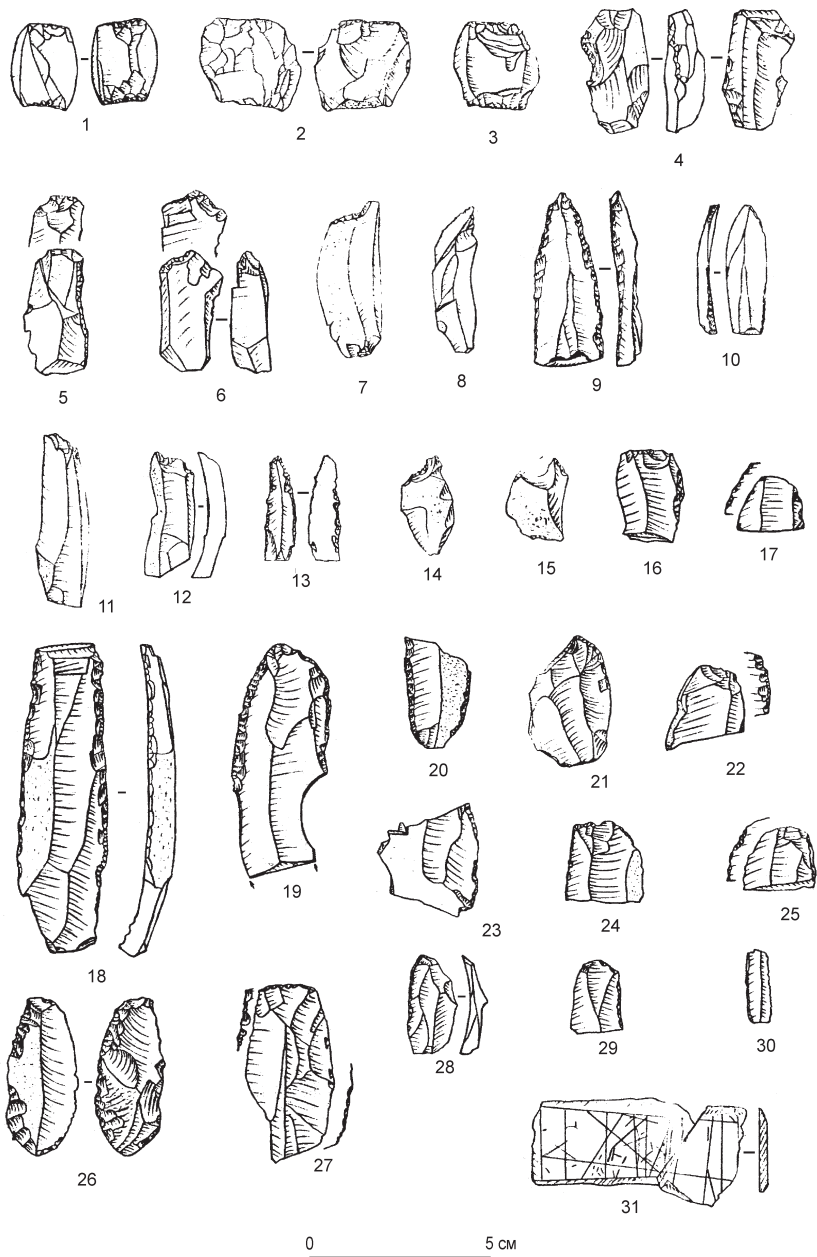
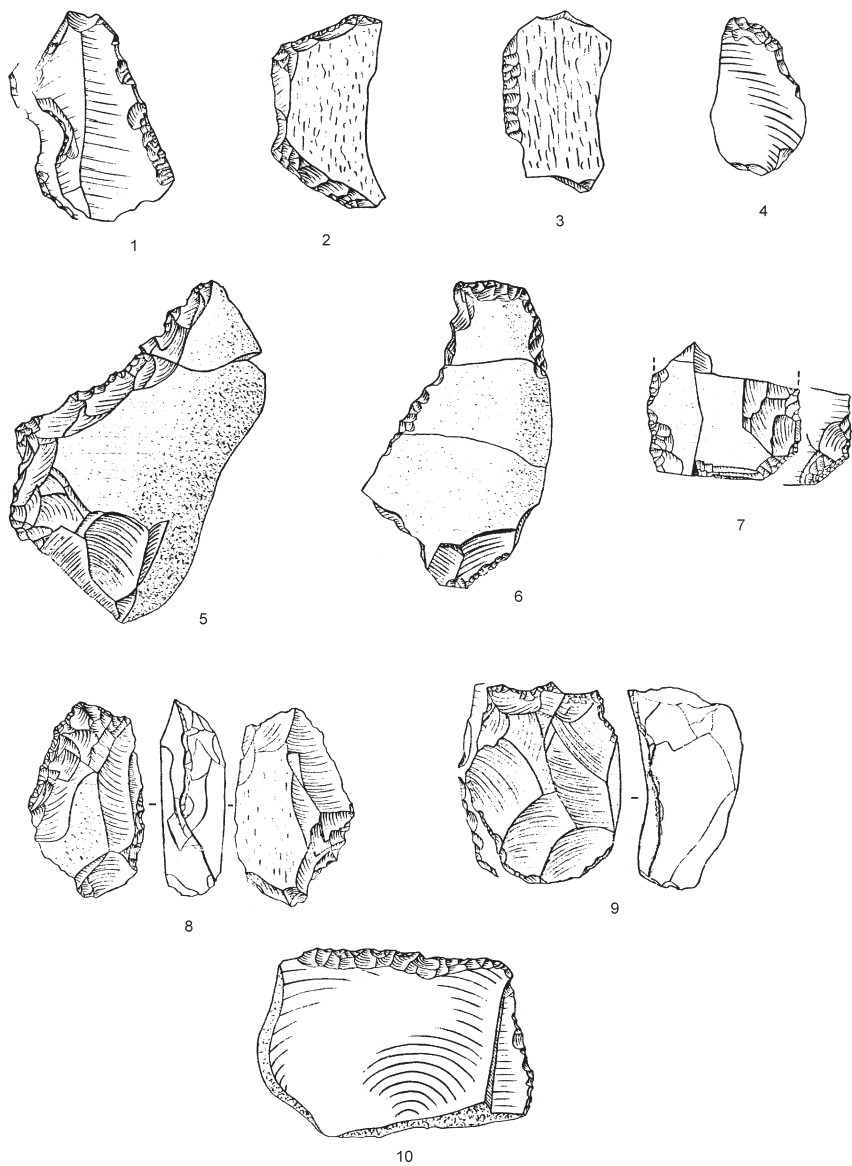

Рис. 6. Стоянка Шированово II. Каменный инвентарь.

Рис. 7. Стоянка Шированово II. Каменный инвентарь.

0 5 см

Рис. 8. Стоянка Широфаново II. Каменный инвентарь.

ЕЩЕ РАЗ О ПРОБЛЕМЕ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА В ФИНАЛЬНОМ ПАЛЕОЛИТЕ И МЕЗОЛИТЕ ЕВРОПЫ*

А.Н. Сорокин

Институт археологии РАН, Москва

e-mail: ansorokin@pisem.net

Проблема культурогенеза в современной отечественной литературе рассматривается, как правило, не столько в теоретическом (Захарук, 1976, 1978; Каменецкий, 1970; Клейн, 1970; 1975; Клейн и др., 1970; Аникович, 1989), сколько в практическом плане. Анализ показывает, что исследователи чаще занимаются изучением происхождения каждой из конкретных археологических культур, являющихся предметом их практического интереса, чем теоретическими изысканиями. Между тем от того, с каких позиций подходить к решению данной проблемы, зависит и сам конечный результат. Сказанное со всей очевидностью определяет необходимость поиска ее теоретического решения.

Для культур эпохи финального палеолита и мезолита механизм культурогенеза был предложен Л.В. Кольцовым (1979). Эта модель основывается на идее постоянных контактов древнего населения и известна как «контактная». Несмотря на то, что с некоторых пор подобный способ «сложения» археологических культур рассматривается как стандартный (Кольцов, 1996; 1998; 2000; Кравцов, 1998; Жилин, 2000; 2001), есть серьезные сомнения в его объективности. В самом деле, выведенная Л.В. Кольцовым «закономерность образования мезолитических культур как результат сложения их комплексов», подкреплённая – по верной оценке автора гипотезы – «далеко не математической формулой» (Кольцов, 1979), сводится к простому суммированию составляющих элементов. Взяв наугад почти любую его статью, можно прочесть такие строки, живописующие процесс данного «сложения»: «Бутовская культура... складывается в результате миграции части отсегментировавшегося постсвидерского населения на территорию Волго-Окского междуречья и метисации его с носителями аренсбургских и местных палеолитических традиций с формами острей, типичными для культурных групп федермессер, происходящей в ходе миграции и после нее» (Кольцов, 2000. С. 54). А также: «Случаев поглощения или ассимиляции одной культуры другой относительно немного. Можно предположить ассимиляцию отдельных групп местного волго-окского палеолита типа Алтыново-Заозерье населением бутовской культуры... Очень вероятно такое же явление в Центральной Европе, где население культуры дуфензе ассимилирует остатки аренсбургского»; при

* *Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям». Проект «Пионеры Европейской России на переломе эпох».*

этом «...неманская культура повлияла на яниславицкую путем вытеснения последней со своей территории»; а «Осуществляемое пришельцами влияние было столь сильным, что привело к распаду британского маглемозе и образованию на Британских островах культуры шиппи хилл с признаками тарденуаза и британского маглемозе» (Кольцов, 1998). И еще: «Для этой культурной общности характерна модель возникновения в одном центре с последующей миграцией после сегментации в одном направлении, дальнейшей сегментацией и миграцией в другом направлении и активным взаимодействием с соседними культурными общностями на ступени позднего мезолита, с образованием синкретической культуры на границе ареала»; «Культуры постсвидерского круга – неманская, кундская, бутовская – имеют схожие исторические судьбы. Все они просуществовали до момента появления на их базе керамических памятников» (Кольцов, 2000). А чего стоит такое его выражение, как «...группа свидерского населения, обогатившись по пути контактами с сохранившимися аренсбургскими группами, совершила миграцию в Верхнее Поволжье, где столкнулась с еще существовавшими остатками палеолита типа Алтыново. Именно в результате этих процессов сложилась бутовская культура» (Кольцов, 1996). Нет нужды говорить о великом и могучем русском языке, характерном для всех этих цитат, который, как известно, стерпит и не такое, но нельзя не сказать о главном. При таком понимании генезиса археологических культур, когда «сталкиваются и сегментируют некие остатки» и взаимодействуют друг с другом вещи и культуры (!), а не люди, подобная «материализация» идеи, если отшелушить все несуразности и вычурность слога, является стандартным отражением механического смешения разнородных материалов, а никак не механизмом возникновения археологических культур. К глубокому сожалению этот совершенно очевидный вывод так и остается неведомым автору гипотезы.

Доказательство слияния индустрий должно базироваться не на присутствии находок разных культур в одном месте или слое, не на единичных «импортных» изделиях, импортный характер которых еще надо доказать, а на наличии в комплексах «метисных» изделий и технологий. Случаев совместного залегания находок в одном слое и на одном памятнике, фиксируемых археологически, недостаточно для вывода о взаимодействии людей, ибо механическое смешение артефактов под воздействием природных, в первую очередь, почвенных процессов происходит объективно: без участия человека. Механическое смешение материалов объективно в силу воздействия глобальных природных процессов на археологические источники, которые сами по себе являются составной частью материального мира, то есть, подвержены, прежде всего, именно природным феноменам (Wood, Johnson, 1978). Смешение закономерно также из-за того, что приоритеты выбора мест жительства в каменном веке у всех были одинаковы.

Характерно, что подъемный материал, который и послужил Л.В. Кольцову основой «сложения» археологических культур, действительно часто обладает синкретическими признаками, и эти «комплексы» повторяются в массовом порядке. Но материал ими обладает потому, что он смешанный и подъемный. Неважно, что часть его получена путем раскопок. Любой раскопочный материал, полученный без его пространственной фиксации (по условным горизонтам, литологическим слоям или вертикальными зачистками), а иначе до начала 1980-х годов, когда Л.В. Кольцов формулировал свой постулат, не копалось, все равно является «подъемным». Ибо структура памятника, откуда он происходит, была уничтожена в ходе этих раскопок полевыми исследователями. И это тоже, к сожалению, реальность, хоть и субъективная.

Расчеты со всей очевидностью показывают, что скорость накопления 1 см рыхлых отложений составляет для лесса 100-200 лет и для песка – 400-500 лет. Поскольку стандартный образец для палинологического анализа имеет мощность 5 см, значит, его пачка включает в первом случае 500-1000 лет, а во втором – 2000-2500 лет. Таким образом, со всей очевидностью можно утверждать, что «шаг в 200-300 лет», предложенный для возраста палинологических образцов (Спиридонова, Алешинская, 1996. С. 65, 67), существенно превышает допустимый расчетный предел точности метода, полученный по монотонным и эталонным данным (Сорокин, 2006). Значит, как это ни парадоксально, культурный слой при стандартной скорости седиментации и погребения материальных остатков формируется не столько в момент реального обитания, хотя количество этих остатков, безусловно, важно, сколько после того, как место поселения оставлено, и начинается его естественная, постпозиционная история.

Пыльца, учитывая особенность ее накопления в грунтах, ибо сохраняется лишь та, которая вмывается или перераспределяется в них, и медленную скорость седиментации, неизбежно омолаживает все подстилающие отложения. А та пыльца, которая откладывается поверх артефактов, служащих для нее своеобразной ловушкой, искусственным «пограничным горизонтом», тоже не имеет к ним отношения. Ибо синхронная пыльца на поверхности сохраниться не может, а останется в перекрывающем слое лишь та, которая относится ко времени формирования этих перекрывающих отложений или даже более поздняя. Пыльца, синхронная находкам, вмывается в грунт, то есть откладывается ниже их уровня, и лишь поэтому сохраняется и попадает в поле зрения палинолога. Следовательно, можно утверждать, что палинология фактически отражает не время обитания на памятнике, а процесс формирования перекрывающих отложений, что неизбежно приводит и к омоложению заключенных в них артефактов. Кроме того, палинологическая методика отбора образцов не учитывает стандартного переотложения артефактов и самой пыльцы под воздействием педотурбаций (Wood, Johnson, 1978). И это ее главный недостаток.

Аналогичные метаморфозы происходят и с образцами для радиоуглеродного датирования. Прекращение в позднем плейстоцене лессообразования не просто привело к общему замедлению седиментации и скорости формирования культурных слоев, но и сохранности самих образцов, служащих для радиоуглеродного датирования. Поэтому дата чаще отражает возраст конкретного образца, а никак не вмещающего их и артефакты слоя. Это обязывает использовать в качестве образцов лишь части конструкций или фрагменты артефактов, надежно законсервированные в культурном слое, но никак не всю ту органику, которая бывает в них. Ревизия естественнонаучных датировок показывает, что для минеральных грунтов методы палинологического и радиоуглеродного датирования требуют серьезной корректировки (Сорокин, 2006). Не вызывает сомнения, что любая естественнонаучная дата должна быть не только проверена, но и непременно должна быть доказана ее принадлежность к слою, а, главное, археологическому материалу. Нет дат вообще, как и непогрешимых методов исследования, а есть конкретные образцы, связанные со слоем или, напротив, не имеющие к нему никакого отношения. Истина может быть познана лишь за счет критики источников и выработки надежной доказательной базы.

Не вызывает сомнения, что медленная седиментация неизбежно поддерживает стандартную ситуацию, когда дневная поверхность длительное время одна и та же, и на ней длительное время «в открытом виде» сохраняются изделия разных эпох. За счет этого «контактируют» сами вещи, а не люди, их изготовляющие. Следовательно, главная закономерность в образовании археологических культур состоит не в «сложении признаков разных культур вместе при доминанте одной из них», как об этом пишет Л.В. Кольцов (1979), а в объективности механического смешения артефактов под воздействием природных процессов. Своеобразный «природный замысел», итог которого внешне сходен с плодами контактов людей, происходит без их непосредственного участия и называется натурацией (Сорокин, 2000, 2002). Этот феномен объективен. Непредвзятый анализ источников показывает, что натурация, а не аккумуляция является основной причиной «метисации» инвентаря, «поликультурности» большинства археологических культур и открытому Л.В. Кольцовым «эффекту сложения их инвентаря при самовоспроизводстве».

Совершенно очевидно, что возникновение новых признаков и, как итог, образование новой археологической культуры стандартно происходит без заимствования извне, в результате внутренней эволюции. Эта «эволюционная» или «трансформационная» модель как нельзя лучше подходит к объяснению генезиса большинства европейских финальнопалеолитических и мезолитических индустрий. Орудийный набор любого первобытного коллектива складывался не в результате того, что кто-то где-то у кого-то заимствовал те или иные вещи и начинал их использовать. Это итог наследования, усвоения и развития вековых

традиций конкретных обществ каждым новым поколением у своих родителей и через них, опосредованно, всех предков. Сказанное не исключает возможности заимствования от соседей тех или иных предметов и навыков их изготовления, но предполагает вспомогательную роль подобных контактов. Этнография, дающая примеры взаимодействий и заимствований, не является доказательством их реального существования в финальном палеолите и мезолите, так как все они относятся к обществам, хоть и «диким» с точки зрения европейской цивилизации, но на самом деле находящимся на достаточно высокой ступени общественного развития. Разветвленные системы обмена австралийских аборигенов (Берндт Р., Берндт К., 1981) к финальному палеолиту и мезолиту Европейских равнин не применимы потому, что плотность населения в Австралии, служившая там основой «института обмена», значительно выше той, которая была в Европе на рубеже плейстоцена-голоцена. Вот почему «контактная гипотеза» и не может быть «нормой генезиса археологических культур» эпохи каменного века.

Когда сторонники «контактной гипотезы» говорят о заимствовании изделий, создается впечатление, что древние люди занимались своеобразным собирательством и то там, то тут подбирали микролиты, наконечники стрел и другие предметы и включали их в собственный обиход. Это более чем странно само по себе, во-первых, и логически не объяснимо, во-вторых. Если что-то заимствовалось, то не в виде отдельного микролита, наконечника или клинка топора, рукоятки, оправы или муфты. Все эти чудеса с «собираем» возникают в голове археолога, который общается не с «живой» материальной культурой, а с объектами, существенно трансформированными временем, с фрагментами, по которым можно лишь приблизительно догадываться о некогда существовавшем артефакте и его функции. Из-за того, что мы имеем дело с частями реальных вещей, и создается иллюзия, будто древние жители обменивались чем-то вроде вкладышей или наконечников. На самом деле они могли заимствовать друг у друга только целые предметы в виде костяных, деревянных и роговых оправ с полным набором вставленных в них вкладышей. И если мы не находим их комплектно, то не было и заимствований. К настоящему времени раскопано достаточное число торфяниковых стоянок, чтобы говорить об этом со всей очевидностью. Реальность такова, что достоверных фактов заимствований археологический материал не дает. А дает он многочисленные примеры того, как финальнопалеолитические и мезолитические изделия встречаются вместе с керамикой, и исследователи упорно твердят о переживании традиций, хотя речь должна идти о простом механическом смешении разновременных материалов. Но даже если заимствования были, они не могли из-за их эпизодичности привести к радикальному изменению облика культуры, тем более, постоянному сложению любых новых. Более того, если всерьез пытаться налаживать контакты с соседями, как сейчас, так и особенно в древности, ни одному

здравомыслящему человеку не придет в голову подарить ближнему своему лишь часть предмета или его обломок. Соседу, с которым хочешь дружить, не подаришь пробку от бутылки или рваную крышку. А если тот их и попросит, то это лишний раз наведет на мысль, а в своем ли тот уме и следует ли с ним действительно общаться? Даже ребенку не подаришь половинку игрушечной машины или рукоятку от пистолета, что уж тогда говорить о деликатности подарков и утонченности способов дарения ближнему своему в первобытном обществе. Тут невольно и врага недолго нажать. Обмен – это особый общественный институт, возникающий на определенной и зрелой ступени развития общества, требующий определенной плотности населения и развития инфраструктуры (Берндт Р., Берндт К., 1981). Но и тогда, когда он возник и функционирует, целый предмет, диковинная вещь, которую бескорыстно предложишь соседу, не побудит того перестраивать из-за нее, привычную для него индустрию. Любая незнакомая вещица, как правило, так и останется для него раритетом, диковинкой, напоминанием о встрече, но никак не толчком к копированию, изготовлению аналогов или стимулом к изобретению иных технологий. Единичный предмет не может привести к созданию технологической цепочки, если в конкретном обществе нет соответствующей потребности, а если таковая назрела и есть с кем взаимодействовать, то все равно заимствуется не единичный предмет, а технология его изготовления. Но как раз этого и не дает массовый археологический материал.

Предположения о заимствованиях как двигателях прогресса или технологий могут посетить лишь кабинетных исследователей, не только не разбирающихся в древностях и обычаях, но и оторванных от окружающих их реалий. Подобрал где-то кем-то случайно оброненный предмет, не зная его реального назначения, человек, как правило, способен лишь подивиться своей находке, если есть чему, да прихватить ее с собой. Возможно, показать кому-то, а никак не совершенствовать или трансформировать ее – по образному выражению М.Г. Жилина (2000) – «по мере продвижения на восток». Смысл, заключенный в вещи, чаще всего остается непонятным человеку, случайно нашедшему ее, если в его обиходе нет аналога. А если она ничем не отличается от тех, которые уже имеются, то эта находка вообще не имеет практического значения ни для древнего обитателя Европейских равнин, ни для археолога. Ибо и тот, и другой на нее вряд ли обратят внимание. Подобрать и сохранить можно лишь нечто экстраординарное, непонятное, то, что не копируют и не повторяют в дальнейшем. То, что способно вызвать удивление, но не имеет никакого практического значения, то есть не является предметом для подражания. Хотя нашедшие некую диковинку и могут предпринимать попытки найти другую такую или даже еще более необычную вещь. Многие, особенно в детстве, собирают окаменелости, радуются им, даже хранят или обменивают на другие. Но ни разу не приходилось встречать кого-либо, кто бы пытался повторить и самостоятельно изготовить все эти чудеса. Это же относится и к продуктам

человеческого труда. «Смысл вещей» утрачивается довольно быстро. Даже если не брать в расчет белемниты, интерпретируемые молвой в качестве «чертовых пальцев», и прочие окаменелости или «дочеловеческие» диковины, то стоит ли удивляться тому факту, что за 2-3 тысячи лет каменные наконечники стрел становятся «громовыми», сверленные боевые топоры превращаются в «молоты Тора», а гальки с отверстиями отождествляются не иначе, как с «курьюми богами»?! И никогда они не превращаются в утилитарные предметы. Важнее то, что находки этих диковин никогда не провоцируют никаких новых технологических цепочек, а фрагменты древних предметов никогда не способны навести на мысль о желании их копирования и, тем более, трансформирования. Это полная нелепость. И в эту нелепость нас призывает верить Л.В. Кольцов (1989, 1996, 2000) и его последователи (Жилин, 2000; 2001; Кравцов, 1998). Механизм заимствования был иным, и генезис археологических культур эпохи каменного века никак не связан с обменом или «собираательством» и «коллекционированием». От такой картины первобытности, которую они рисуют, давно пора отказаться.

Очевидно и другое: территория археологической культуры – это абстракция, гносеологическая категория, как и само понятие «археологическая культура» (Захарук, 1976), а не ареал с жесткими границами. Ее нужно воспринимать как географическое пространство, в пределах которого популяция жила по сезонному циклу. Население Европы в финальном палеолите и мезолите было столь малочисленно, что вполне правдоподобна ситуация, когда некая группа обитала на летней стоянке, зимнего стойбища не было, и наоборот. Фактически это «временная последовательность разных форм пространственной организации производственного коллектива» (Сорокин, 2002). Границы археологических культур этого времени, следовательно, должны неизбежно совпадать с ареалами годовых циклов. Причем археологическая картина – это результат наложения друг на друга изменявшихся во времени маршрутов кочевого населения. Фактически, это спроецированная на карту история, спрессованная последовательность разновременных событий, а не отражение одновременной заселенности территории. Ареал археологической культуры каменного века – это размах пространственного колебания популяции в пределах кормовой территории, который мог перекрываться ареалом другой популяции, но контролироваться в целом никак не мог. Этого просто некому было делать. Данное обстоятельство со всей очевидностью приводит к пониманию археологической культуры как гносеологической категории пространственно-временной связи ископаемых объектов.

В тех случаях, когда ареалы разных популяций пересекались, а из-за малочисленности обитателей окраины ойкумены и необъятных пространств Европы это было крайне редко, люди, судя по всему, воевали друг с другом, а не кидались в объятия (Поршнева, 1979). Наличие документальных

свидетельств военных столкновений, зафиксированных по материалам ряда европейских могильников, подтверждает вывод о специфике реального взаимодействия людей. Вместе с тем сама малочисленность таких фактов подтверждает их исключительность, а не закономерность и обыденность. Поэтому многочисленные реконструкции контактных зон и метисных памятников, которыми пестрит вся специальная литература, базируются исключительно на случаях совместного залегания находок и неверной, прямолинейной интерпретации этих наблюдений. Однако совместное залегание разнородных предметов чаще всего не является результатом аккультурации, «продуктом» общения этносов и реального взаимодействия разных групп первобытного населения, а служит, прежде всего, итогом их массового природного механического смешения. Хотя, разумеется, абсолютной повсеместной изоляции людей не было. И звучащая здесь критика «контактной» гипотезы отнюдь не означает безусловного отрицания самой идеи взаимодействия древнего населения. Она лишь подчеркивает ее декларативный характер и отсутствие доказательной базы. Легкость, с которой по Л.В. Кольцову происходили контакты первобытных людей, создает впечатление, что разгадка проблемы генезиса археологических культур тоже лежит на поверхности. Между тем на поверхности лежит совсем другое, то, что служит основой его «контактной» гипотезы – подъемный материал. А это означает, что для доказательства взаимодействия он не годится и необходимо искать реальные признаки, подтверждающие и обосновывающие подобные факты. В качестве такого реального, а, возможно, единственного показателя культурного взаимодействия в интересующее нас время могут служить находки-маркеры, то есть артефакты, выполненные в «смешанной» (бинарной) технологии. Именно они-то и отсутствуют в основной массе так называемых «метисных комплексов», что подтверждает факт их естественного образования (Сорокин, 2000; 2002).

Анализ экосистем охотников на северного оленя и лося позволяет с полным правом утверждать, что территория конкретной археологической культуры эпохи каменного века не может локализоваться устьем Камы, средней Вычегдой, Верхним Поднепровьем или даже площадью одного речного бассейна, как бы велик он ни был. Ибо такова экология человека в качестве биологического вида. Вместе с тем, она не может быть и бесконечно большой, скажем, охватывать территорию всей Европы или Азии. Поэтому устанавливать «территориальные рамки» археологической культуры следует не только по сходству каменного инвентаря, но и с помощью моделирования окружающей среды, растительного и животного мира, образа жизни и физических возможностей самого человека.

Насколько можно судить, в основе «территориального единства археологических культур» каменного века лежит сезонно-подвижный образ жизни первобытного населения. Поэтому для финального палеолита Европы – эпохи северного оленя – минимальная протяженность ареала должна была

составлять приблизительно 1000 км, а средняя – около 1500 км, то есть соответствовать амплитуде ежегодных сезонных миграций северного оленя и перемещений этнографических охотников на него. А для охотников на лося вектор был, вероятно, втрое меньшим, ибо стандартные кочевья лося составляют порядка 500 км. Хотя и в этом случае уменьшения ареала в реальности не происходило. Несмотря на то, что маршруты кочевий лося короче, чем у северного оленя, с переориентацией древнего населения в мезолите на это животное практически не происходит, как ни странно, сокращения «культурных ареалов». Никакого противоречия в сказанном нет. Напротив, возросшие численность и плотность населения при общем сокращении маршрутов миграций конкретных групп позволяли охватывать то же пространство, что и в предшествующее время, то есть в конце плейстоцена, и сохранять культурную среду в неизменном виде. Связи в мезолите приобретают иное качественное содержание, при этом общее сокращение маршрутов кочевий восполняется возрастанием численности групп и их количеством. Следовательно, при изменении характера перемещений (миграций) остается главное: передача традиций внутри обширного ареала.

Можно задаться вопросом, насколько физически реальны перемещения на длительные расстояния, о которых шла речь выше? Произведем несложный расчет. Если принять стандартный день пути пешехода за 30 км, то расстояние в 900 км, которое разделяет Волго-Окские речесетинские стоянки и Пулли в Эстонии можно преодолеть за 30 дней. По времени, учитывая скорость пешего хода в 5 км/час, отрезок в «день пути» преодолевается всего за шесть часов. Таким образом, еще 18 часов в сутки остается для сна, отдыха и трудовой деятельности. В таком случае для передвижения на расстояние в 1500 км, а это протяженность среднего сезонного маршрута кочевий северного оленя, требуется 50 суток. Эти данные не только хорошо вписываются в амплитуду ежегодных миграций северного оленя, но и перемещений этнографических охотников на него (Дзенискевич, 1987; Сыроечковский, 1986; Симченко, 1976).

Безусловно, конкретная практика не обязательно совпадала с нормой передвижения и определялась совокупностью обстоятельств, которые могли ускорять или, напротив, замедлять скорость в каждом отдельном случае. Важнее то, что расчет со всей очевидностью показывает физическую возможность человека для таких перемещений. В археологическом отношении это позволяет объективно уточнить ареал археологических культур конца плейстоцена – начала голоцена, когда Европа оставалась приледниковьем, «северным краем» и экологической нишей названных животных. Совокупность всех этих обстоятельств определила не только амплитуду сезонных миграций населения и их характер, но и археологические маркёры – разбросанные по всей приледниковой и пребореальной Европе артефакты, по которым реконструируются ареалы археологических культур (Сорокин, 2002; 2004).

Не надо забывать и того обстоятельства, что в эпоху каменного века миграции были не просто сезонными, но и носили, главным образом, возвратно-поступательный характер, то есть не были однонаправленными. О «челночности» передвижений свидетельствует вся специальная литература, как этнографическая, так биологическая и экологическая. Вот почему традиционные в археологической литературе изображения миграций охотников на северного оленя, как, впрочем, и других животных, в виде однонаправленных векторов неверны. Они противоречат всем имеющимся фактическим данным и подчинены, попросту, лишь идее проиллюстрировать археологические наблюдения сходства инвентаря тех или иных территорий в момент их колонизации. Однако наблюдения эти сугубо археологические, а никак не комплексные. И в этом их ошибочность. На самом деле, колонизации, как таковой не было. Население чаще всего не переселялась на новое место, и не обживало его, заселяя постоянно, навсегда покидая прежние территории обитания. Оно кочевало. Поэтому освоение новых территории по мере их дегляциации в позднем плейстоцене – начале голоцена осуществлялось исключительно в виде «челночных», сезонных кочевий. Иногда в литературе можно встретить и обозначения их как «маятниковых» (Сыроечковский, 1986. С. 167), что достаточно верно отражает суть процесса. Отсюда и векторы этих «маятниковых» перемещений шли не в одном, а в обоих направлениях. Разумеется, эволюция палеосреды приводила и к изменениям кочевий северного оленя, поэтому они неизбежно были еще и возвратно-поступательными, то есть не просто в двух направлениях, но и с дрейфом, со смещением. Кроме того, экстремальные ситуации в ряде случаев заставляли северного оленя менять традиционные маршруты кочевий и передвигаться «веерообразно» или совершать значительно более сложные передвижения (Сыроечковский, 1986; Симченко, 1976; Gordon, 1998). Аналогичные процессы происходили и позднее, в мезолите, уже при формировании, становлении и господстве лесных формаций. Все это с неизбежностью вовлекало в орбиту все новые территории, но было бы глубоким заблуждением весь этот «археологический ареал», где мы находим те или иные сходные артефакты, считать одновременно заселенным, как и площадью (единой территорией) одной археологической культуры. Такая территория – это очередная кабинетная иллюзия.

Прямо противоречит идее постоянных контактов первобытного населения и палеоэкологическая реконструкция оценки численности диких северных оленей для территории всей Циркумполярной зоны Евразии, имеющаяся в специальной литературе (Сыроечковский, 1986), которая выполнена на основе биоэкологических данных по этому виду. При этом расчетная плотность населения на рубеже плейстоцена-голоцена никак не могла превышать 1 человека на 1000 кв. км. То есть потенциальный вектор передвижения в любом направлении существенно превышал величину стандартного дня пути пешехода. Основываясь на этих объективных данных,

совершенно очевидным становится факт исключительности взаимодействия первобытных обитателей Европейских задровых равнин и возможности их реальных контактов (Сорокин, 2006. С. 84). Таковы факты и с ними следует считаться, если стремиться к достоверности археологической теории.

Таким образом, гипотеза генезиса археологических культур в результате «сложения их компонентов» (Кольцов, 1979), которая исходит из постулата всеобщности контактов разных групп населения, как и все постулаты, остается недоказанной. Повсеместные контакты не подкрепляются ничем, кроме случаев сочетания находок разных культур. Никаких реальных доказательств взаимодействия древнего населения ни Л.В. Кольцовым, ни его последователями не приводится, а оперируют они лишь случаями совместного залегания изделий разных времен и народов в пределах разных памятников. Этих случаев сочетания разнокультурных находок на одном памятнике (слое, комплексе) недостаточно для доказательства контактов населения в силу высокой вероятности их появления в результате банального механического смешения, природа которого различна. Более того, как раз само присутствие памятников с полиморфными признаками на фоне отсутствия в них находок-маркёров со всей очевидностью подтверждает механическую форму их образования (Сорокин, 2002). Сколько ни складывай изделия разных культур воедино, новой индустрии не получишь, а вот мнимого многообразия материалов и, следовательно, «археологических культур» не избежать. Ибо отдельные слагаемые – это еще не само производство, не индустрия. Слабость подобных построений (Кольцов, 1996; 2000; Жилин, 2000; 2001) очевидна: за ними нет человека и реальной жизни, зато вещи живут самостоятельно, взаимодействуют, развиваются, сегментируют и облачаются иллюзией их объективной реальности. Схема затмевает содержание. Так начинают складываться не только «культуры», но и плодятся «древние истории регионов». Однако неверное основание и незнание законов природы и естества не может привести к созданию верной теории, что и показывает «контактная» гипотеза Л.В. Кольцова.

Со всей очевидностью можно утверждать, что простого суммирования материалов («сложения разных компонентов») недостаточно для генезиса новой культуры. Однако данный эффект служит благодатной почвой для массовых археологических мифов о контактах населения, контактных зонах, «сегментации» населения и «характера сложения раннемезолитических культур Северной Европы». И примеров тому множество. Главная слабость «контактной» гипотезы состоит в том, что она не учитывает роли глобальных природных процессов в трансформации археологических источников (Wood, Johnson, 1978). Это неизбежно приводит к неверной интерпретации этнокультурных процессов эпохи каменного века. Таким образом, модель «сложения» археологических культур Л.В. Кольцова неверна по своей сути. Эволюционная модель соответствует историческим

реалиям, отражает экономический базис древних обществ, а, значит, ближе к объяснению прошлой действительности. И в этом ее фундаментальность.

Нас не должно удивлять, что люди каменного века передвигались на значительные расстояния, вектор и протяженность которых определялись экологией основных промысловых видов животных. Это только современным обывателям и кабинетным исследователям пешее передвижение кажется чем-то экстраординарным. Для людей каменного века, не знавших нынешних транспортных средств, ходьба была основным, если не единственным, способом передвижения, нормой жизни. По существу это была основа выживания первобытного человека. Таким образом, сезонные миграции и определяют, прежде всего, ареалы археологических культур. Например, сходство материалов стоянки Суяла в Финской Лапландии (Kankaanpää & Rankama, 2005), кремневых изделий стоянки Ристола в южной Финляндии (Takala, 2004), памятников бассейна р. Вычегда Парч 1 и 2 (Волокитин, 1998; 2006) и бутовской культуры Волго-Окского междуречья (Сорокин, 1990), разделенных между собой расстоянием около 1,5 тыс. км – это не случайность, возникшая по неизвестным причинам, а закономерность, отражающая подвижный быт древних популяций и ареал их сезонных миграций. Это археологическая констатация передвижения во времени и пространстве конкретного древнего европейского населения. «Маятниковые колебания» популяций, их сезонная цикличность – это норма, с которой приходится считаться. И хорошо, что все чаще появляется возможность иллюстрировать ее достоверными фактами. Эта картина не просто результат отражения экологии и экономики первобытных обществ, но и их точное «материальное выражение». Совершенно очевидно, что она не имеет ничего общего с «кабинетными археологическими культурами», приуроченными к устьям, верховьям или средним течениям рек, и даже целым речным бассейнам, культурам, «сложенным из подъемного материала». В этом смысле правильно заявить: нет локальных археологических культур, а есть лакуны наших знаний о них.

Для решения вопросов культурогенеза первостепенное значение имеют не столько конкретные артефакты, их сходство и различия, сколько проблемы экономики, экологии и образа жизни популяций. Социальная организация первобытных людей, как и образ жизни, определялись экологией и теми конкретными формами хозяйственного уклада, который население в каждом конкретном случае избирало и которому следовало. Это же определяло, в конечном итоге, характер и состояние их материальной базы, а, следовательно, «облик» археологических культур, в который мы группируем ископаемые материалы. Таким образом, при теоретическом осмыслении проблемы культурогенеза следует, прежде всего, опираться на данные надежных источников, экономику древних обществ и экологию, а не на нелепое правило «сложения культур». Эволюционная гипотеза точнее отражает состояние археологических источников и ископаемой действительности, а, значит, способствует дальнейшему развитию

фундаментальных археологических понятий. Тем не менее, статья не претендует на то, чтобы в дискуссии о культурогенезе поставить окончательную точку, напротив эта проблема еще ждет своего вдумчивого и углубленного изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аникович М.В. Археологическая культура: последствия определения понятия для процедуры археологического исследования // СА, 1989. № 4. С. 115-126.

Берндт Р.М., Берндт К.Х. Мир первых австралийцев. М.: Наука, 1981.

Волокитин А.В. Мезолит // Археология Республики Коми. М.: «Дик», 1997

Волокитин А.В. Мезолитические стоянки Парч 1 и Парч 2 на Вычегде. Сыктывкар, 2006.

Дзенискевич Г.И. Атапаски Аляски. Л.: Наука, 1987.

Жилин М.Г. О связях населения Прибалтики и Верхнего Поволжья в раннем мезолите // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. 1. С. 72-79. Тверь, 2000.

Жилин М.Г. Костяная индустрия мезолита Восточной Европы // М.: Эдиториал УРСС, 2001.

Захарук Ю.Н. Археологическая культура: категория онтологическая или гносеологическая? // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: Наука, 1976.

Захарук Ю.Н. Парадокс археологической культуры // Проблемы советской археологии. М.: Наука. 1978. С. 49-54.

Каменецкий И.С. Археологическая культура – ее определение и интерпретация // СА, 1970. № 2. С. 18-36.

Клейн Л.С. Проблема определения археологической культуры // СА, 1970. № 2. С. 37-51.

Клейн Л.С. Проблема смены культур в современной археологии // Вестник Ленинградского университета. Вып. 8. С. 95-103. Л., 1975

Клейн Л.С., Миняев С.С., Пиотровский Ю.Ю., Хейфец О.И. Дискуссия о понятии «археологическая культура» в Проблемном семинаре Ленинградского Университета // СА, 1970. № 2. С. 298-302.

Кольцов Л.В. О характере сложения раннемезолитических культур Северной Европы // СА, 1979. № 4.

Кольцов Л.В. Некоторые аспекты изучения археологических культур // Тверской археологический сборник. Вып. 2. С. 5-8. Тверь, 1996.

Кольцов Л.В. О характере взаимоотношений соседних культур в мезолите Северной Европы // Тверской археологический сборник. Вып. 3. С. 75-79. Тверь, 1998.

Кольцов Л.В. Варианты развития культурных общностей мезолита Северной Европы // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. 1. С. 52-55. Тверь, 2000.

Кольцов Л.В. Формирование мезолитических культур Северной Евразии // Тверской археологический сборник. Вып. 5. С. 46-53. Тверь, 2002.

Кравцов А.Е. К вопросу о генезисе иеневской культуры // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь, 1998.

Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М. 1979.

Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М.: Наука, 1976.

Сорокин А.Н. Бутовская мезолитическая культура. М., 1990.

Сорокин А.Н. Парадоксы источниковедения мезолита Восточной Европы // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. 1. Тверь, 2000.

Сорокин А.Н. Мезолит Жиздринского полесья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы. М.: Наука, 2002.

Сорокин А.Н. Проблемы мезолитоведения. М., 2006.

Спиридонова Е.А., Алешинская А.С. Особенности формирования и структуры растительного покрова Волго-Окского междуречья в эпоху мезолита // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.

Сыроечковский Е.Е. Северный олень. М., 1986.

Gordon B. The Enigma of the Far Northeast European Mesolithic: Reindeer Herd Followers or Semi-sedentary Hunters? Toronto, 1997.

Kankaanpää, J. & Rankama, T. Early Mesolithic Pioneers in Northern Finnish Lapland. In H. Knutsson (ed.) Pioneer settlements and colonization processes in the Barents region. Vuollerim Papers on Hunter-gatherer Archaeology. Pp. 109–161. Vuollerim, 2005.

Takala, H. The Ristola Site in Lahti and the Earliest Postglacial Settlement of South Finland. Lahti: Lahti City Museum, 2004.

Wood W.R., Johnson D.L. A Survey of Disturbance Processes in Archaeological Site Formation // Advances in Archaeological Method and Theory. New York. V. 1. 1978.

КАМЕННЫЙ ВЕК ВОСТОЧНОЙ ЛАПЛАНДИИ И ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ЗАСЕЛЕНИЕ АРКТИКИ

В. Я. Шумкин

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Человеческая история, особенно на ранних этапах, есть непрерывная последовательность адаптации, и, в первую очередь, это справедливо по отношению к истории освоения человеком Арктического региона.

Геологическими и геоморфологическими исследованиями в Фенноскандии, особенно предпринятыми в последние десятилетия, установлено, что Скандинавский ледниковый щит в период последнего оледенения не смог проникнуть в восточную часть северной Фенноскандии, а некоторые территории – узкая полоса западного побережья Норвегии, северная часть Мурманского – берега вообще не были покрыты ледником. В центральной части Кольского п-ва Скандинавский ледник «столкнулся» с Понойским, который некоторые специалисты рассматривают как часть огромного Баренцевоморского ледникового щита, двигавшегося со стороны Новой Земли. Считаются обоснованными представления о существовании во время последнего оледенения двух самостоятельных ледников – Скандинавского и Баренцевоморского, или Понойского. Присутствие последнего вызвало усиление засушливости климата и антициклоны, способствовавшие более интенсивному отступлению Скандинавского ледникового щита, который около 9000-8000 лет назад почти полностью исчез. Напротив, раннее омертвление Понойского ледника привело к тому, что 9000-9500 лет назад он имел размеры, близкие к максимальным, и отступал крайне медленно. Ускоренному сокращению Скандинавского ледника также способствовало на севере воздействие теплого Нордкапского течения (Гольфстрим), а на юге усиленному таянию благоприятствовала трансгрессия моря. Освобождение разных частей территории было сильно растянуто во времени. Таяние Понойского ледника закончилось только к концу раннего голоцена, но и много позже часть занятой им территории вряд ли была доступна для существования животных и человека, так как еще в атлантический период здесь проходила основная артерия стока талых вод Верхнепонойского бассейна. Суровые условия сложились на южном побережье Кольского п-ва.

Жизнь раннемезолитического населения Северной Европы (10-9 тыс. лет назад) проходила в сложных, постоянно меняющихся условиях конца пребореального и бореального периодов, поэтому своеобразие поздне- и послеледниковой обстановки имеет принципиально важное значение для изучения процессов заселения и расселения человека на данной территории. Поздний мезолит и неолит, относящиеся к атлантическому и раннему суббореальному периодам, были чрезвычайно благоприятным временем для древнего населения. Со второй половины атлантического периода начинается климатический оптимум, характеризующийся значительным потеплением и

сдвигом границы лесной зоны далеко к северу. Условия суббореала в целом были также благоприятны для древних обитателей. В конце 2-й и 3-й фаз суббореального периода, совпадающих с эпохой раннего металла, происходит практически не отразившееся на жизнедеятельности коллективов некоторое ухудшение климатических условий. Позднее преобладала тенденция к похолоданию и повышению увлажненности, достигшая максимума к середине I тыс. до н. э.

В пребореале (около 11-10 тыс. лет назад) начинается значительная передвижка коллективов, составляющих две самые крупные группировки (аренбургскую и свидерскую) населения Центральной Европы, связанная с изменением природных условий, вызвавшим кризис специализированного хозяйства охотников на северного оленя. Аренбургское население двигалось в основном в северные районы, а носители свидерских традиций избирали большей частью восточные и северо-восточные направления.

Следы этих событий фиксируют образовавшиеся на севере культуры фосна, комса и суомусярви. Носители первых, являющиеся, в основном, потомками аренбургского населения, проникли в Фенноскандию по поднявшемуся в результате изостатических явлений дну пролива, ранее соединявшему Иольдиевое море с океаном, а в пребореальный период – Скандинавию с материком. Население культур комса и фосна первоначально обитало исключительно в прибрежной зоне южного, западного и юго-западного побережья, постепенно продвигаясь вдоль моря к северу, а затем в восточные и юго-восточные приморские районы и только к позднему мезолиту заселило значительные участки внутренних территорий. Полное освоение всего региона завершилось лишь в конце позднего неолита.

Изучение археологических памятников северной Фенноскандии дает обширный и ценный материал для характеристики процесса адаптации человеческих коллективов к природному окружению. На разных этапах развития объекты охотничьей добычи и их соотношение неоднократно менялись. Это связано с изменением состава фауны, с уровнем развития охотничьего вооружения и совершенствованием приемов охоты. Становление рыболовства первоначально отставало от охотничьей деятельности в связи с бедностью и даже полным отсутствием рыбы в приледниковых внутренних бассейнах. Основными традиционными объектами охоты древнего населения Северной Фенноскандии были лось, олень, появившиеся здесь не позднее аллереда и служившие основным источником белковой пищи, а также морские млекопитающие – нерпа, тюлень, морж. Несомненно, добывались и другие животные и разнообразная дичь, практиковалось собирательство, но именно указанные виды могли дать все необходимое для жизнеобеспечения гипербореических обитателей.

Аналитическое рассмотрение орудийных комплексов мезолитического времени, мощность культурных слоев, концентрация находок, картографирование и топография археологических памятников позволяют

считать оставшиеся их коллективы бродячими морскими собирателями. Учитывая, что данный район занимает одно из первых мест в мире по богатству и разнообразию морской фауны, вероятно относительно устойчивая результативность этого типа хозяйствования, т.е. обитатели раннего этапа эксплуатировали преимущественно высокопродуктивную литоральную зону. Результаты основной хозяйственной деятельности подкреплялись сборами прибрежной флоры, сезонной охотой на стадных сухопутных животных и птиц. Образ жизни раннемезолитических обитателей был чрезвычайно подвижным, но предположению о сезонном характере морских стоянок противоречит отсутствие следов заселения материковых районов. Население крайнего севера Фенноскандии этого времени можно с полным правом признать специализированными морскими собирателями.

Под «специализированными» понимаются такие уклады, в которых направление хозяйственной деятельности определяется одним главным способом добычи средств существования. Это ни в коей мере не означает, что данные коллективы занимались исключительно охотой, собирательством или рыболовством. Существование таких типов экономики вряд ли вообще возможно – хозяйство любых северных коллективов всегда было многокомпонентным, комплексным.

В более поздние периоды мезолита (8-6 тыс. лет назад), после исчезновения остатков ледника, начинается освоение отдельными коллективами внутренних районов и поиски других пищевых ресурсов, которые приводят к появлению новых хозяйственных укладов. У этого населения основную роль играла охота на лесных животных, дополнявшаяся собирательством и, возможно, самым примитивным нерегулярным рыболовством, главные приемы которого были заимствованы из охотничьей практики. Состав орудий, способы их обработки, площадь и мощность культурных отложений приморских и материковых стоянок практически не отличаются. Все перечисленное, вроде бы, свидетельствует в пользу бытования в эту пору единого по хозяйственному признаку населения, совершающего сезонные перекочевки: летом – к морю, зимой – в глубинные районы, на озера и реки. Вероятно, были и такие группы, более характерные для южной Скандинавии, но в северной Фенноскандии основное развитие шло по линии обособления внутриматериковых и приморских коллективов и их специализации в рамках комплексного хозяйства.

Жизнь обитателей раннего неолита (6 тыс. лет назад) продолжалась приблизительно в том же русле, следуя хозяйственной специализации морского и материкового направления. В позднем неолите (5-4,5 тыс. лет назад) эти тенденции приводят к образованию двух различных хозяйственно-культурных типов. Население внутренних районов становится таежными охотниками и рыболовами с вероятным существованием собирательства в качестве дополнения. Прибрежное население осваивает морской промысел, дополнявшийся лесной охотой, собирательством и рыболовством. Их можно

считать арктическими охотниками на морского зверя, оговаривая, что тип хозяйства находится еще на стадии становления.

В эпоху раннего металла (3,5 тыс. лет назад) охотники и рыболовы центральных районов успешно развивают традиционное направление хозяйства и добиваются значительных успехов в совершенствовании способов добычи средств существования. Весь облик материальной культуры приморского населения отражает специфику выбранного образа жизни. Охотничий инвентарь включает огромное количество наконечников стрел, копий, дротиков, гарпунов самых разнообразных типов. Основной добычей были гренландский тюлень, нерпа, морж, изредка китообразные. Встречаются кости наземных животных: лося, оленя, бобра, песца, волка, белого медведя; есть позвонки трески, лосося.

Поселения охотников на морского зверя Северной Фенноскандии эпохи раннего металла долговременные и значительной площади. Для их расположения выбирались места наибольшей биологической продуктивности, что связано с комплексной эксплуатацией природных ресурсов. По этнографическим данным, морские саамы, как и эскимосы, использовали преимущественно узкую полосу берега, шириной в несколько километров, и морскую акваторию около 5-10 км. Интенсивно используемые участки располагались вблизи поселения и занимали вряд ли более 3-10 кв. км. Это объясняет необычно плотную заселенность некоторых районов (Варангер-фьорд). Считается, что обеспеченность продуктами питания населения, занимающегося активным морским промыслом, превышала обычную для лесных охотников в 10-15 раз, и в 2 раза – для земледельцев. Можно согласиться с существующим мнением о том, что общества специализированных охотников на морского зверя допустимо в какой-то мере приравнять к обществам, осваивавшим производящую экономику.

Период расцвета местной культуры в раннем железном веке сменился резким спадом, вызванным, вероятно, изменением природных условий. Похолодание I тыс. до н. э. особенно губительно сказалось на жизни высокоспециализированных арктических охотников на морского зверя. Возможно, было нарушено и экологическое равновесие, но, скорее всего, стада морских животных просто отошли от берега и сменили места лежбищ. В это время угасает культура морских охотников Кольского п-ва. Несколько дольше просуществовал активный морской промысел у населения северного побережья Фенноскандии, но вскоре исчез и там. Уцелевшие коллективы стали крайне малочисленны, разбросаны территориально и вынуждены были вернуться к бюджетному образу жизни во внутриматериковой тундре.

Не лишено оснований предположение о включении охотничьих коллективов железного века на этой территории в сферу подчиненной торговли с освоившим производящую экономику юго-западным населением, в результате которой они переключились, в основном, на добычу пушнины – эквивалента получаемых товаров, состоявших, видимо, из разнообразных металлических изделий, включая и посуду. Эти процессы способствовали

утрате и модификации многих элементов традиционной культуры обитателей Северной Фенноскандии. К середине I тыс. н.э. местное население, вероятно, усваивает навыки оленеводства, а в средние века переходит к системе циклических сезонных перекочевков, используя оленя как основную тягловую силу.

Для второй области, входящей в Западный сектор – Крайнего Европейского Северо-Востока, или, несколько шире, приполярной трансуральской зоны, устанавливается иной ход культурно-хозяйственного развития. Первичное освоение человеком Крайнего Европейского Северо-Востока, прерванное валдайским оледенением, относится к эпохе палеолита. Процесс заселения территорий в голоцене, по-видимому, можно отнести по времени к 7000—8000 лет назад. Для этого периода разработаны широко известные палеоклиматические и палеогеографические реконструкции, согласно которым, начиная с момента 8200 лет назад, устанавливаются условия климатического оптимума: средние летние температуры повышаются в высоких широтах на 1,5-2° С по отношению к современным значениям; вырастает увлажненность; начинается смещение к северу природных зон. С перестройкой ландшафтов оказались связанными и перемещения ареалов основных промысловых видов, в частности, северного оленя. Население, продвинувшееся в мезолите в лесотундры и тундры Крайнего Европейского Северо-Востока, по-видимому, было весьма малочисленным и очень подвижным, основу его существования составляли промысел оленя, птицы и рыболовство. Для стоянок характерен стандартный набор инвентаря, представленный «постсвидерскими» наконечниками, вкладышами из ножевидных пластин, резцами. Дальнейшие климатические и природные изменения суббореала и субатлантикума, по-видимому, не оказывали значительного воздействия на модели жизнеобеспечения обитателей региона или, во всяком случае, не вызывали необходимости их резкой перестройки. С другой стороны, следствием потепления, изменения гидрологических режимов и повторного продвижения к северу широколиственных лесов мог быть усиленный приток на эти территории населения из более южных районов. Север Западной Сибири в течение длительного времени оставался незаселенным в силу большой обводненности ландшафтов. Вероятно, отдельные группы бродячих мезолитических охотников эпизодически проникали далеко на север, как об этом свидетельствуют материалы стоянки Корчаги близ Салехарда. Широкое освоение территорий Севера Западной Сибири началось лишь примерно 3000-4000 лет назад. Судя по топографии памятников, наборам инвентаря, на рассматриваемой территории долгое время развивался стандартный для Заполярья хозяйственно-культурный тип мобильных охотников на оленя, дополнявших основной промысел рыболовством, охотой на птицу и собирательством. В течение длительного времени сохраняется приуроченность стоянок к малым рекам, озерам, старичным образованиям.

Важным представляется вопрос об использовании аборигенным населением морских ресурсов.

Основными вопросами применительно к рассматриваемой части Западной Арктики являются: (1) время первоначального освоения элементов приморского варианта адаптации; (2) роль этих элементов в традиционных системах жизнеобеспечения и механизмы, управляющие ими; (3) этнические процессы и их роль в изменчивости систем жизнеобеспечения. На основании полученных в последнее время данных можно говорить о зарождении элементов приморских систем жизнеобеспечения около 3 тыс. лет назад.

В Восточном секторе на рубеже плейстоцена и голоцена также происходили крупные изменения палеоклиматических условий, отразившиеся на жизнедеятельности древнего населения.

Наиболее суровые природные условия сложились здесь во время предголоценовой регрессии, достигавшей, по оценкам ряда авторов, уровня минус 120-140 м. Осушились огромные пространства арктического шельфа, в центральной части Полярного бассейна образовался сплошной ледовый покров. Его появление, как и увеличение площади суши, способствовало аридизации и континентализации климата. Однако суровость климата не привела здесь, в отличие от Северной Европы, к значительному развитию покровного оледенения. Здесь было развито оледенение в основном горно-долинного типа, хотя, вероятно, могли существовать и отдельные крупные массивы. Отсутствие значительных покровных ледников компенсировалось мощным развитием подземного оледенения, которое сопровождалось развитием тундростепных ландшафтов с характерным комплексом мамонтовой фауны. Как показывают результаты новейших исследований, такие ландшафты были характерны для огромной прибрежной равнины, продвинутой далеко к северу. Эти условия сохранились здесь, по крайней мере, до рубежа голоцена.

Первоначальное освоение этих суровых перигляциальных ландшафтов связано с передвижением групп позднепалеолитических охотников, принадлежавших к дюктайской культуре. Их продвижение, по крайней мере, до 71° с. ш. фиксируется по находкам на Берелехском «кладбище мамонтов».

Глобальное позднелиасовое потепление имело для рассматриваемых территорий характер крупнейшей экологической катастрофы. Повышение среднегодовых температур, увеличение увлажненности, сопровождавшиеся увеличением мощности снегового покрова, оказались критическими для фаунистического комплекса.

Повышение обводненности ландшафтов, смена тундростепных формаций тундровыми, развитие термокарста, начавшаяся голоценовая трансгрессия вызвали заметные палеогеографические изменения в регионе. Вместе с тем, продвижение в бореальное время к северу лесной растительности (на отдельных участках вплоть до современной береговой линии и южных островов арктического бассейна) способствовало притоку в приполярные районы новых групп населения. Основой существования

мезолитического населения Якутии, по данным раскопок поселений сумнагинской культуры, становится лось. Ведется промысел и других крупных млекопитающих – снежного барана, северного оленя, бурого медведя. Вероятно, определенную роль играют промысел птицы и рыболовство. В целом, мезолитическое население Якутии является очень подвижным, территория региона оказывается полностью освоенной около 8000 л. н., в том числе его следы зафиксированы на о. Жохова (76° с. ш. – Новосибирский архипелаг). Население, посещавшее долговременный лагерь на о. Жохова, имело хорошо выраженный хозяйственно-культурный тип бродячих сухопутных охотников с несколько необычной специализацией. Судя по характеру фаунистических остатков, основными объектами охоты являлись северный олень и белый медведь, добывавшиеся в равном количестве. Единичными находками представлены волк, птицы, морские животные (морж и лахтак), по-видимому, добытые случайно. Комплекс охотничьего вооружения – вкладышевые наконечники копий, остатки лука (?), фрагменты древков стрел, наконечники метательного вооружения – также однозначно свидетельствует о сухопутном характере охоты у древнего населения, посещавшего остров. Вполне вероятно, что необычно высокая доля белого медведя, добыча которого является трудоемкой и опасной, связана с общим неблагоприятным состоянием популяции основного промыслового вида (северного оленя), длительное время находившейся в кризисных условиях подобно прочим представителям мамонтового комплекса.

По-видимому, около 7000 лет назад сюда проникают группы охотников, принадлежавшие к южной сумнагинской мезолитической культуре. Основным занятием населения был промысел оленя, дополнявшийся добычей птицы, а также, вероятно, собирательством и рыболовством. Многочисленные археологические данные свидетельствуют, что в течение длительного времени Таймырский п-ов заселялся преимущественно с востока.

Совершенно особое место занимают памятники Северо-Востока Азии. На протяжении всего голоцена здесь господствуют тундровые ландшафты, древесная растительность в самые благоприятные периоды образует лишь долинные редколесья. Район, примыкавший к Берингийскому мосту, был, как считают многие авторы, освоен верхнепалеолитическими охотниками, проникшими затем в Северную Америку. Впоследствии эти территории являлись восточной частью ареала мезолитических и неолитических культур, сформировавшихся в пределах современной Якутии. Одной из наиболее важных черт региона является исключительное богатство морских ресурсов, в связи с чем неоднократно обсуждался вопрос о происхождении классических культур морских зверобоев, существующих на Северо-Востоке примерно с рубежа нашей эры. Было высказано предположение, что истоки морской охоты могут восходить к, по крайней мере, мезолитическому

времени. Вероятно, это предположение отчасти справедливо, если воспринимать начало, как просто выход к морю.

Однако наиболее вероятным представляется относительно позднее становление морской охоты в качестве какого-то вспомогательного компонента и ранее входившего в адаптационную модель древнего населения. Охоту на морских животных, в основном с многоместных лодок, отражают петроглифы, в целом относимые не ранее чем к I тыс. до н. э. Большую древность морской охоты демонстрируют материалы палеоземской культуры, которая существует с середины I тыс. до н. э.

Основные элементы морской охоты (специализированное снаряжение, высокий уровень социальной организации) были освоены позднеолитическим населением Чукотки в конце I тыс. до н. э., однако классические культуры морских зверобоев, использовавшие принципиально иную, специализированную модель адаптации, появляются лишь на рубеже нашей эры.

Таким образом, на западе и востоке Евразийского Заполярья складываются и развиваются культуры с приморским типом адаптации, однако, если на Северо-Востоке Азии эти культуры оказываются довольно молодыми, то на Европейском Северо-Западе они имеют длительную историю. Представляется, что само наличие благоприятной природной обстановки не всегда гарантировало переход к специализированной морской охоте, как это произошло, например, на Крайнем Северо-Востоке Европы. Раннее освоение видов деятельности, характерных для приморской экономики, на Севере Фенноскандии было вызвано особенностями заселения региона – освоением «коридора» между ледником и морским побережьем.

Процессы культурного развития региона, как и основные этапы его заселения, оказываются в значительной степени обусловленными изменениями природной обстановки.

THE EARLIEST POSTGLACIAL INLAND SETTLEMENT OF LAPLAND

Tuija Rankama* & Jarmo Kankaanpää**

* *University of Helsinki, Veikkola, Finland*

e-mail: trankama@gmail.com

** *The Lapland Pioneers Project, Veikkola, Finland*

e-mail: jarmo.kankaanpaa@kolumbus.fi

Introduction

According to current archaeological information, the first colonisers of Lapland, the northernmost part of Scandinavia, came from the sphere of the Late Palaeolithic Ahrensburg culture. From northern Germany, the pioneers spread first to southern Norway, where their remains are referred to as the Fosna culture. From there, the expansion continued northward along the coast until Finnmark (Norwegian Lapland) was reached some time in the mid 10th millennium BC¹. When originally discovered in the 1920s, this earliest occupation of the Scandinavian North was dubbed the Komsa culture and presumed to date to the Upper Palaeolithic (*e.g.*, Buë & Nummedal 1936). Later research was to show that though central Scandinavia was still covered by a continental glacier of respectable size, even the earliest coastal settlements of the Komsa culture nevertheless belonged to the Preboreal Period, thus placing them in the Mesolithic.

The name “Komsa” was originally applied to the whole Finnmark Mesolithic, but in the early 1990s this period was divided into three phases. The first division, presented by Peter Woodman (1993; see also 1999), consisted of the Komsa Phase (10 000–8500 BP), the Sæleneshøgda Phase (8500 – BP), and the Trapeze Phase (Atlantic Period, originally no dates). Woodman’s division was slightly revised by Bjørnar Olsen (1994: 29–36), whose system is currently standard in Norwegian usage. Wishing to avoid confusion with the previous usage of the term “Komsa”, Olsen opted for numbers rather than names for his phases. Phase I (approximately equivalent to Woodman’s Komsa Phase) covered the Preboreal climatic period 10 000–9000 BP (*c.* 9500–8250 calBC) and was characterised by single and double-edged, dorsally retouched tanged blade arrowpoints of the Ahrensburg pattern, flake axes, and backed knives made from blades and flakes. Large flakes and asymmetric blades were typical; cores were mostly globular or bi-directional. Phase II (Woodman’s Sæleneshøgda Phase) covered the Boreal and part of the Atlantic period or 9000–7500/7000 BP (*c.* 8250–6400/5900 calBC) and was characterised by symmetrical prismatic blades and conical or cylindrical cores as well as retouched tools such as flake scrapers and retouched blades. Tanged arrowpoints all but disappeared. Phase III (Woodman’s Trapeze Phase) covered most of the later Atlantic period, 7500/7000–5600 BP (*c.* 6400/5900–4400 calBC) and was characterised by the cessation of blade technology and a

¹All dates are in calibrated radiocarbon years unless stated otherwise.

shift in raw material use towards the domination of quartz. Typical artefacts were oblique/transverse arrowpoints.

The pioneering culture of Phase I appears to have been decidedly coastal as no sites of comparable age are known from inland Finnmark. Seasonal use of the inland is postulated for Phase II (Olsen 1994: 38). In northern Finnish Lapland, two early birchbark tar dates from the Inari Saamen Museo site (Hela-430, 8835±90 BP; Ua-4296, 8760±75 BP) that average c. 8000 calBC have been attributed to an inland incursion by Phase II people from the coast (Carpelan 1999: 165; 2004: 21 ff.). It has been generally thought, however, that the inland regions of northern Lapland were not actually colonised until more than 2000 years after the initial settlement of the coast. At least in Finland, this colonisation was effected by groups moving in from the sphere of the quartz-using Finnish Early Mesolithic culture in the south and southeast, and possibly also from central Sweden in the southwest (*e.g.*, Carpelan 1999).

In Lapland, the earliest dates of sites or features connected with the Finnish “quartz Mesolithic” average c. 7300 calBC and derive from the Enontekiön Myllyjärvi site (Hel-2710, 8320±110 BP) and the Inari Saamen Museo site (Hel-3320, 8290±110 BP) (Carpelan 1999: Fig. 2, 166; 2004: 21 ff; see also Kankaanperä & Rankama 2005: 134, 142). On the Norwegian side, the shift towards quartz use concurrent with the end of blade technology in the beginning of Phase III c. 6400–5900 BC also marks the beginning of the inland settlement of Finnmark (Olsen 1993: 38-39). There are two conflicting theories concerning the nature of this settlement. One holds that the inland regions of Finnmark were colonised from the coast (*e.g.*, Hood 1992: 45) and that the coastal settlement itself was continuous from Phase I onwards regardless of the changes in the lithic technology. Another theory considers the inland settlement of Finnmark to be a continuation of the northward expansion of the Finnish quartz Mesolithic, which eventually spread all the way to the arctic coast and replaced the earlier Phase I–Phase II tradition, perhaps even the whole population (*e.g.*, Rankama 2003: 43; Grydeland 2005: 69-71; see also Olsen 1994: 40).

Up to 2004, the archaeological data thus appeared to support the view that the northernmost part of Lapland was first colonised by a strictly coastal population, the early Phase I (“Komsa”) people coming up from southern Norway possibly around 9500 calBC (Grydeland 2005: 43) while the inland remained unpopulated until c. 7300 calBC, except for possible seasonal incursions from the northern coast during Phase II. In southern Finland, evidence was surfacing of an early influx of groups bearing a Post-Swiderian core-and-blade technology some time around the mid ninth millennium BC (Jussila 2001; 2003; Takala 2004), but the incomers appeared to have rapidly changed their lithic industry to a flake technology that used the local quartz, and no traces of Post-Swiderian elements spreading further north on the Finnish side were recognized. The colonisation of northern Finland was seen as having proceeded slowly with the expansion of the quartz-adapted southern Finnish Mesolithic culture (the “Suomusjärvi culture”) towards the north. However, a change to this picture has recently been brought

about by excavations carried out in 2004–2006 at the Sujala site in northern Finnish Lapland.

The Sujala site

The Sujala site is located on the shore of Lake Vetsijärvi in Utsjoki, the northernmost borough of Finland (Fig. 1). Lake Vetsijärvi is a shallow tundra lake some 4 km across. It empties via the Vetsijoki River towards the north into the larger Teno River, which meets the Barents Sea in the Tanafiord on the Norwegian side. The lake lies in the middle of a plateau surrounded by two chains of fells. The plateau is characterised by open, frequently boggy tundra interspersed with low moraine ridges, the latter often supporting sparse clumps of low tundra birch.

The site was discovered during a survey carried out at the lake by T. Rankama and J. Kankaanperä in 2002. Like many of the sites discovered in this survey, the Sujala site lay on a vehicle track that had destroyed the surface vegetation. Surface

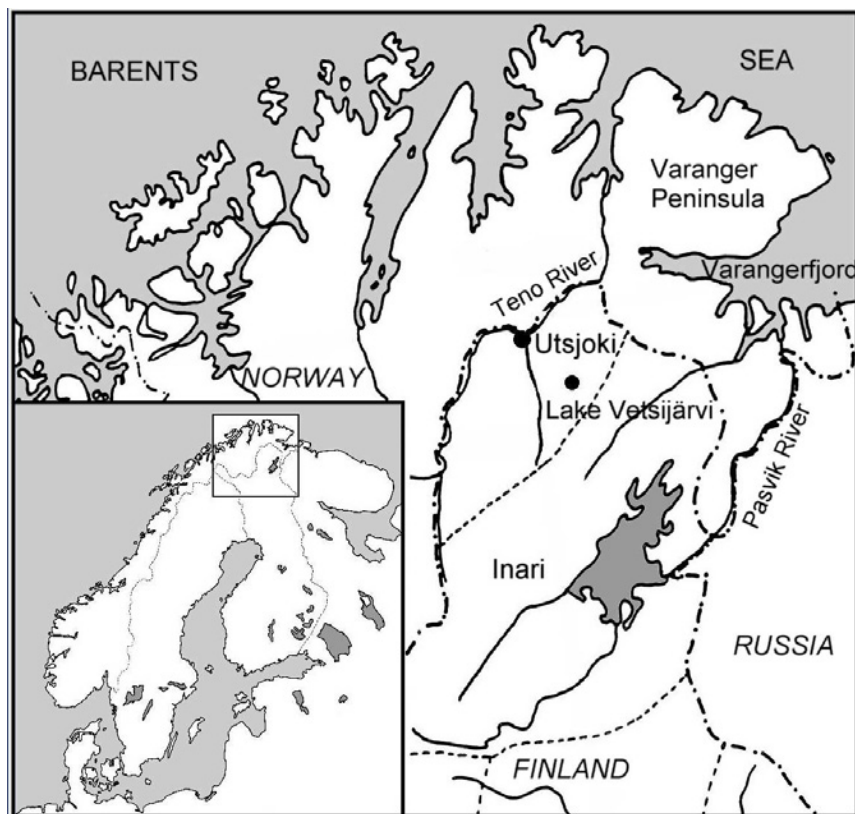

Fig. 1. The location of Lake Vetsijärvi in northern Finnish Lapland.

collecting produced, among other things, several fragments of large chert blades, and on this basis the site was originally thought to represent the missing inland aspect of the Phase I culture of the Finnmark coast, where large blades were also typical. However, the results of excavations carried out at Sujala in 2004-2006 were to provide the grounds for a very different interpretation.

The site consists of two find clusters some 200 metres apart, lying on top of a sandy moraine ridge that runs north-south and forms the “backbone” of a peninsula protruding from the south into Lake Vetsijärvi near its eastern end. The ridge itself is roughly 140 m wide and 750 m long. The northern cluster lies roughly in the middle of the ridge and the southern one near its southern end. The clusters are not located on the present lakeshore, as Mesolithic sites in Finland usually tend to be, but rather some 90 – 100 metres away, on the highest part of the ridge some 6 metres above the present water line. There are indications that the surface of Lake Vetsijärvi was higher during the Mesolithic Period (*cf.* Rankama & Kankaanperä 2005) and geological research into this question is under way. Lake Vetsijärvi currently lies 60 km southwest of the nearest seashore at Varangerbotn in the Varangerfiord, but in the early Postglacial period the sea was closer, forming long fiords up the Teno River Valley and Lake Pulmankijärvi to within 30 kilometres of Lake Vetsijärvi. The present elevation of the Lake Vetsijärvi itself is 274 metres, and it has not been directly connected with the sea during the Holocene.

If – as presumed – the water level of the lake was formerly higher, the ridge would have formed an island separated from the mainland by a narrow, shallow channel at its southern end. The location would have been excellent for keeping a lookout for herds of reindeer wandering down to the water’s edge around the western part of the lake, a fact that was confirmed several times during the excavation. The island setting would also have had the advantage of the wind coming off the lake keeping the mosquitoes and other biting insects at bay; even today, insects are clearly fewer on the open western side of the ridge than on the sheltered eastern side, particularly on windy days.

During the 2004 test excavation, both find clusters of the Sujala site were assessed by surface collecting and test squares. The latter were excavated and recorded like normal excavation squares. Both clusters appeared to be small, some 10–15 metres in diameter, and to contain a very high concentration of finds. The finds at this stage were exclusively lithics, the raw material being preponderantly light brownish chert, though a small number of quartzes were also found. A separate, very small and sparse find cluster located some 25 metres south of the northern chert cluster produced a few small flakes of quartz, grey flint, quartzite, and a snowy-white cherty material, but none of the brownish grey that characterised the two large clusters. Most likely this small cluster represents some later event and bears no relation to the larger chert clusters.

The two larger chert clusters were designated Area 1 (the northern cluster) and Area 2 (the southern cluster). Surface collecting and test pitting produced c. 380 finds, of which c. 180 were chert from Area 1, 160 were chert from Area 2,

and the rest were mainly quartz flakes from scattered locations in the vicinity of Area 1. Artefacts included two blade cores and a tanged arrowpoint, all from Area 2. Though the finds were still thought to relate most likely to the Norwegian coastal Phase I, particularly the arrowpoint – which was very symmetrical and had bilateral invasive retouch on the ventral side – did not quite fit the picture as its closest parallels appeared to be in the Post-Swiderian sphere rather than the Ahrensburgian tradition represented by the Norwegian finds.

Due to both the more varied and significant finds and to the apparently lesser probability of contamination, it was decided to concentrate research efforts on Area 2 and to leave Area 1 for future study and as a back-up in case Area 2 did not produce the necessary data, e.g., usable radiocarbon samples and organic refuse. A full-scale area excavation of Area 2 was carried out in 2005–2006. The total excavated area – not including outlying test squares – was 77 sq. metres, and the excavation covered practically the whole find cluster. The 2005 excavation produced some 4800 lithic finds, of which c. 99.5 % were chert. The 2006 excavation produced roughly 1400 lithic finds, also primarily of chert, but as the analysis of this assemblage is still in progress exact figures are unavailable. All in all, the Sujala excavations have produced a grand total of roughly 6600 lithic finds. A preliminary table of the lithic finds is presented in Table 1.

The terrain of Area 2 is quite flat and no structures of any kind were noted on the surface. The matrix was hard-packed sand and gravel and the topmost 10–15 cm contained a large number of fist-sized stones. The stones formed no clear pattern and none showed signs of fire cracking; the current interpretation is that they were a natural part of the matrix. There were also a number of larger stones that appeared to be natural erratics. The only clear man-made structure unearthed in Area 2 was a roundish dark stain roughly 2 metres in diameter and no more than 20 cm deep, as measured from the surface of the mineral soil. The stain contained a quantity of wood charcoal and burnt bone and has been interpreted as a tent or hut floor. There was no distinct hearth and no visible depression or berm. A much smaller concentration of charcoal and burnt bone was discovered in 2006 some 3 metres southwest of the large stain, but it also showed no structures of any kind and may have been a refuse pit.

The lithic finds of Area 2 formed three large concentrations and several possible smaller ones (Fig. 2). One of the large concentrations coincided quite closely with the large dark stain and had a rather distinct eastern edge, suggesting the presence of a barrier such as a tent or hut wall. The other two concentrations were not associated with any structures save for the possible refuse pit mentioned above. The whole find area is small, roughly 10 metres in diameter, and the finds fall off rather sharply at the edges.

The finds consist primarily of brown chert (Table 1). This is a fine-grained silicious material identified by geologist Reino Kesola of the Geological Survey of Finland as a silicified, weakly metamorphosed sandstone (*pers. comm.* 2005). Most of the chert artefacts are various shades of beige in colour, but some are green and some almost black. The different colours do not appear to denote

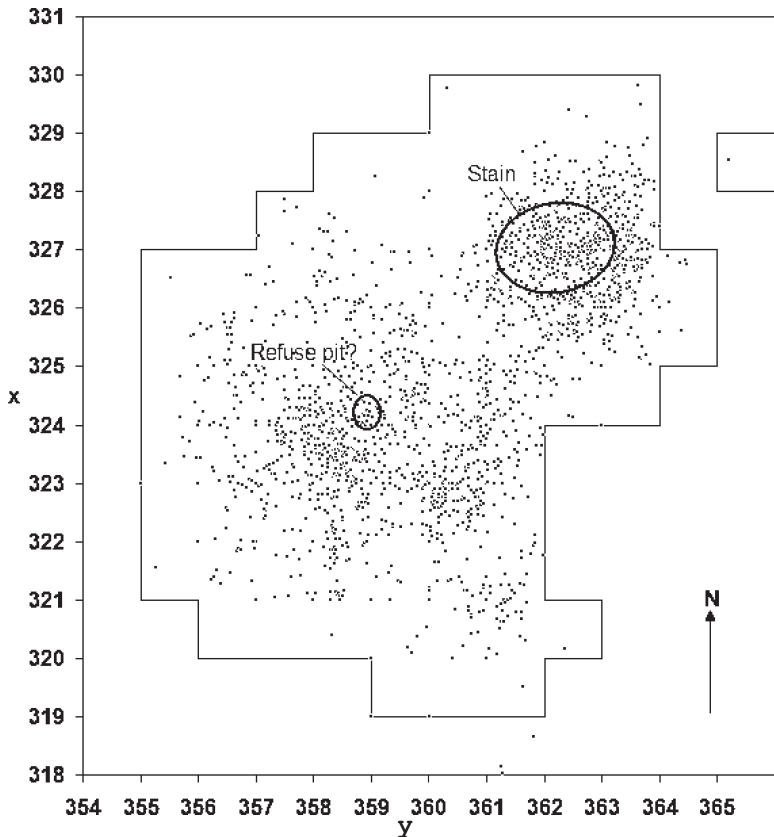

Fig 2. Excavation plan of Area 2 showing lithic scatters (including surface finds) and dark stain.

different materials; some of the dark pieces have in fact been refitted to light beige pieces. Since the dark pieces generally came from the deeper levels of the excavation, it would appear that the dark colour is the original one and the lighter colour results from oxidization. The brownish hue of the latter may be due to iron oxide absorbed from the matrix, since some of the surface finds are nearly white. A few pieces differ from the rest in having bands or speckles of dark mineral.

All three geologists who have studied the chert material agree that it cannot derive from the Fennoscandian Shield and that the nearest likely source is on the Varanger Peninsula in Norway, roughly 100 km north of the site (Reino Kesola, Jukka Vdlimaa, and Tuomo Manninen *pers. comm.* 2005-6). The material superficially resembles the so-called “dolomite” or tuffaceous chert found in Norwegian Mesolithic sites on, *e.g.*, the Varangerfiord and presumed to originate in the Pasvik River Valley (Hood 1992: 122–126), but such an origin has been

Table 1

Chert artefacts	pcs.
Tanged points, fragments & roughouts	55
Blade tools (scrapers, burins etc.)	47
Blades & fragments (incl. 313 retouched)	2150
Burin spalls & fragments (incl. 1 retouched)	35
Core tablets (incl. 6 retouched)	341
Core rejuvenation flakes	7
Core edge trimming flakes	1315
Blade-like flakes	4
Unspecified flakes (incl. 9 retouched)	170
Fragments (incl. 14 retouched)	2223
Blade cores & fragments	15
Core or tool	1
Total chert	6363
Other lithic materials	46

specifically ruled out for the Sujala material by Kesola, and the question of whether the material is indeed the same must await a more thorough mineralogical analysis.

In addition to the lithics, the site produced some 600 grams of burnt bone, nearly all of it from the large dark stain. The bones were analysed by Eeva-Kristiina Lahti (Table 2). Most of the pieces that could be identified were reindeer (*Rangifer tarandus* ssp.), but there were also two bones of divers (GAVIIDAE), one of which could be identified to species as the black-throated diver (*Gavia arctica*). The black-throated diver currently arrives at Lake Vetsijärvi in the beginning of June and leaves in mid-September (Lokki *et al.* 1997).

The large dark stain also produced a number of small charcoal samples. Two of these were analysed by Tuuli Timonen and Pirkko Harju of the Finnish Museum of Natural History and found to be birch (*Betula*) (Timonen 2006). AMS radiocarbon analyses were run on one other charcoal sample and two burnt bone samples at the University of Helsinki Dating Laboratory. The charcoal was dated to 9265±65 BP (Hela-1102) while the bone samples came out at 8940±80 and 8930±85 BP (Hela-1103 and Hela-1104). According to the director of the laboratory, Dr. Hugne Jungner, the bone dates should be considered more reliable (*pers. comm.* 2005), but the discrepancy appears to be too great to be explained

Table 2

Species (Latin)	Species (English)	No. of bones
<i>Rangifer tarandus</i> ssp.	Reindeer	10
<i>Cervidae</i>	Deer	3
<i>Mammalia</i>	Mammals	2
<i>Gavia arctica</i>	Black-throated diver	1
<i>Gaviidae</i>	Divers	1
<i>Aves</i>	Birds	2

by the “old wood” phenomenon since birch does not live much longer than 100 years and rots quickly once dead. The Oxcal calibration (v. 3.10, Bronk-Ramsey 2005, cf. Bronk Ramsey 1995; 2001; Reimer *et al.* 2004) gives the charcoal a calendar age of 8640–8300 calBC and the bone samples ages of 8290–7820 cal BC and 8290–7790 cal BC respectively at 2 σ , the means standing roughly at 8500 calBC for the charcoal and 8100 calBC for the bone. The dates place the site at the Preboreal–Boreal transition or in the late Preboreal, depending on whether the line is drawn at 9000 BP or 8800 BP.

The lithic assemblage

The lithic finds of the Sujala site derive from a carefully executed blade production. The virtual absence of cortex flakes or blades suggests that the initial shaping of the cores took place somewhere else, possibly at the source of the raw material. The character of the shaping can only be inferred from a couple of blades that retain a crest or a part of it (*e.g.*, Fig. 4.2). According to these, the shaping was done by forming a crest on the edge of the piece of raw material with bifacial flaking (*cf.*, *e.g.*, Tixier 1984). Judging from the size of the largest blades and core tablets, the original size of some of the cores was fairly large: the partially crested blade in Figure 4.2, which probably does not retain its full length, is 103.2 mm long and almost 21 mm wide, while the maximum width of blades is c. 42 mm. The largest dimension of the core tablets exceeds 65 mm. Since the core tablets regularly only removed a part of the striking platform, the platforms from which the largest ones were detached must have been considerably bigger than this. The small size of one of the crested blades (length 24.2 mm, width 6.6 mm), on the other hand, suggests that some reshaping of cores may have taken place at the site itself.

The original number of prepared cores transported to Sujala is not yet known. The amount of raw material reduced at the site exceeds 4 kilograms and the number of blade cores and core fragments suggests a minimum of five cores. In addition, some blades have doubtless been carried to the site ready-made. The economical use of the raw material is illustrated by the fact that blades and blade

fragments constitute 50% of the recovered material by weight, while the exhausted cores only amount to 6.5%. Platform preparation was rather wasteful, however, since debitage derived from it amounts to c. 28%.

The assemblage includes three blade cores and eleven blade core fragments, most of which are deliberately detached core bases. The complete blade cores are shown in Fig. 3. The first core (Fig. 3.1) is conical in shape. It has one striking platform and blades have been detached from three of its sides. The striking platform has been formed by detaching core tablets radially, so that each one has terminated in a hinge near the centre of the platform. The purpose of this was probably to avoid damaging the opposite edge of the core. This was not always successful, as can be seen in the scar of an overshot core tablet on this core. Further detachments from the platform show that the knapper attempted to salvage the core after this mistake. A few more blades were detached, until a fault line in the rock caused irreparable hinge terminations and the core was abandoned. The length of the discarded core is c. 51 mm and the last successful blade removals are c. 7–10 mm in width.

The second core (Fig. 3.2) was probably also originally conical in shape, but it has suffered extensive damage. The most recent damage was caused by a frost fracture that detached a large flake from the original platform. This flake was also recovered during the excavation. Even before that, however, the platform, or most of it, had been detached so that the core lost its original shape. In addition, two wide blade-like flakes had been detached from the opposite end of the core, possibly to repair some damage. All of the actual blade scars, however, run in the same direction, indicating that the core originally had only one platform. In its present state the core is c. 60 mm long and the width of the last successful blade scars is c. 9 mm.

The third core (Fig. 3.3) is also conical, but much damaged. The striking platform survives and displays the same kind of radial rejuvenation scars as in core 1. One of the sides has been destroyed by a couple of hard-hammer blows, executed probably after the use of the piece as a blade core had terminated. Like core 2, core 3 has also been struck from the opposite end near the end of its use life. Its length is c. 46 mm. No blade scars undamaged enough to be measured remain.

In addition to the complete cores, the assemblage includes at least three small base fragments of blade cores (Fig. 3.4–6) that have been deliberately struck off. This is a technique used in blade core reduction to prevent plunging, which can remove the base of the core and shorten the core too quickly (Binder 1984: 82). Two larger core base fragments have also been struck off deliberately, but the reason for it is not easy to infer. No flake cores have been found at Sujala.

As the surviving cores indicate, the standard method of platform rejuvenation was by radial blows terminating in hinges near the centre of the platform. Although hinge terminations are common when detaching pieces from a flat surface (Cotterell & Kamminga 1987: 701), the Sujala core tablets terminate in hinges with such regularity that it can only be considered a deliberate technique. As

noted above, the purpose of this was probably to avoid damaging the core edge on the opposite side. The current count of core tablets (Fig. 3.7–9) stands at 341, but this can change slightly once the cataloguing of the finds from the 2006 excavation has been completed. Only one of the tablets (Fig. 3.8) has detached the whole striking platform.

In addition to the core tablets, the core preparation debitage discovered at the Sujala site includes some 1300 core edge trimming flakes. Their small size is illustrated by the fact that their total weight is less than 150 grams. In conjunction with the core tablets, these small flakes detached either from the platform surface or, more commonly, from the core face in preparation for blade removal constitute unequivocal evidence that the bulk of the blade production took place at the Sujala site and not, for example, at the raw material source.

Core maintenance also included the rejuvenation of the core face: when the blade scars became too narrow, a wider blade was detached to allow the continued use of the core for the production of wide blades (*e.g.*, Fig.4.11). In addition, the platform edge was sometimes detached with a horizontal blow. This practice still needs more study to understand.

As already indicated by the evenness of the surviving blade scars on the cores, the blade technology was careful and succeeded in producing regular parallel-sided blades (Fig. 4), which are also straight in profile. Since most of the blades are fragmentary, their length cannot be calculated before the assemblage is refitted. The width of the blades as measured from the proximal ends of the 2004 and 2005 excavations ($n=225$) varies between 2.4 mm and 43.3 mm. The bulk of the blades fall between 6 mm and 18 mm in width, with slight bimodality in the curve so that blades between 6 mm and 12 mm form one group and those between 12 mm and 18 mm form another. It is difficult to assess the significance of this bimodality, especially since only proximal ends are included in the analysis. The medial and distal fragments have at this stage been excluded because it is impossible to tell which of them refit to each other and to the existing proximal ends, and this might cause a bias in the distribution.

The thickness of the proximal ends as measured from their non-bulbar sections ($n=292$) varies between 0.9 mm and 13 mm. The majority fall under 4 mm, and a considerably amount under 2 mm.

The blades show substantial and careful platform preparation. Edge trimming is present in 99.8% of the proximal ends of the blades. In addition, 58% show platform edge abrasion. This is often heavy enough to show striations, which indicate the direction of the movement of the abrading tool: across, not along, the platform edge. The shape of the platform remnant is lenticular or semi-lenticular in 72% of the studied cases ($n=320$). Many of the blades that do not conform to this may be misclassified trimming flakes, which sometimes have the same dimensions as blades.

The proximal ends always have a lip on the ventral side. This is an indication of a soft fabricator, in this case probably antler. The bulbs are often short and rounded, a feature that may be associated with the pressure technique (Pelegrin 2006: 47).

Together with the thinness, straightness, and regularity of the blades, the technical data outlined above suggest that at least the pressure technique was used to produce the assemblage (Pelegrin 2006: 42). Although the narrower regular blades are probably the result of pressure, the width data indicate that not all of the blades could have been produced with this technique, even with the use of a crutch (J. Pelegrin, *pers. comm.* 2006). Indirect percussion, which is also capable of producing blades of a great regularity, was, therefore, probably also employed.

The manufacture of tools at the Sujala site took, as it were, two paths. On the one hand there are the tools that are obviously in their primary use. On the other hand there are a number of tools that have been made from pieces that have already been used for something else. This recycling of raw material is a typical feature of the assemblage.

The most common method of modifying the blades into tools was by retouch along the edges. More than 300 edge-retouched blades, mostly fragments, have been found, constituting almost 15% of all the blade fragments. The character of the retouch varies: some blades have very narrow retouch (*e.g.*, Fig. 4.9), while on others the retouch is much wider (*e.g.*, Fig. 4.2, 4.3, 4.13). In many cases the retouched edges display distinct wear, usually from working some hard material and sometimes enough to have resulted in undercut edges. Quantifying the presence of wear and describing its character in detail must wait for a full use-wear analysis. The same applies to inferences about the precise function of the edge-retouched blades.

In addition to retouch along the edges, tool manufacture typically entailed snapping the blades perpendicularly. In many cases, this was done with a sharp blow on the highest dorsal ridge, as attested by clearly detectable points of impact, bulbs, and even bulbar scars on the fracture surfaces. This method of breaking blades into sections differs palpably from the microburin technique common in Western European Mesolithic assemblages. In the microburin technique the resulting break is always oblique (Inizan *et al.* 1999: Fig. 33), while the method used at the Sujala site typically results in clear perpendicular breaks and oblique ones are an exception. Like the character of the use wear, quantifying the use of this method must await for further analyses. It is notable that this method of breaking has often been applied to edge-retouched blades that have already been put to some use.

In addition to the edge-retouched blades, the tool assemblage includes burins, scrapers, perforators/reamers, and arrowheads, as well as arrowhead preforms. Burins, 13 of which have so far been identified, were often made from snapped blades using the snapped surface as the platform for the burin blow (Fig. 5.1, 5.3, 5.4, 5.6, 5.12, 5.15). Most of the blades were edge-retouched before being burinated (Fig. 5.2, 5.3, 5.6) and the majority of the burin spalls have retouched and worn edges (Fig. 5.5, 5.7, 5.8). Burins, thus, represent the recycling of the edge-retouched blade material. In at least one case a snapped mid-section of an edge-retouched blade was burinated on one edge and further retouched and possibly used as a side scraper on the other (Fig. 5.3). Fig. 3:11; Takala 2004, Fig.

The assemblage includes 19 end scrapers, which form a variable group of tools with little in common apart from the scraper edge. At least one of the scrapers has been made from a segment of an edge-retouched blade (Fig. 5.10). The working edge of this scraper is very worn and undercut. Some scrapers (*e.g.*, Fig. 5.9) are high, with a triangular cross section, while others are fairly flat. The 2006 assemblage includes two exceptional “stemmed” scrapers, one (Fig. 5.13) in which the slightly narrower stem has been shaped by coarse retouch, and another (Fig. 5.14), where burin blows have shaped the stem, making it difficult to judge what was the primary function of the modification. No use wear analysis of the scrapers has yet been performed.

The number of finished arrowheads and arrowhead fragments is 51, but refits between the fragments lower the number of individuals to 42, of which 7 are complete (Fig. 6). All of the arrowheads were manufactured according to the same basic plan. They are all tanged and their tip has invasive ventral retouch from both edges meeting at the centre. They are aligned in the same direction as the blade, with the tang at the proximal and the tip at the distal end of the blade. The alignment follows the main dorsal ridge of the blade, probably to make the arrowhead tip and tang stronger. As a consequence, points made from asymmetrical blades ended up being asymmetrical. The preforms suggest that tip retouch was the first stage of point manufacture. The mode of tang retouch probably depends on the shape of the blade. Bifacial retouch is the most common type, constituting 38% of the whole, but blades with a high central ridge only needed ventral retouch (27%), or ventral added with a touch of dorsal on one edge to shape the tang (27%). Dorsal retouch and propeller retouch (dorsal on the left, ventral on the right) are only represented by single examples.

To summarise, the lithic assemblage from the Sujala site appears to derive from blade production with the pressure and indirect percussion techniques. No evidence of flake core reduction has been found. Even the small unclassified fragments which, in spite of their large number, constitute only 6% of the lithic material by weight, are probably mostly blade and core tablet pieces, although they lack the kinds of diagnostic features that would allow their placement in any fixed category. The blades have been modified into tools by edge retouch and perpendicular snapping and some of them have been recycled by burination. Unretouched edges have also been used, as indicated by damage, such as small retouch scars along the blade edge alternating from side to side (Figs. 4.5, 5.1). Scrapers have been made from snapped blades, which have sometimes been edge-retouched. The arrowheads show a combination of invasive ventral and, usually, bifacial retouch and are symmetrical, unless otherwise dictated by the shape of the original blade.

The arrowheads, thus, are completely different from the Ahrensburg-type arrowheads of the Norwegian coast (*e.g.*, Prusch-Danielsen & Huggestul: Figure 4; Woodman 1993: Figure 2:1-8). Instead, they correspond to the definition of the Post-Swiderian point type found in various assemblages in the East Baltic countries and northwestern Russia (*e.g.*, Ostrauskas 2000: Fig. 2; Сорочин 1984,

Fig. 3:11; Takala 2004, Fig. 143; Volokitin 2005, Figs. 2-3; Zhilin 1996, Fig. 4). Other similarities with Post-Swiderian assemblages, for example with the Butovo and Parch Cultures, include the retouch along the blade edges, the perpendicular snapping of the blades, and the manufacture of burins on the perpendicular snaps (Ostrauskas 2000: 172-175; Сорокин 1981: Fig. 7; Сорокин 1984: Fig. 2-4; Sulgostowska 1999, 89; Волокитин 1997: Fig. 13-14; • ilin 2006: 15 ff.).

The blade technology itself differs totally from what was prevalent in Scandinavia at the time of the Sujala site. The evidence for pressure and indirect percussion at Sujala is strong, but these techniques only arrived in Western Europe and Scandinavia during the Atlantic chronozone, around 7800 BP (c. 6600 calBC) (Pelegrin 2006: 40; Sørensen 2006: 286, 291; M. Sørensen *pers. comm.* 2006). The Sujala site, thus, apparently bears the earliest evidence of blade production with these sophisticated techniques in Scandinavia. The pressure technique is claimed to have existed east of the Baltic Sea early in the Mesolithic (*e.g.*, Koziowski 1999: 28; Sulgostowska 1999, 89–90) and could only have reached northern Lapland via the eastern route. Consequently, the Sujala site appears to be the northernmost Post-Swiderian site identified so far and extends the distribution of the Post-Swiderian technocomplex far beyond its hitherto known limits.

Conclusions

The small size and distinct borders of the site together with the very uniform find repertoire, the large number of arrowpoint tangs, the reindeer bone refuse, and the presence of only a single shelter and/or hearth site suggest that the site represents a seasonal campsite occupied by a small band of reindeer hunters, possibly for only one or two seasons. The optimal time for reindeer hunting would have been the late autumn, when the animals were fattest and their fur at its prime, but the presence of the diver bones also suggests occupation during at least part of the summer or early autumn.

That the main prey species of the Sujala people appears to have been the wild reindeer does not mean, however, that they originally came to Utsjoki following the reindeer. In their probable “homeland”, the area of the Kunda-Butovo cultural sphere and the Parch culture on the Vycheгда, the primary meat animal appears to have been the elk (*e.g.*, Волокитин *et al.* 2003: 39; Жилин 2004: 32-36). Recent research also suggests that the Palaeolithic Central European wild reindeer, the tundra reindeer (*Rangifer tarandus tarandus*), reached northern Scandinavia via the western route along the Norwegian coast around the end of the Ice Age. However, due to the rapid development of a forest environment around the Pleistocene-Holocene boundary, the species became extinct in the Baltic States before it could round the Gulf of Finland into Karelia. The forest reindeer (*R. tarandus fennicus*), on the other hand, came to Finland from the east much later than the first human settlers, probably in the early 7th millennium BC (Rankama & Ukkonen 2001; Ukkonen *et al.* 2006). This means that there would have been no reindeer in the forested regions of Karelia and Kainuu when the Sujala people passed through on their way from (probably) northern Russia to Utsjoki.

The lithic technology of the Sujala site is clearly related to the Post-Swiderian sphere; diagnostic features include the tanged arrowheads with symmetrical inverse retouch on the tip and the tang at the proximal end, the highly developed blade production technology producing very regular thin blades and conical cores using the punch and pressure techniques, and the use of perpendicular snapping rather than the diagonal microburin technique for producing tool blanks from blades. In all of these respects, the Sujala material differs from the concurrent Phase I material found on the Finnmark coast, where both the arrowheads and the blades or bladelike flakes tend to be irregular, the reduction technique is preponderantly hard hammer, and most cores are of the globular type. Both typological and technological markers thus indicate that the Sujala people came from the Post-Swiderian rather than the Ahrensburgian sphere, in other words from the southeast rather than the north and west.

The raw material suggests that the Sujala people either had trade connections with the coast or went there themselves, possibly as part of their seasonal round. The fact that nearly 100% of the lithic finds represented the same “local” raw material and no exotic materials – such as the Cretaceous or Carboniferous flint known from the Post-Swiderian sites of southern Finland – were found in the two chert clusters, suggests that the Sujala people had already been living in northern Lapland for some time and that they were not trading for raw material from their original homeland in the southeast. On the other hand, the fact that they retained a very high standard of workmanship and advanced lithic technology that set them apart from their Ahrensburgian neighbours on the coast means that they must have made the trek to Lapland very quickly. Utsjoki is separated from the Post-Swiderian home area in Russia and the Baltic countries by the Fennoscandian Shield, a Precambrian formation nearly devoid of the kind of fine-grained, conchoidally fracturing raw material that is necessary for a developed blade technology. This dearth of usable local material is probably what forced the pioneer settlers of southern Finland to abandon their original flint-based blade technology and adopt a flake technology based on quartz. In order to reach Utsjoki after passing through nearly 1000 kilometres of raw-material-poor Fennoscandian shield and still maintain their typical Post-Swiderian technology and form language, the Sujala people must have moved fairly quickly. Blade technology is complicated and requires years of training to master. The Sujala people must therefore have had with them at least one fully trained stonemason who could have made the blades and implements and taught younger group members how to make them, once the group was again in range of a usable raw material. Consequently, the trek must have been made within a period shorter or equivalent to the normal adult lifespan. What prompted the journey, however, still remains obscure.

Acknowledgements

The authors wish to thank Aleksandr V. Volokitin for inviting us to contribute to this volume. The research at the Sujala site has been supported by the Oskar II flund Foundation, the Niilo Helander Foundation, the Finnish Cultural Foundation, and the National Geographic Society. The authors are indebted to all

of the volunteers who have worked on the excavation in 2004–2006. Professional help has been received from many quarters, including Reino Kesola, Tuomo Manninen, and Jukka Vdlimaa of the Finnish Geological Survey and a large number of archaeologists both home and abroad, including Charlotte Damm, Sheila Coulson, Ericka Engelstad, Ingrid Fuglestvedt, Sven Erik Grydeland, Esa Hertell, Kjel Knutsson, Aivar Kriiska, Mikael A. Manninen, Jacques Pelegrin, Hugues Plisson, Morten Ramstad, Aleksei Sorokin, Mikkel Sørensen, Miikka Tallavaara, Aleksandr Volokitin, Peter Woodman, and Mickle Zhilin. All of your contributions are gratefully acknowledged.

BIBLIOGRAPHY

- Binder, D.* Systèmes de débitage laminaire par pression: exemples chassiens Provenzaux. In J. Tixier (ed.), *Préhistoire de la pierre taillée 2. Économie du débitage laminaire: technologie et expérimentation. IIIe table ronde de technologie lithique Meudon-Bellevue, Octobre 1982*. Paris: Cercle de Recherches et d'Études Préhistoriques, 1984. P. 71–84.
- Bronk Ramsey C.* Radiocarbon Calibration and Analysis of Stratigraphy: The OxCal Program. *Radiocarbon* 37(2), 1995. P. 425–430.
- Bronk Ramsey C.* Development of the Radiocarbon Program OxCal. *Radiocarbon* 43 (2A), 2001. P. 355–363.
- Bue, J. & Nummedal, A.* *Le Finnmarkien. Les origines de la civilisation dans l'extrême-nord de l'Europe*. Oslo: Instituttet for sammenlignende kulturforskning, 1936.
- Carpelan, C.* On the Postglacial Colonisation of Eastern Fennoscandia. In M. Huurre (ed.), *Dig it All. Papers Dedicated to Ari Siiridinen*. Helsinki: The Finnish Antiquarian Society & The Archaeological Society of Finland, 1999. P. 151–171.
- Carpelan, C.* Environment, Archaeology, and Radiocarbon Dates. Notes from the Inari Region, Northern Finnish Lapland. *ISKOS* 13, 2004. P. 17–45.
- Cotterell, B. & Kamminga, J.* The Formation of Flakes. *American Antiquity* 52(4), 1987. P. 675–708.
- Grydeland, S.E.* The Pioneers of Finnmark – from the earliest coastal settlements to the encounter with the inland people of Northern Finland. In H. Knutsson (ed.) *Pioneer settlements and colonization processes in the Barents region. Vuollerim Papers on Hunter-gatherer Archaeology* I. Vuollerim, 2005. P. 43–77.
- Hood, B.C.* *Prehistoric Foragers of the North Atlantic: Perspectives on Lithic Procurement and Social Complexity in the North Norwegian Stone Age and the Labrador Maritime Archaic*. Ph.D. thesis, University of Massachusetts. Ann Arbor: UMI Dissertation Services, 1992.
- Inizan, M.-L., Reduron-Ballinger, M., Roche, H. & Tixier, J.* 1999. Technology and Terminology of Knapped Stone. *Préhistoire de la Pierre taillée* 5. CREP. Nanterre.
- Jussila, T.* *Joutsenon Kuurmanpohjan kivikautisten asuinpaikkojen koekaivaus v. 2000*. 2001.
<http://www.mikroliitti.fi/kuurmanp/esipuhe.htm>
- Jussila, T.* *Joutsenon Kuurmanpohjasta uusi radiohiiliajoitus palaneesta luusta*. 2003.
<http://www.mikroliitti.fi/kuurmanp/kuurmanluu.htm>

Kankaanpö, J. & Rankama, T. Early Mesolithic Pioneers in Northern Finnish Lapland. In H. Knutsson (ed.) *Pioneer settlements and colonization processes in the Barents region. Vuollerim Papers on Hunter-gatherer Archaeology I*. Vuollerim, pp. 109–161. 2005.

Koziowski, S. K. 1999. The Tanged Points Complex. In *Tanged Points Cultures in Europe*. Lublin: Maria Curie-Skłodowska University Press, pp. 28–35.

Lokki, J., Hautala, H., Koskimies, P., Neuvonen, V., Nikander, P. J., Palmgren, J., Tanskanen, A., Cavun, J., Ojanen, J. & Seppö, P. Suomen linnut CD-Facta. CD. Helsinki: WSOY. 1997.

Olsen, B. Bosetning og samfunn i Finnmarks forhistorie. Oslo: Universitetsforlaget. 1994.

Ostrauskas, T. Mesolithic Kunda Culture. A Glimpse from Lithuania. In V. Lang, U. Miller, A. Raukas, E. Tixnison & A. Siiridinen (eds.) *De temporibus antiquissimis ad honorem Lembit Jaanits. Muinainsaja teadus* 8. Tallinn, 2000. P. 167-180.

Pelegrin, J. Long blade technology in the Old World: an experimental approach and some archaeological results. In Apel, J. & Knutsson, K. (eds.), *Skilled Production and Social Reproduction. SAU Stone Studies* 2. Uppsala, 2006. P. 37-68.

Prusch-Danielsen, L. & Hugestul, M. A coastal Ahrensburgian site found in Galta, Rennesøy, Southwest Norway. In A. Fischer (ed.) *Man & Sea in the Mesolithic. Coastal Settlement above and below present sea level. Proceedings of the International Symposium, Kalundborg, Denmark 1993*. Oxford: Oxbow, 1995. P. 123-130.

Rankama, T. & Kankaanpö, J. History and prehistory of Lake Vetsijärvi. In Ojala, A.E.K. (ed.), *Quaternary studies in the northern and Arctic regions of Finland. Geological Survey of Finland, Special Paper* 40, 2005. P. 113–121. <http://arkisto.gsf.fi/sp/SP40.pdf>

Rankama, T. & Ukkonen, P. On the early history of the wild reindeer (*Rangifer tarandus* L.) in Finland. *Boreas* 30, 2001. P. 131-147.

Reimer, P. J., Baillie, M. G. L., Bard, E., Bayliss, A., Beck, J. W., Bertrand, C. J. H., Blackwell, P. G., Buck, C. E., Burr, G. S., Cutler, K. B., Damon, P. E., Edwards, R. L., Fairbanks, R. G., Friedrich, M., Guilderson, T. P., Hogg, A. G., Hughen, K. A., Kromer, B., McCormac, G., Manning, S., Bronk Ramsey, C., Reimer, R. W., Remmele, S., Southon, J. R., Stuiver, M., Talamo, S., Taylor, F. W., van der Plicht, J. & Weyhenmeyer, C. E. IntCal04 Terrestrial Radiocarbon Age Calibration, 0–26 cal kyr BP. *Radiocarbon* 46(3), 2004. P. 1029-1058.

Сорокин А.Н. Позднемезолитическая стоянка Микулино (Мещера) // СА. 1981. № 1. С. 118–133.

Сорокин А.Н. Мезолит Великих Мещерских Озер // СА. 1984. № 1. С. 46-65.

Sulgostowska, Z. Final Palaeolithic Masovian Cycle and Mesolithic Kunda Culture Relations. In *Tanged Points Cultures in Europe*. Lublin: Maria Curie-Skłodowska University Press, 1999, pp. 85-92.

Surensen, M. Rethinking the lithic blade definition: towards a dynamic understanding. In *Apel, J. & Knutsson, K. (eds.), Skilled Production and Social Reproduction. SAU Stone Studies 2.* Uppsala, 2006, pp. 277-296.

Takala, H. *The Ristola Site in Lahti and the Earliest Postglacial Settlement of South Finland.* Lahti: Lahti City Museum, 2004.

Tixier, J. 1984. Le débitage par pression. In *J. Tixier (ed.), Préhistorie de la pierre taillée 2. Économie du débitage laminaire: technologie et experimentation. IIIe table ronde de technologie lithique Meudon-Bellevue, Octobre 1982.* Paris: Cercle de Recherches et d'Études Préhistoriques, pp. 57-70.

Timonen, T. 2006. *Report on the tree species analysis of two wood charcoal samples from the Sujala site in Utsjoki.* Manuscript in possession of the authors.

Ukkonen, P., Lxugas, L., Zagorska, I., Lukševica, L., Lukševics, E., Daugnora, L. and Jungner, H. History of the reindeer (*Rangifer tarandus*) in the eastern Baltic region and its implications for the origin and immigration routes of the recent northern European wild reindeer populations. *Boreas* 35, 2006, pp. 222-230.

Волокитин А.В. Мезолит // Археология Республики Коми. Сыктывкар, 1997.

Волокитин А. В., Майорова Т.П., Ткачев Ю.А. Мезолитические стоянки Парч 1 и Парч 2 на Вычегде: Опыт реконструкции природного окружения и жизнедеятельности // Научные Доклады. Вып. 457 / Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар, 2003.

Volokitin, A. 2005. Some peculiarities of colonization of the European north-east in Mesolithic. In *H. Knutsson (ed.) Pioneer settlements and colonization processes in the Barents region. Vuollerim Papers on Hunter-Gatherer Archaeology 1.* Vuollerim, pp. 11-18.

Woodman, P.C. 1993. The Komsa Culture. A Re-examination of its Position in the Stone Age of Finnmark. *Acta Archaeologica* 63, pp. 57-76.

Woodman, P.C. 1999. The Early Postglacial Settlement of Arctic Europe. In *E. Czesla, T. Kersting & S. Pratsch (eds.), Den Bogen spannen. Festschrift für B. Gramsch zum 65. Geburtstag. Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas 20,* pp. 297-312.

Zhilin, M.G. 1996. The Western Part of Russia in the Late Paleolithic – Early Mesolithic. In *L. Larsson (ed.) The Earliest Settlement of Scandinavia and its relationship with neighbouring areas. Acta Archaeologica Lundensia Series in 8° 24.* Lund, 2004. P. 273-284.

Жилин М.Г. 2004. Природная среда и хозяйство мезолитического населения центра и северо-запада лесной зоны Восточной Европы // Монографические Исследования: Археология. ИА РАН. М.: Academia.

• *ilin M.G.* 2006. Das Mesolithikum im Gebiet zwischen den Flüssen Wolga und Oka: einige Forschungsergebnisse der letzten Jahre. *Praehistorische Zeitschrift* 81, pp. 1-48.

**ДРЕВНЕЙШЕЕ ПОСЕЛЕНИЕ
В МАТЕРИКОВОЙ ЧАСТИ ЛАПЛАНДИИ****Туйя Ранкама, Ярмо Канкаанпа**

Долгое время считалось, что финская Лапландия была заселена лишь в последниковые группами населения ранней стадии культуры комса, имеющей аренбургские корни, которое продвигалось в раннем пребореале вдоль побережья на север, и памятники этой культуры были известны только на побережье. Заселение внутренних частей Финмарка (норвежской Лапландии) относилось к концу мезолита, к позднему атлантикуму. Однако новейшие исследования на севере региона показали, что уже в конце пребореала сюда проникли носители материковых культур постсвидерского круга.

Стоянка Суйяла, находящаяся на севере финской Лапландии, была открыта Т. Ранкама и Я. Канкаанпа в 2002 г. На стоянке, расположенной на вершине моренной гряды, возвышающейся примерно на 6 м над уровнем озера Ветсиярви, выявлены два скопления культурных остатков. Есть основания полагать, что уровень озера понижался в течение длительного периода, и стоянка могла первоначально располагаться на острове. Первые разведочные раскопки были проведены в 2004 г., а в 2005-2006 гг. исследовано одно из скоплений. Каменный инвентарь, изготовленный из мелкозернистого кремневого песчаника, представляет развитую пластинчатую индустрию, до сих пор не известную на территории финской Лапландии, за исключением отдельных случайных находок. Первоначально стоянка была отнесена к фазе I раннемезолитической культуры побережья Финмарка, но обнаружение черешковых наконечников стрел и другие находки показали, что происхождение этой индустрии связано не с территориями, лежащими на севере, а, вероятнее, всего на юго-востоке.

На исследованной площади выявлены три скопления каменного инвентаря. Одно из них представляло темное округлое пятно диаметром около 2 м, в котором были найдены угольки березы и обожженные кости, в большинстве принадлежавшие северному оленю, были встречены также остатки чернозобой гагары. Это пятно было интерпретировано как жилище площадка. Три радиоуглеродные датировки относят время ее существования к концу пребореала или рубежу пребореала и бореала.

Каменный инвентарь насчитывает более 6000 предметов и демонстрирует все признаки развитой пластинчатой индустрии. Техника первичного расщепления характеризуется коническими и конусовидными нуклеусами. Слабо изогнутые пластины имеют правильную параллельную огранку с небольшими участками ударной площадки. Среди находок представлены также сколы поджигления площадки нуклеусов и формирования их ребер. Представлена вся цепочка расщепления, изготовления и подправки орудий, за исключением отходов подготовки преформ нуклеусов.

Диагностичной формой каменного инвентаря стоянки Суйяла являются симметричные черешковые наконечники стрел с плоской вентральной ретушью, которые могут рассматриваться как постсвидерские. В коллекции имеются семь целых или почти целых наконечников и более чем 40 экз. их фрагментов. Среди других орудий отметим концевые скребки и резцы на пластинах, ретушированные пластины.

Техника первичного расщепления также указывает на восточное происхождение этой индустрии, так как пластины отделялись с использованием посредника и отжимом, т.е. посредством тех технологических приемов, которые появились в Западной Европе более чем на тысячу лет позднее. Прием получения заготовок для орудий путем перпендикулярного, а не диагонального расщепления пластин, также более типичен для восточных индустрий.

Прежде во всей Скандинавии были известны единичные постсвидерские памятники: древнейший комплекс стоянки Ристола в Лахти и стоянка Саареной 2 в Ютсено (Joutseno), оба памятника расположены в южной Финляндии. Суяла – это первый постсвидерский памятник, открытый в Лапландии, и он же является наиболее представительным среди всех памятников этого круга. Население, оставившее стоянку Суяла, скорее всего, пришло в Утсуоки (Utsjoki) через восточную Карелию или через Кольский полуостров. Однако, каменное сырье индустрии стоянки Суяла, очевидно, происходит с полуострова Варангер в Норвегии, расположенного в 100 км к северу от памятника. Это предполагает, что население стоянки ежегодно посещало побережье или имело торговые контакты с населением прибрежной культуры Комса.

Высокоразвитая пластинчатая индустрия стоянки указывает, что миграция из исконных районов проживания (вероятно, север европейской России) происходила очень быстро, очевидно, в течение жизни одного поколения. Каменное сырье, пригодное для изготовления высококачественных пластин, не является легко доступным в области распространения скандинавского ледникового щита, которую мигранты должны были пересекать на их пути в Утсуоки и соответственно изменять свои технологические приемы от поколения к поколению. Причины миграции, однако, остаются неизвестными.

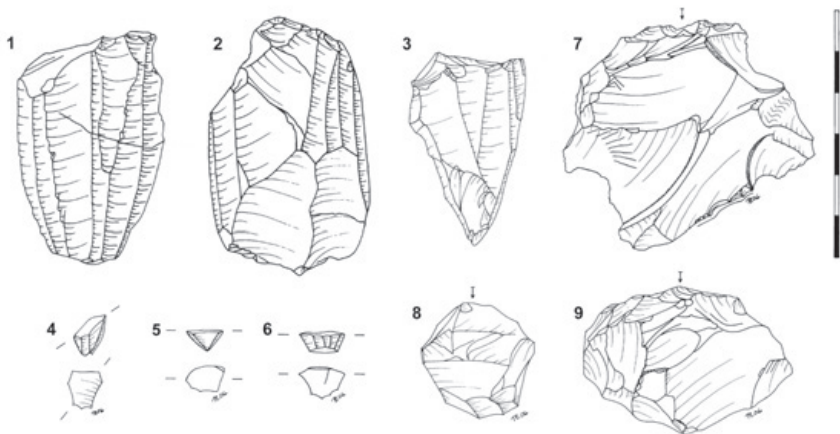

Fig. 3. Blade cores (1-3), core base fragments (4-6) and core tablets (7-9) from the Sujala site. Drawings by T. Rankama.

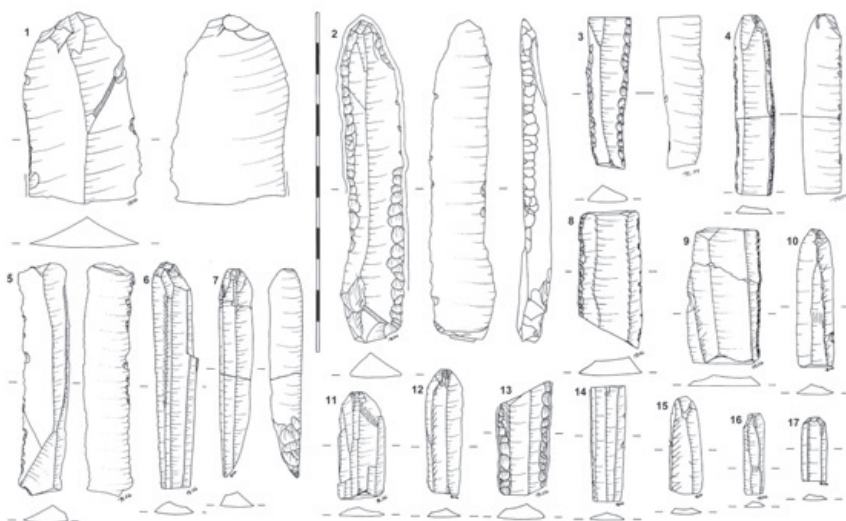

Fig. 4. Blades from the Sujala site. Retouched (1-4, 7-9, 13) and unretouched (5, 6, 11, 12, 14-17). Drawings by T. Rankama.

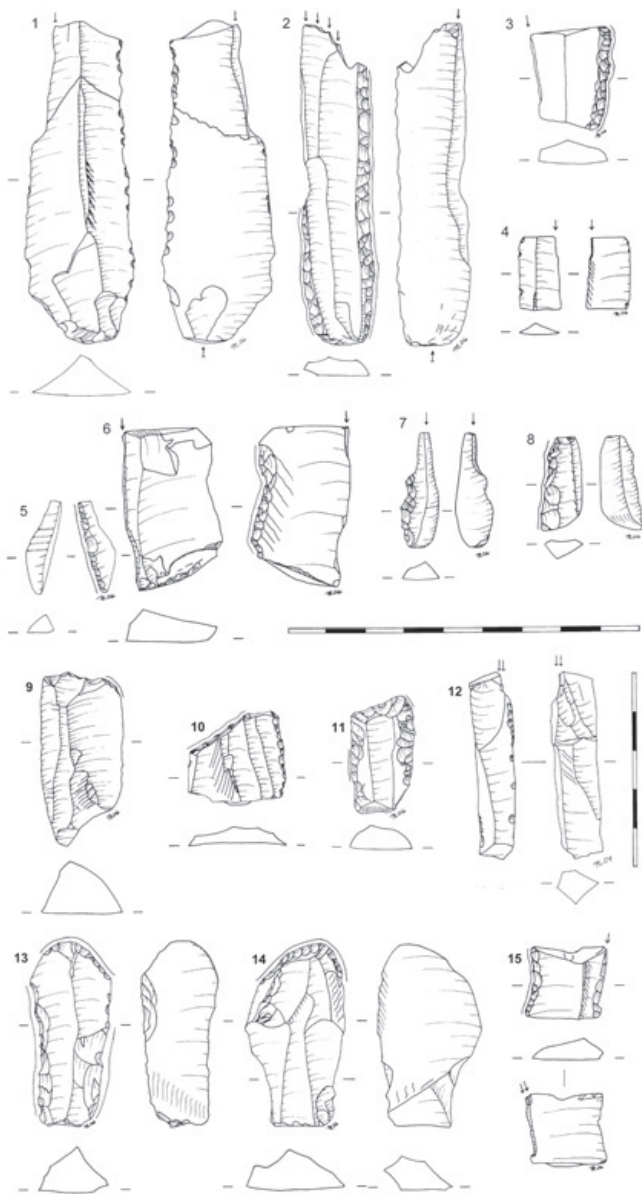

Fig. 5. Burins (1-4, 6, 12, 15), burin spalls (5, 7, 8) and scrapers (9-11, 13,14) from the Sujala site. Drawings by T. Rankama.

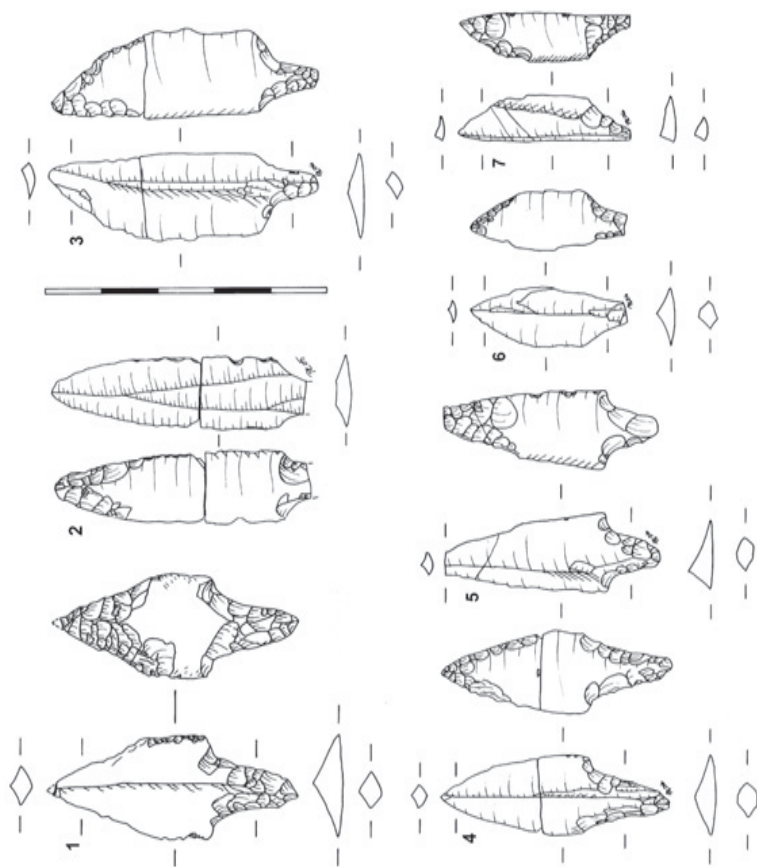

Fig. 6. Tanged points from the Sujjala site. Drawings by T. Rankama.

МЕЗОЛИТИЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ПУТКИНСКАЯ VIII В ЮГО-ЗАПАДНОМ ПРИБЕЛОМОРЬЕ

А.М.Жульников

*Карельский государственный краеведческий музей, Петрозаводск
e-mail: wigwam@karelia.ru*

В низовье р. Кемь в 60-70 е гг. прошлого века А.В. Анпиловым была исследована группа мезолитических памятников (Анпилов, 1972), материалы которых стали опорными для изучения эпохи мезолита Северной Карелии. Г.А. Панкрушевым для этого района Карелии были выделены две группы памятников, отличавшиеся друг от друга техникой обработки кварца и составом каменного инвентаря (Панкрушев, 1978). Все мезолитические стоянки, исследованные в этом районе, располагались в древности в приустьевой части р. Кемь, видимо, неподалеку от ее впадения в Белое море. Современное устье р. Кемь располагается на значительном удалении от этих мезолитических памятников (от 10 до 50 км).

В 2003 г. экспедиция Карельского государственного краеведческого музея под руководством автора данной статьи провела раскопки поселения Путкинская VIII. Это первый в данном регионе полностью раскопанный мезолитический памятник. В ходе раскопок удалось получить интересные данные о структуре мезолитического поселения. Все находки с поселения Путкинская VIII включены в коллекцию, что позволяет использовать их в качестве полноценного источника для изучения характера и особенностей каменной индустрии эпохи мезолита Северной Карелии.

Поселение Путкинская VIII находится в 2 км юго-восточнее водосброса Путкинской ГЭС, в 500 м от берега р. Кемь (водохранилище Путкинской ГЭС), в 60 м от линии ВЛЭП Путкинская ГЭС – Подужемская ГЭС (рис. 1). Размещается на песчаной террасе, примыкающей с юга к скальному выходу, простирающемуся до берега водохранилища (рис. 1). В момент существования поселения это скальное возвышение было островом в Белом море неподалеку от устья р.Кемь. Высота поселения составляет около 42 м над уровнем моря. Территория поселения ограничена с севера и запада скальными выступами, с юга – болотистой низиной (древний залив Белого моря). С востока естественные границы отсутствуют, однако в этом направлении наблюдается общее понижение площадки, занятой памятником.

Всего в ходе работ на памятнике было вскрыто 332 кв. м (рис. 1, 2). В центральной части раскопа прослежена следующая стратиграфия: 1) дерн (3-8 см); 2) белесый песок (12-16 см); 3) коричнево-желтый песок. Стратиграфия в северо-западной части раскопа: 1) дерн (3-5 см); 2) белесый песок (0-10 см); 3) скала. Стратиграфия в восточной части раскопа: 1) дерн (7-10 см); 2) подзол (8-25 см); 3) коричнево-желтый песок.

В северо-западном углу раскопа культурный слой был исчерпан к подошве горизонта 1 и сменился сплошным массивом скалы. На кв. x11-12/

y12 к подошве горизонта выявилось пятно кострища в виде красно-коричневого пятна 1x1 м. Каких-либо иных пятен окрашенного культурного слоя в горизонте 1 не обнаружено. Вокруг кострища наблюдалась концентрация находок – отщепов и орудий из камня. На кв. x10/y17 был обнаружен очаг из четырех крупных обожженных камней. Так как иных камней в ходе раскопок на поселении обнаружено не было, то искусственный характер этого сложения не вызывает сомнения. Вокруг камней на кв. x10/y17 наблюдалась повышенная концентрация находок. Третье скопление орудий и нуклеусов (в горизонте 1) зафиксировано на относительно ровном участке раскопа на кв. x15-16/y12-14. Скальная поверхность здесь была покрыта тонким (до 10 см) слоем белесого песка с красноватым оттенком. Каких-либо кострищных пятен выявить не удалось, однако красноватый слой подзола указывает на наличие прокаленного песка. На остальных частях раскопа плотность находок невысока. Находки полностью отсутствовали вдоль южной и восточной стенок раскопа.

В горизонте 1 вокруг кострища на кв. x11-12/y12 наблюдалось красновато-коричневое пятно неправильной формы размерами 2x3 м. Пятно кострища исчерпалось уже в верхней части горизонта 2, ниже наблюдалось пятно прокаленного песка, повторявшее по конфигурации форму кострища. В горизонте 2 наблюдалась более четкая концентрация находок вокруг кострища на кв. x11-12/y12 и очага на кв. x10/y17 (рис. 2). Размеры пятна находок вокруг кострища на кв. x11-12/y12 – 3x4 м, вокруг очага – примерно 3x3 м. На кв. x12/y12 обнаружено скопление из примерно 50 мелких кварцевых чешуек. При раскопках горизонта 2 отмечено, что на других квадратах все немногочисленные находки находилась в пятнах белесого цвета, образовавшихся на местах сгнивших пней, ям от упавших деревьев. Концентрация находок в горизонте 2 вокруг кострища и очага, при почти полном отсутствии находок на остальной поверхности раскопа, указывает на наличие здесь в древности двух наземных жилищ. Об этом также косвенно свидетельствуют небольшие размеры выявленного кострища, его почти круглая форма. Именно такие кострища зафиксированы во многих энеолитических полуземляночных жилищах Карелии, тогда как кострища вне построек имеют обычно довольно крупные размеры и, нередко, неправильные очертания (Жульников, 2003). На поселении Подужемская II, расположенном в 10 км выше по течению р.Кемь, А.В. Анпиловым были зафиксированы три кострища, которые при мощности кострищной линзы 0,1 – 0,15 м имели размеры от 0,3x0,5 м до 0,8x1 м. Кострища были удалены друг от друга на значительное расстояние. Г.А. Панкрушев сделал предположение о наличии на стоянке Подужемская II следов кострищ, которые горели в чумах (Панкрушев, 1978. С. 95). Основанием для данного вывода послужила значительная мощность кострищных линз, исследованных на стоянке.

На поселении Путкинская VIII орудия и отходы их производства обнаружены не только в пределах предполагаемых наземных жилищ, но и

за их границами. Этот факт не позволяет интерпретировать данные строения, как функционировавшие только в зимний период. Особенностью структуры поселения Путкинская VIII является полное отсутствие в раскопе следов каких-либо хозяйственных и столбовых ям. Этот признак, напротив, косвенно указывает на зимний характер памятника. Учитывая эти данные в совокупности, можно предположить, что поселение функционировало осенью или весной, когда хозяйственная деятельность на поселении протекала частично за пределами жилищ, а замерзший грунт препятствовал созданию хозяйственных ям. Впрочем, не исключено, что отсутствие хозяйственных ям на поселении Путкинская VIII отражает лишь сезонную специфику занятий мезолитического населения, проживавшего на острове неподалеку от устья р. Кемь.

В ходе раскопок на поселении было найдено 542 артефакта. Всего обнаружено 48 орудий – 22 кварцевых скребка (рис. 4; 5, 1), кремневый скребок, кварцитовый скребок (рис. 3, 7), два сланцевых скола с рубящего орудия (рис. 3, 9), кремневый нож (отщеп со следами использования) (рис. 3, 8), кремневый нож-скобель (рис. 3, 6), шесть кварцевых ножей (рис. 3, 4), кремневая проколка (рис. 3, 5), четыре кварцевых резца (выделены с известной долей условности) (рис. 3, 2, 3), один кварцевый скобель, восемь кварцевых отщепов с ретушью. Состав орудий на поселении достаточно разнообразен, обычен для многих мезолитических памятников Северной Карелии. При раскопках найдены пять кварцевых пластинчатых отщепов, 24 кварцевых нуклеуса (рис. 5), два кварцевых нуклеидных куска, 10 кремневых отщепов, 392 кварцевых отщепа и 61 чешуйка. Все нуклеусы, обнаруженные на поселении, относятся к категории биполярных. Доля орудий со вторичной обработкой достаточно высока и составляет 11,2%. Относительная близость поселения Путкинская VIII к источникам кремня, видимо, обусловила появление в составе каменного инвентаря орудий и отщепов из кремня, отсутствующих на расположенном в 150 км севернее позднемезолитическом поселении Кереть XIX (Тарасов, Шахнович, 2006).

Каменный инвентарь поселения Путкинская VIII имеет близкую аналогию в материалах позднемезолитических стоянок Подужемская I, Ia, II, Па, III, Вочаж I-IV, раскопанных А.В.Анпиловым в данном районе в 1966 г. (Анпилов, 1972; Панкрушев, 1978). На позднемезолитической стоянке Подужемская II доля орудий с вторичной обработкой составляет 12,4%, в чем также проявляется сходство с каменным инвентарем поселения Путкинская VIII.

Сходно и высотное расположение стоянок над уровнем моря (высота стоянки Подужемская II – 40,5 м над уровнем моря). В тоже время существенно отличается топография Подужемских стоянок и поселения Путкинская VIII. Первые приурочены к небольшим каменистым возвышенностям, находившимся неподалеку от берега р.Кемь, в приустьевой части реки. Поселение Путкинская VIII, как уже было отмечено,

располагается на берегу небольшого древнего залива в южной части скалистого островка, находившегося неподалеку от древнего устья р. Кемь.

Раскопанное поселение, судя по отсутствию среди находок керамики, высотному расположению над уровнем моря, общему топографическому положению – привязка к древней морской террасе и острову в приустьевой части р.Кемь, относится к мезолитическому времени. Ранненеолитическая керамика в данном районе имеется на отметках 27-29 м над уровнем моря (группа поселений в районе поселка Гайжево, 3-4 км ниже по течению р. Кемь). Поздние неолитические и энеолитические поселения в этом районе занимают еще более низкие отметки над уровнем моря. Нижние высотные отметки залегания керамики разных типов демонстрируют постепенное отступление берега моря и приустьевой части р.Кемь в восточном направлении. Высота поселения Путкинская VIII – 42 м над уровнем моря. Высота прилегающего к стоянке болота (дно древнего морского залива) – 39-40 м над уровнем моря. Эти данные позволяют датировать поселение Путкинская VIII не позднее второй половины VI тыс. до н.э. Не противоречит данной датировке и облик каменного инвентаря, в котором очень малую долю составляют орудия и отщепы из кремня и сланца.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антилогов А.В. Мезолитические стоянки на р.Кеми // Археологические исследования в Карелии. Л., 1972. С. 3-9.

Жульников А.М. Древние жилища Карелии. Петрозаводск, 2003.

Панкрушев Г.А. Мезолит и неолит Карелии. Ч.1: Мезолит. Л., 1978.

Тарасов А.Ю., Шахнович М.М. Стоянка Кереть XIX в Северо-Западном Прибеломорье (результаты работ в 2005 году) // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки, 2006. С. 264-281.

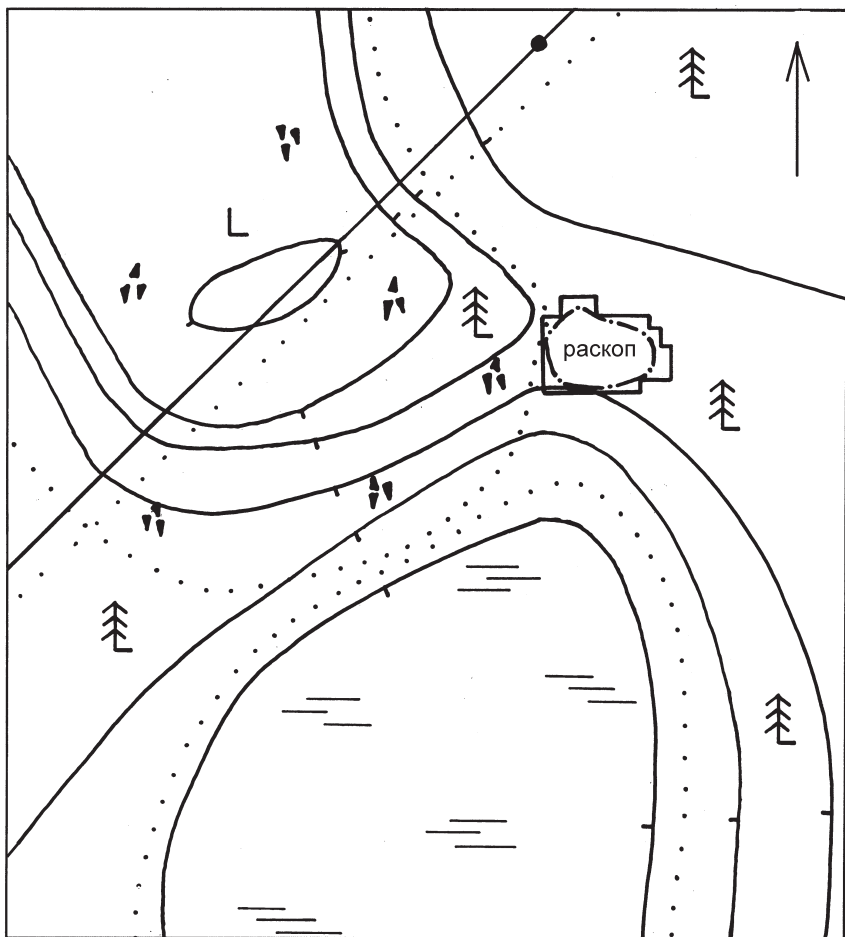

Рис. 1. План поселения Путкинская VIII.

Условные обозначения: 1 – граница распространения культурного слоя;
 2 – скала и каменистые участки; 3 – электролиния.

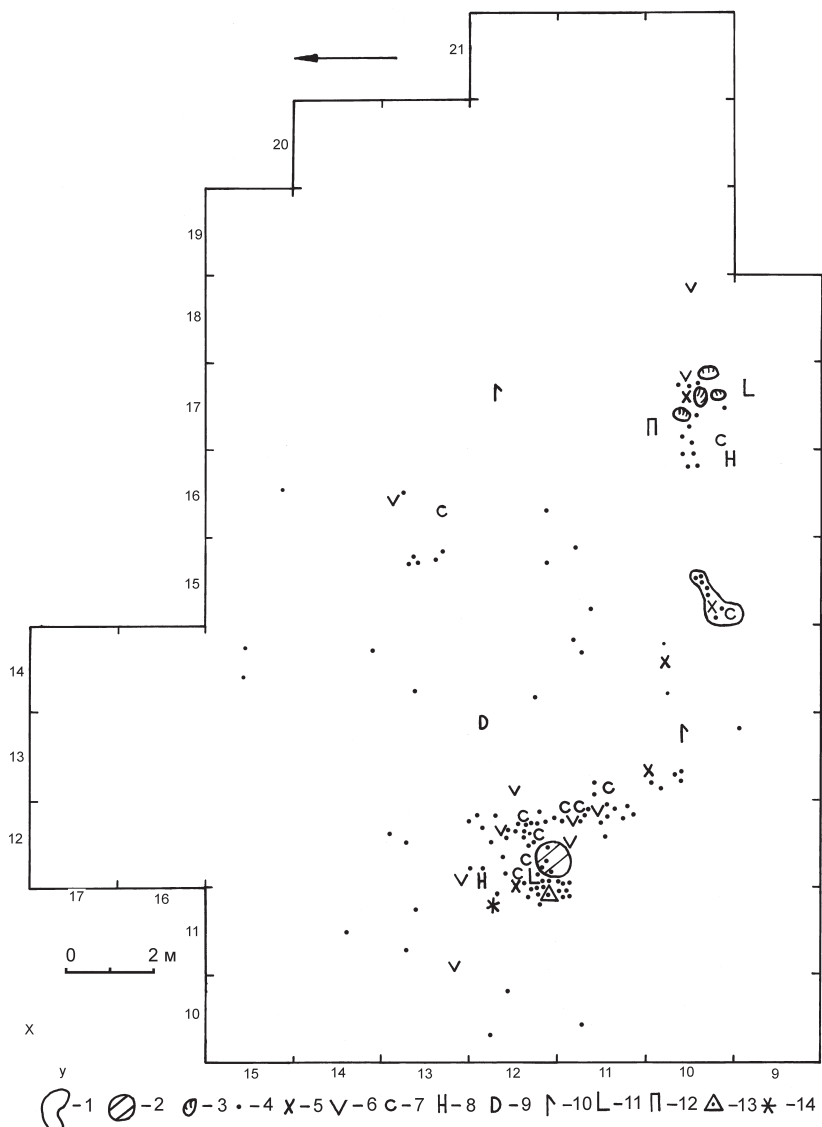

Рис. 2. Поселение Путкинская VIII. План раскопа. Горизонт 2.

Условные обозначения:

1 – яма, заполненная белесым песком; 2 – кострище; 3 – камень;

4 – отщеп кварцевый; 5 – отщеп кремневый; 6 – нуклеус; 7 – скребок;

8 – нож; 9 – скобель; 10 – резец; 11 – скол с рубящего орудия;

12 – пластина; 13 – скопление кварцевых чешуек; 14 – отщеп с ретушью.

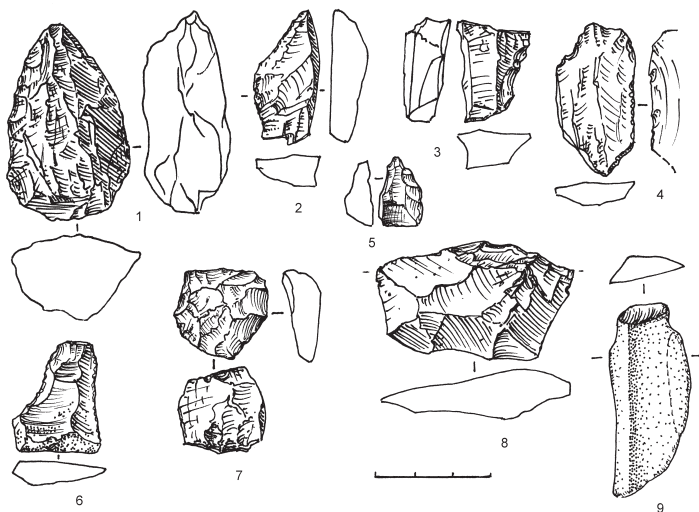

Рис. 3. Каменный инвентарь поселения Путкинская VIII.

1 – нуклеус; 2-3 – резец; 4, 8 – нож; 5 – проколка; 6 – нож-скобель;
7 – скребок; 9 – скол с рубящего орудия. 1-4 – кварц; 5, 6, 8 – кремень;
7 – кварцит; 9 – сланец.

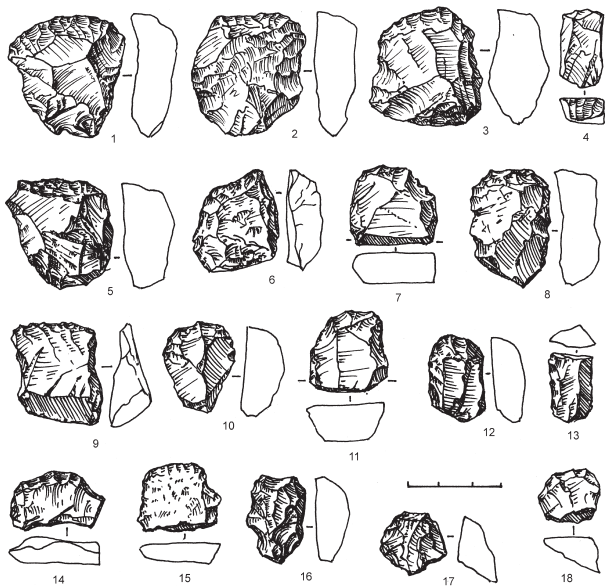

Рис. 4. Каменный инвентарь поселения Путкинская VIII.
1-18 – кварцевые скребки.

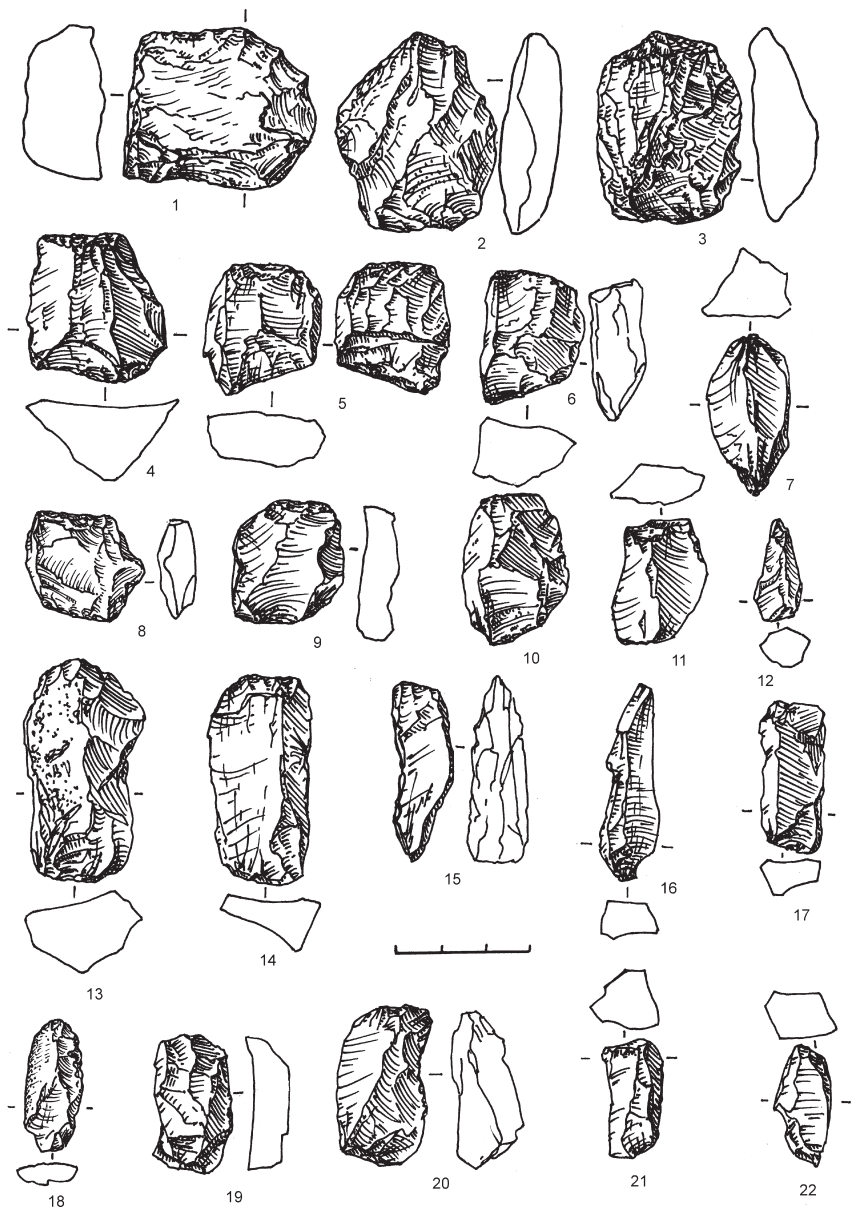

Рис. 5. Каменный инвентарь поселения Путкинская VIII.
 1 – кварцевый скребок, 2-22 – кварцевые нуклеусы.

ЧУРИНГА С МЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ КОТОВСКИЙ МЫС НА ОЗ. КУМЗЕРО

Н.Б. Васильева

*Областной центр детского и юношеского туризма и экскурсий, Вологда
e-mail: vasiliev@vologda.edu.ru*

Стоянка Котовский Мыс (Машутиха 2) располагается в Харовском районе Вологодской области, на берегу оз. Кумзеро, на восточной окраине мыса, который местные жители называют Котовским. Мыс выступает в озеро на 100 м, его ширина в основании достигает 200 м. Восточная часть мыса низкая и местами заболочена, северный его берег поднимается на 5-7 м над уровнем воды. Стоянка занимает восточную оконечность мыса, заросшую в настоящее время кустарником. Памятник был открыт в 2001 г. отрядом Сухонско-Кубенской экспедиции. В течение полевых сезонов 2002-2004 гг. раскопками под руководством Л.С. Андриановой была исследована площадь в 120 кв.м. Мощность культурного слоя памятника составляла 0,4-0,5 м, на некоторых участках – 0,7 м.

Стоянка Машутиха 2 относится к эпохе мезолита: подавляющее большинство находок составляют ножевидные пластины и орудия из них, присутствуют нуклеусы правильной огранки от пластин. Исходя из особенностей типологии каменных орудий, Л.С. Андрианова предположила, что мезолитические комплексы Котовского мыса можно отнести к среднему и финальному этапам мезолита (Андрианова, в печати). Не исключено, что стоянка посещалась людьми и в более поздние эпохи, так как при раскопках обнаружены единичные наконечники и обломки ножей с двусторонней обработкой.

Рис.1 «Чуринга» со стоянки Котовский Мыс.

В 2004 г. во время раскопок на стоянке была найдена кремневая галька с гравированным рисунком (рис.1). Такие изделия традиционно определяются как «чуринги», по аналогии со священными камнями австралийских аборигенов¹. Предмет имеет очертания, близкие к овальным, диаметр – около 3 см. На меловой корке процарапаны линии, составляющие единую композицию, связанную с формой предмета. Изображение на чуринге можно отнести к геометрическим орнаментам. Композиционный центр изображения четко обозначен в виде высверленного в середине камня углубления. От этого углубления начинаются (или в нем сходятся?) шесть линий рисунка. Они радиально расходятся к краям окружности и образуют отдельные «сектора», заполненные наклонной штриховкой. Определить направленность рисунка, верх и низ композиции, вряд ли возможно. В зависимости от угла зрения или восприятия зрителя на рисунке можно выделить четыре или шесть секторов-треугольников с косой штриховкой.

Подобные находки редки и всегда вызывают большой интерес исследователей своей необычностью и неоднозначностью. Каждый новый предмет, имеющий на поверхности орнамент, несомненно, заслуживает отдельного внимания и изучения. Тем не менее, чуринги известны на многих памятниках каменного века, география их распространения довольно обширна. Приведем краткий обзор некоторых из них.

На мезолитической стоянке Веретье 1 (оз. Лача) обнаружен камень, на котором рисунок напоминает изображение решетки (Ошибкина, 1992. С. 34). В Карелии известны гальки с процарапанным орнаментом на стоянках от мезолита до энеолита. «На поселении Суна XIV обнаружена сланцевая овально-уплощенная галька со сложным узором из коротких линий, составляющих зигзаги, заштрихованные треугольники, прямые полосы» (Филатова, 1996. С. 59). На поселении эпохи энеолита Челмужская Коса XXI в одном из жилищ обнаружена сланцевая галька с изображением дерева. Галька покрыта черноватым налетом неясного происхождения (Жульников, 1999. С. 74).

Трехгранный обломок песчаника с орнаментом в виде елочки найден в захоронении №44 Оленеостровского могильника (Гурина, 1956. С. 294). В верхневолжском регионе, в мезолитических слоях стоянки Ивановское 7 обнаружена чуринга с изображением четырех секторов, заполненных наклонными линиями (Жилин и др., 2002. С. 31, 161). С этой же торфяниковой стоянки, но уже из слоев верхневолжской культуры неолита, происходит камень с гравировкой в виде решетки. Найдены гравированные камни на стоянках Сахтыш VII, Сахтыш VIII (Крайнов, 1992. С. 73-74).

На одной из самых известных торфяниковых стоянок Волго-Окского междуречья – Замостье 2 – обнаружена серия «чуринг» из 65 экземпляров.

¹ ЧУРИНГА (австрал.) – дощечка или камень с рисунком, предмет культа некоторых австралийских племен; считается воплощением тотема (Словарь иностранных ..., 2000. С. 707).

Предоставим слово авторам исследования стоянки, В.В Сидорову и А.В. Энговатовой: «Камни укладываются на ладони, средние диаметры – около 4 см, крупные – около 6 см. Почти все камни несут следы воздействия огня: растрескивание, изменение текстуры, цвета (46 экз.). На 21 из них – темные пятна – следы сгорания на поверхности камня смолистых веществ или жира. Знаки наносились на одной или обеих сторонах. Следы на камнях стоянок Заболотского озера позволили установить последовательность действий с ними. Выбирался мягкий камень, чаще галька. «Камнем трут по относительно мягкому материалу (дерево, кора, натянутая кожа), иногда шлифуют его контуры, наносят на него знаки, кладут в огонь, капают на него жир, смолу или кладут на него смолистый корень, мясо. В конце обряда раскаленный камень кидают в воду у подножия берега» (Сидоров, Энговатова, 1998. С. 126-129). Сопоставление орнаментальных мотивов на чурингах, костяных орудиях, оружии и керамике многослойного поселения Замостье 2 привело В.В.Сидорова и А.В.Энговатову к выводу о том, что «орнаментальные мотивы чуринг, керамики и костяных орудий образуют одно поле, оружие резко отличается по составу мотивов, характеру их размещения. Это может быть связано с принадлежностью к двум субкультурам – мужской и женской, а также с использованием для магического воздействия на предмет разных знаковых систем» (Сидоров, Энговатова, 1998).

В.М.Лозовский, также изучавший чуринги Замостья 2, избегает прямой линейного толкования способа действия с предметами: «Анализ чуринг показал как разнообразие композиций, так и ограниченность в виде элементов орнамента. Ведущими являются группы параллельных линий, составляющие как простые орнаментальные композиции (сетка, регистры с наклонными линиями, желобок с линиями), так и более сложные (вписанные заштрихованные треугольники, лесенки). Реже встречаются геометрические фигуры в виде зигзага или углов. Даже когда нет искусственного ограничения, орнамент редко покрывает всю поверхность чуринги, а нанесен только на небольшом ее участке. Интерпретация чуринг проблематична... Сумма фактов свидетельствует о неутилитарном назначении этой категории находок. Однако суть производимых действий остается неизвестной. Для проецирования этнографических данных об использовании чуринг австралийскими племенами на культуру каменного века России нет серьезных оснований» (Лозовский, 1997. С. 36-37, 44).

Таким образом, «чуринги» встречаются на археологических памятниках на протяжении всего каменного века – от мезолита до эпохи бронзы, на довольно обширной территории. Чаще всего их находят по одному экземпляру. Для многих из них характерно наличие повреждений, следов огня или следов темного вещества (нагара?) на поверхности. Обращает на себя внимание тот факт, что рисунки с очень сходными орнаментальными элементами, в частности, изображения решетки, треугольники, заполненные штриховкой из наклонных линий, встречаются на удаленных друг от друга территориях. Объяснение этого факта, вероятно, находится в области

мировоззрения и религиозной практики древнего населения европейского Севера.

Вопросы происхождения, смысла и функционального назначения предметов первобытного искусства давно привлекают внимание исследователей. В археологии выработались определенные подходы к изучению того или иного жанра первобытного искусства. Можно привести такой пример классификации изображений на предметах: метки – отдельные значки или группы этих значков, и простые изображения, не имеющие композиционной целостности; рисунки – более сложные изображения, связанные определенной композицией, их объединяет с метками отсутствие ритмической повторяемости элементов и размещение на поверхности предметов без определенной связи с его формой; орнаменты – узоры из ритмически повторяющихся элементов, связанные с формой изделия, подчеркивающие ее в целом или какие-либо ее части и детали (Жилин, 2001. С. 191-192). «Геометрическим» называют орнамент, состоящий из абстрактных геометрических форм. Вопрос о возникновении геометрического орнамента до сих пор не раскрыт. Существуют две основные гипотезы о происхождении геометрического орнамента. В одном случае он возник как результат сознательного использования технологических особенностей некоторых производственных процессов, например плетение сосудов из бересты или лозы. В другом случае – это процесс постепенного упрощения и схематизации мотивов, которые первоначально имели изобразительный характер. Орнамент является организующим началом. Он выявляет тектонику и конструкцию предметов. Кроме того, он имеет в себе и определенную смысловую нагрузку. «...Орнамент не только украшает предмет или выделяет отдельные части предмета, но и наносился с определенной целью. И цель эта зависит от традиций и представлений об окружающем мире того народа, к которому относится данный орнамент. Расшифровка семантики орнамента – дело невероятно сложное. Считается, что орнамент имеет свой символический изобразительный язык. Геометрический орнамент мы встречаем на изделиях из кости, камня, дерева, глины. Для древнего человека геометрический орнамент служил своеобразным языком, с помощью которого он выражал свои понятия о мире. Общепринято считать, например, что прямая горизонтальная линия означала землю, линия волнистая – воду, крестом изображали огонь или солнце, ромб, квадрат или круг символизировали небесный огонь – солнце. Комбинации этих же простейших элементов составляли более сложные знаки, расшифровать которые представляется еще более сложным» (Сериков, 2001. С. 153).

«При исследовании орнаментов кажутся принципиальными два момента. Во-первых, любое исследование вопросов, связанных с идеологией древних народов, должно обязательно учитывать специфику первобытного мышления по отношению к современному рациональному. Во-вторых, изучение семантики орнамента должно основываться на результатах его предварительной систематизации» (Кочерженко, Слонов, 1993. С. 37).

Таким образом, орнамент можно рассматривать как своеобразный «шифр», зная отдельные элементы которого, можно успешно прочесть его истинный смысл. При этом нужно только придерживаться определенных правил, в частности, учитывать своеобразие первобытного мышления. В чем же особенность первобытного мышления по сравнению с менталитетом современного человека?

Восприятие первобытных людей ориентировано иначе, чем наше. В подавляющем большинстве случаев восприятие первобытных людей не только не отбрасывает всего того, что уменьшает его объективность, но наоборот, подчеркивает мистические свойства, таинственные силы и скрытые способности существ и явлений, ориентируясь на элементы, которые, на наш взгляд, имеют чисто субъективный характер, хотя в глазах первобытных людей они не менее реальны, чем все остальное. Общеизвестен факт, что первобытные люди считают пластические изображения существ, писанные красками, гравированные или изваянные, такими же реальными, как и изображаемые существа (Леви-Брюль, 1994а. С. 60-61). К характерным чертам первобытного мышления относят также так называемый закон сопричастия (партиципации), причем в первую очередь мистической партиципации. Поэтому мышление первобытных людей может быть названо пралогическим с таким же правом, как и мистическим. Почему, например, какое-нибудь изображение является для первобытных людей совсем иной вещью, чем для нас? Очевидно, дело в том, что всякое изображение, всякая репродукция «сопричастны» природе, свойствам, жизни оригинала (Леви-Брюль, 1994а). Эти выводы сделаны на основе полевых исследований, изучении аборигенов Австралии.

«Когда у туземцев спрашивают, что означают некоторые рисунки, они неизменно отвечают, что рисунки эти сделаны только для забавы, что они не имеют никакого смысла... Однако те же самые рисунки, если только они исполнены на каком-нибудь ритуальном предмете, имеют весьма определенный смысл. Один и тот же предмет может при разных обстоятельствах иметь совершенно разные значения. Наконец, по поводу рисунков геометрического типа, собранных у тех же австралийцев, Слесер и Гиллен говорят: «Происхождение их совершенно неизвестно, а значение их, если они его имеют, является чисто условным. Так, например, спираль или ряд concentрических кругов, вырезанные на поверхности какой-нибудь чуринги, может обозначать «нисса» (каучуковое дерево), но совершенно одинаковый рисунок, вырезанный на другой чуринге, будет уже представлять лягушку». Здесь перед нами совершенно отчетливые примеры того, что мы называем мистической абстракцией, которая, при всем своем отличии от логической абстракции, является, тем не менее, процессом, часто употребляющимся в первобытном мышлении» (Леви-Брюль, 1994б). Приведенный пример показывает, что даже в случае возможности контакта с респондентом, полученная информация зачастую отличается противоречивостью. Переносить же подобные сведения на анализ вещей

культур, представленных только материальными остатками, по меньшей мере неубедительно. Получается, что знакомство с особенностями первобытного мировосприятия не помогает, а накладывает определенные ограничения на наши попытки пробиться к пониманию семантики изображений.

Между тем, наиболее интересным, занимательным и вместе с тем наименее доказательным процессом в изучении произведений древней орнаментики является этап трактовки изображения, попытка объяснить его смысл или разумное основание. К настоящему времени в литературе создан определенный набор трактовок наиболее часто встречающихся изображений. На чуринге с Котовского Мыса, на мой взгляд, можно говорить о взаимосвязи следующих элементов композиции: округлая основа (круг) и центр, в котором сходятся линии (крест?).

«Круг – один из наиболее распространенных элементов мифопоэтической символики, чаще всего выражает идею единства, бесконечности и законченности, высшего совершенства. Во многих традициях космос представляется именно как шар, или его более или менее опредмеченные варианты (яйцо, черепаха, диск), окруженные неорганизованным хаосом. Во временном плане идея круга находит еще более полное воплощение. В многочисленных мифологических сюжетах и мотивах нашла отражение циклическая концепция времени. Круг в сочетании с другими фигурами и символами образует широко разветвленную область символических и эмблематических ассоциаций. Некоторые из них: круг и крест – центр и четыре направления вселенной...» (Мифы народов мира, 1988. С. 18-19).

«Крест – один из наиболее распространенных символов, нередко функционирующий как символ высших сакральных ценностей. Крест подчеркивает идею центра и основных направлений, ведущих от центра» (Мифы народов мира, 1988. С. 15-16). «Символ креста проходит через всю историю человечества, обретая во многих мифологических и религиозных системах высокое сакральное значение... Чтобы понять сакрализацию этого символа в развитых культурах, следовало бы оценить его роль в культурах примитивных, где она восходит к представлению о центре вселенной и четырех сторонах света. Крест в сознании первобытного человека моделирует пространство, сакрализованное там, где оно наполнено мифопоэтическими и религиозными образами и ассоциациями. Очень вероятно, что и крестообразные начертания эпохи палеолита связаны с космическим символизмом. А то, что представление о сторонах света не было чуждо этому времени, видно уже из того, что многие погребения палеоантропов имеют преднамеренно ориентированный по сторонам света характер. Речь идет, конечно, лишь о возможности происхождения символа креста уже в мустьерское время, но не об интерпретации конкретных предметов и изображений на них» (Кабо, 2002).

Необходимость поиска общих принципов анализа, которые возможно было бы использовать при изучении различных видов древнего искусства, побудила обратиться к психологии творческого. В современных

исследованиях психических механизмов творческих процессов уделяется внимание причинам, побуждающим человека к творчеству и собственно общим закономерностям этого процесса.

«Мы полагаем, что творчество – это разновидность поисковой активности, под которой нами понимается активность, направленная на изменение ситуации или изменение самого субъекта, его отношения к ситуации, при отсутствии определенного прогноза желательных результатов той активности. О мозговых механизмах поисковой активности пока известно не очень много. Как уже твердо установлено, с функциями левого и правого полушария у человека связаны два типа мышления – абстрактно-логическое и пространственно-образное. В настоящее время имеются прямые доказательства решающего значения для творчества правополушарного мышления, создающего специфический пространственно-образный контекст. Показано, что при органическом поражении левого полушария мозга у художников и музыкантов практически не страдают их артистические способности, а иногда даже повышается уровень эстетической выразительности творчества» (Ротенберг, 2003. С. 569-583).

«Не надо особой психологической проницательности для того, чтобы заметить, что ближайшие причины художественного эффекта скрыты в бессознательном и что, только проникнув в эту область, мы сумеем подойти вплотную к вопросам искусства. Психоаналитики утверждают, что искусство по своему существу есть превращение нашего бессознательного в некие социальные формы, то есть имеющие какой-то общественный смысл и назначение формы поведения» (Выготский, 2003. С. 22-43).

Сама фантазия, проявляющаяся не только в образах сновидений, но и в произведениях искусства, подчиняется определенным закономерностям, которыми, как считают психоаналитики, управляется вся бессознательная сфера. К ним относятся механизмы сдвига (смещение акцента с одного явления на другое, а также подстановка безобидной ситуации вместо неприемлемой) и сгущения (соединение в одном образе нескольких образов или отдельных черт). Механизмы сдвига, сгущения и образования символов, согласно учению Фрейда, проявляются в любой форме фантазии – в причудливых желаниях невротика и бредовых идеях психопата, в мифических народных вымыслах и религиозных верованиях, в интимных мечтах и поэтическом творчестве.

К.Г. Юнг пришел к выводу, что символы передаются по наследству в виде так называемых архетипов. Юнг и его школа говорят даже о коллективном бессознательном, которое определяет жизнь и творческую деятельность личности и целых популяций. Символы и вообще образы фантазии, по К.Г. Юнгу, обусловлены архетипами, т.е. априорными абстрактными образцами, которые уже с момента рождения человека наличествуют в его психике и представляют собой «типические формы постижения» или «фактор, определяющий однообразие и регулярность

нашего постижения» (Розетт, 2003. С. 551). Сам К.Г. Юнг писал, что понятие архетипа является неотъемлемым коррелятом идеи коллективного бессознательного, указывает на существование определенных форм психики, которые, как видится, присутствуют всегда и везде. В мифологических исследованиях их называют «мотивами»; в психологии первобытных людей они соответствуют концепции Леви-Брюля о «коллективных представлениях»... Помимо нашего непосредственного сознания, которое носит целиком личностный характер, и которое мы считаем единственной эмпирической психикой, существует вторая психическая система коллективного, универсального и безличного характера, идентичная у всех индивидов. Это коллективное бессознательное не развивается индивидуально, а наследуется. Оно состоит из предсуществующих форм – архетипов, которые могут стать лишь вторично осознанными и которые задают форму элементов психического содержания (Юнг, <http://www.oculus.ru/>).

С этих позиций понятие символов выглядит следующим образом. То, что мы называем символами – это термин, имя или изображение, которые могут быть известны в повседневной жизни, но обладают специфическим добавочным значением к своему обычному смыслу. Предполагается, что они содержат нечто смутное, неизвестное или скрытое от нас. Такие предметы, как колесо или крест, известны повсеместно, но при определенных условиях и они имеют символическое значение. То, что они символизируют, все еще является предметом противоречивых суждений. Таким образом, слово и изображение символичны, если они подразумевают нечто большее, чем их очевидное и непосредственное значение. Они имеют более широкий «бессознательный» аспект, который всякий раз точно не определен или не может быть объяснен. Когда мы исследуем символ, он ведет нас в области, лежащие за пределами здравого смысла (Юнг, 2003. С. 199-200).

Именно разработки в направлении изучения бессознательного через анализ различных его проявлений для изучения произведений первобытного искусства кажутся мне очень перспективными. Приведу хотя бы такой пример, описанный В.В. Ивановым: «Начну с истории болезни. Во время лечения шизофрении односторонними электросудорожными шоками, которое проводилось в Ленинграде..., мне пришлось летом 1979 года наблюдать такой случай. Молодая девушка, одаренная художница, не выходит месяцами из тяжелейшего бреда. В него вплетено столько разнообразных символов, что один из психиатров, знакомившийся вместе со мной с историей ее болезни, жаловался на почти полную невозможность выделения основного ядра в этом потоке ассоциаций. После правостороннего шока, когда поведением больной управляло в основном левое полушарие, она, отвечая на вопросы, стала четко описывать мучающий ее комплекс сексуальной вины перед матерью... До описываемого шока, девушка, чьим поведением в короткие промежутки времени управляло

преимущественно правое полушарие, ведающее образным восприятием, сделала несколько хороших рисунков. После же правостороннего шока в ответ на просьбу нарисовать что-нибудь девушка изобразила нечто, что я не мог бы истолковать сразу же, если бы не занимался раньше сексуальной символикой наскальных рисунков пещер верхнего палеолита (замечу, что эти рисунки на протяжении длительного периода истории Homo sapiens характеризовались схематизацией и установкой на деталь, поданную как бы «крупным планом», которая типична для левого полушария, видимо, игравшего особую роль в разных видах знаковой деятельности после победы звукового языка как главного средства общения). Психиатры, не имевшие культурно-антропологической подготовки, не поняли изображения и стали расспрашивать больную. Она им пояснила: «это – мои половые органы». Завершая рассказ об этой больной, добавлю, что у нее же среди схематизированных рисунков был и рисунок руки с тем значением символа бога, который характерен для первобытного искусства и искусства шизофреников» (Иванов, 2003. С. 44).

Известно, что К.Г. Юнг находил объяснение многим сюжетам архетипов, анализируя видения шизофреников и толкуя сновидения.

Подводя итог, необходимо остановиться на следующих моментах. Чуринги встречаются на многих памятниках каменного века, на удаленных территориях. Обращает на себя внимание тот факт, что изображения на значительной серии их весьма похожи. В частности, часто встречаются треугольники с заполнением наклонными линиями. Этот факт можно объяснить общностью представлений, вероятнее всего, религиозных, вызвавших к жизни практику изготовления чуринг. На мой взгляд, подобные аналогии необходимо привлекать для выявления историко-культурных общностей, и для каменного века это значимо наряду с типологостатистическими данными. Вопросы же интерпретации, объяснения смысла отдельных знаков и символов необходимо решать с привлечением данных психологии. Подобные разработки пока редки, но именно они имеют возможность поведенческих реконструкций в археологии каменного века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андрианова Л.С.* Стоянки каменного века на Кумзерском озере. (В печ.).
Выготский Л.С. Искусство и психоанализ. Психология художественного творчества. Хрестоматия. Минск, 2003.
Гурина Н.Н. Оленеостровский могильник. МИА, 1956. № 47.
Жилин М.Г. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М., 2001.
Жилин М.Г., Костылева Е.Л., Уткин А.В., Энговатова А.В. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья. По материалам стоянки Ивановское VII. М., 2002.
Жульников А.М. Энеолит Карелии (памятники с пористой и асбестовой керамикой). Петрозаводск, 1999.

Иванов В.В. Бессознательное, функциональная асимметрия, язык и творчество. Психология художественного творчества. Хрестоматия. Минск; Харвест. 2003.

Искусство каменного века (Лесная зона Восточной Европы) / С.В. Ошибкина, Д.А. Крайнов, М.П. Зимина. – М.: Наука, 1992.

Кабо В. Круг и крест. Размышления этнолога о первобытной духовности. Канберра: Алчеринга, 2002. <http://www.aboriginals.narod.ru/cc.htm>

Кочерженко О.В., Слонов В.Н. О семантике орнамента срубной культуры // РА, 1993. №3.

Крайнов Д.А. Искусство в неолите-энеолите. Русская равнина, Центр // Искусство каменного века (Лесная зона Восточной Европы). М.: Наука, 1992. С. 68-111.

Леви-Брюль. Коллективные представления в сознании первобытных людей и их мистический характер // Художественная культура первобытного общества. Хрестоматия/ Сост. И.А.Химик. СПб. «Славия», 1994а.

Леви-Брюль. Магический характер изобразительного творчества туземцев//Художественная культура первобытного общества. Хрестоматия/ Сост. И.А.Химик. СПб: «Славия» 1994б.

Лозовский В.М. Искусство мезолита-раннего неолита Волго-Окского междуречья (по материалам стоянки Замостье 2) // Древности Залесского края. Материалы Международной конференции «Каменный век европейских равнин». Сергиев Посад, 1997.

Мифы народов мира. Энциклопедия. М.: «Советская Энциклопедия», 1988. Т. 2.

Ошибкина С.В. Искусство эпохи мезолита // Искусство каменного века (Лесная зона Восточной Европы). М.: Наука, 1992. С. 7-40

Розет И.М. Теоретические концепции фантазии. Психология художественного творчества. Хрестоматия. Минск, 2003.

Ротенберг В.Р. Психофизиологические аспекты изучения творчества. Психология художественного творчества. Хрестоматия. Минск, 2003.

Сериков Ю.Б. Орнаментированные наконечники стрел эпохи мезолита с пещерного святилища на Камне Дыроватом (р. Чусовая) // Каменный век европейских равнин. Материалы международной конференции. Сергиев Посад, 2001.

Сидоров В.В., Энговатова А.В. Знаки и орнаменты на изделиях со стоянок Заболотского озера // РА, 1998. № 1.

Словарь иностранных слов и выражений. М., 2000.

Филатова В.Ф. Мезолит // Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.

Художественная культура первобытного общества. Хрестоматия/ Сост. И.А. Химик. СПб., 1994.

Юнг К.Г. Символическая жизнь. М: Когито-Центр, 2003.

Юнг К.Г. Концепция коллективного бессознательного. <http://www.oculus.ru/stat.php?id=53>

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИЗАЦИИ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ С ГРЕБЕНЧАТО-ЯМОЧНОЙ КЕРАМИКОЙ СЕВЕРО-ВОСТОКА РУССКОЙ РАВНИНЫ¹

В.Н. Карманов*, **Н.Г. Недомолкина****

**Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН;
e-mail: karman.hist@mail.komisc.ru*

***Вологодский государственный историко-архитектурный и
художественный музей заповедник; e-mail: nedomolkina_ljv@mail.ru*

В настоящее время представление о развитом и позднем периоде неолита северо-востока Русской Равнины связано с изучением памятников с гребенчато-ямочной керамикой. Исследователями выделены две группы стоянок, различающиеся в культурном отношении (Буров, 1967; 1986; Верещагина, 1989; Косинская, 1997).

Первая характеризуется сосудами преимущественно открытой формы, с разнообразной морфологией венчика (с внутренним бортиком, ребристым напльвом, без таковых с округлым или прямым торцом и т.д.) и стандартным составом формовочной массы (глина+дресва+органика, отличия сводятся к размерам отдельностей дресвы и ее концентрации). Сплошная орнаментация имеет строгое горизонтально-зональное членение и представлена двумя основными элементами: разнообразными оттисками гребенчатого, реже фигурного штампа и конических ямок (рис. 2-9). Появление в регионе этой керамики связано с притоком населения с Волго-Окского междуречья и средней Волги – территории льяловской (Брюсов, 1952. С. 144, 145, 259; Буров, 1967; 1986; Лузгин, 1973. С. 30, 31; Верещагина, 1989; Косинская, 1997; Карманов, 2004) и балахинской культур (Лузгин, 1973).

Вторая группа памятников с гребенчато-ямочной керамикой представлена средневычегодскими стоянками – Эньты I (жилище), Эньты III (жил. 2, 4, 5), Эньты IV, Вад I и памятниками водораздельных озер (Синдор, Ямоозеро, Косминские) – Вис I-III, Пижма II. Средневычегодская посуда характеризуется сосудами открытой и закрытой форм, использованием длинных (до 6 см) оттисков гребенчатого штампа, которые доминируют в орнаментации (рис. 10-16). Исследователями приводились и другие характерные показатели для этого типа посуды – сложный рецепт формовочной массы: глина+шамот+дресва+органика. Однако определение по методике А.А. Бобринского² рецепта глиняного теста, использовавшегося при изготовлении этого типа посуды, показало, что характерным является состав «глина+дресва+органика».

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ (№ МК-9604.2006-06).

² Определение Н.Р. Тихоновой (НИЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской области)

На стоянках водораздельных озер типологически выделены сосуды со слегка прикрытой горловиной и отогнутым венчиком, приземистых пропорций. Орнамент характеризуется как гребенчато-ямочный, но обращает на себя внимание более широкое применение ямчатых вдавлений. Один из неотъемлемых признаков этой керамики – использование техники шагания при нанесении гребенчатых отпечатков (так называемая «шагающая» гребенка) (рис. 17). Происхождение носителей керамики этой группы памятников объясняют взаимодействием населения камской неолитической и льяловской и/или балахнинской культур и относят их существование к позднему неолиту (Буров, 1967; 1986; Верещагина, 1989; Логинова, 1989; Косинская, 1997). Однако в последнее время накапливается все больше данных, противоречащих или ставящих под сомнение принятую для региона культурную периодизацию памятников развитого и позднего неолита европейского Северо-Востока.

Раскрытие сути проблемы невозможно без детального историографического обзора основных культурно-хронологических концепций неолита северо-востока Европы. Первая культурно-хронологическая схема для региона была предложена в 1967 г. Г.М. Буровым. Согласно ей, здесь представлены два культурно-хронологических типа (камский и волго-окский) и вычегодско-вятская культура, соответствующие трем этапам заселения Синдорского озера, но отнесенные к Вычегодскому бассейну в целом (Буров, 1967. С. 166). Появление камского типа неолитической посуды связано с носителями камской культуры гребенчатой керамики. Волго-окский тип сопоставлен с культурами ямочно-гребенчатой керамики Волго-Окского междуречья и связан, по мнению Г.М. Бурува, с крупным продвижением племен, благодаря которому была освоена территория европейского Севера. На востоке волго-окские племена встретились с камскими, и граница между территориями их обитания наметилась в Казанском Поволжье, Вятском и Вычегодском бассейнах. В последних двух пограничных районах сформировалась своеобразная вычегодско-вятская культура, представленная поселениями Вис I-III, Керчемья, Ягкодж I на Вычегде и Буй I на Вятке (Буров, 1967. С. 167, 168).

Появление населения с ямочно-гребенчатой керамикой на европейском Северо-Востоке Г.М. Буров (1967; 1986), И.В. Верещагина (1989) и Э.С. Логинова (1989) связывали вслед за А.Я. Брюсовым (1952) и М.Е. Фосс (1952) с сегментацией племен и дальнейшим их расселением из Волго-Окского междуречья. В 1973 г. В.Е. Лузгин выделил еще один источник происхождения носителей ямочно-гребенчатой посуды на европейском Северо-Востоке – среднее Поволжье. С этим регионом он связывал появление в регионе балахнинского типа посуды, выделенного на основе материалов стоянки Ружникова (Лузгин, 1973б. С. 30, 31). В дальнейшем к мнению В.Е. Лузгина присоединились И.В. Верещагина и Э.С. Логинова (Верещагина, 1989. С. 17; Логинова, 1989).

Л.Л. Косинская поставила под сомнение роль миграционного фактора в появлении балахнинских традиций на севере. По ее мнению, они могли возникнуть в различных регионах конвергентно, при участии местного населения с накольчатыми традициями (Косинская, 1997. С. 175). Она выделяет на памятниках с ямочно-гребенчатой посудой разные орнаментальные группы керамики (ямочно-гребенчатую, ямочно-шнуровую и т.д.), которые принадлежали «различным в культурном отношении, хотя и родственным, группам древнего населения» (Косинская, 1997. С. 174, 175). Ею отмечено отсутствие хронологии памятников с ямочно-гребенчатой керамикой на европейском Северо-Востоке, а вопрос их генезиса отнесен к числу нерешенных (Косинская, 1997. С. 186).

В 1986 г. Г.М. Буров отнес памятники с ямочно-гребенчатой керамикой европейского Северо-Востока в выделенную им притиманскую культуру первой половины III тыс. до н. э. По степени влияния камского населения он разделил их на две группы. В материалах первой (Вис I-III, Половники II, Ружникова, Алексахина, Кыско, Пижма I, II) это влияние отсутствует. Напротив, оно наиболее ощутимо при анализе посуды вычегодских и некоторых печорских стоянок (Эньты I, III, IV, Печорская, Пижма II) (Буров, 1986). Эту особенность ямочно-гребенчатого неолита Крайнего Севера отметил впервые В.П. Третьяков, который выделил два варианта: печорский (стоянка Печорская и памятники беломорского побережья) и вычегодский (висские поселения). Свообразие последнего варианта он объяснял культурными заимствованиями у пред-, зауральского населения (Третьяков, 1972. С. 90).

И.В. Верещагина, не отрицая факта появления гибридной автохтонной культуры на основе взаимодействия носителей двух традиций, пришла к несколько иным выводам. Выделенная ею культура получила название печоро-двинской. На начальном этапе, по мнению исследователя, отмечается локализация памятников с господством камских и волго-окских традиций. И.В. Верещагина выделяет три варианта печоро-двинской культуры. Два из них синхронны друг другу: притиманский (памятники западных и северо-западных районов с преобладанием ямочно-гребенчатой керамики: Вис I, Половники II, Ружникова, Алексахина, Пижма I, II) и средневычегодский (памятники южных и юго-восточных районов с гребенчатой и гребенчато-ямочной керамикой: Эньты I, III, Вад I). Время их бытования определяется второй половиной IV – первой половиной III тыс. до н. э. В третий вариант, синдорский, И.В. Верещагина включает памятники центральных районов, на которых в равной степени представлена ямочно-гребенчатая и гребенчато-ямочная керамика с гибридным орнаментом (Вис II, Эньты IV). Этот вариант является более поздним – вторая половина III тыс. до н. э. (Верещагина, 1989. С. 18). Л.Л. Косинская возражает, что «методологически неоправданно отнесение к раннему этапу печоро-двинской АК ее исходных компонентов – комплексов с камской и ямочно-гребенчатой керамикой» (Косинская, 1997. С. 160). В связи с этим она исключает из состава печоро-двинской культуры

памятники притиманского (по И.В. Верещагиной) варианта. По ее мнению, печоро-двинская культура проходит два этапа развития. Ранний представлен в основном средневычегодскими памятниками, а поздний – поселениями водораздельных озер. Развитие культуры проявляется в изменении морфологии сосудов и усложнении их орнаментации (Косинская, 1997. С. 177-179). Если Г.М. Буров и И.В. Верещагина считали, что культура гребенчато-ямочной гибридной керамики основана на взаимодействии двух групп населения, то Л.Л. Косинская не исключает возможности участия еще и третьего компонента – носителей накольчатых (черноборских) традиций (Косинская, 1997. С. 178, 187).

Таким образом, в изучении неолитической гребенчато-ямочной керамики европейского Северо-Востока основная полемика между исследователями разворачивается по проблеме таксономического статуса памятников, их периодизации и выделении локальных вариантов. Однако в основе всех точек зрения лежит предложенная Г.М. Буровым идея о синхронном существовании в регионе в развитом неолите памятников камского и волго-окского культурных типов и дальнейшей взаимной ассимиляции населения этих культурных образований. Последнее приводит к появлению «метисного» населения вычегодско-вятской или печоро-двинской культуры позднего неолита. Для удобства дальнейшего изложения материала мы условно назовем посуду волго-окского культурного типа (по Г.М. Бурову) керамикой первой группы, а печоро-двинской культуры (по Л.Л. Косинской) – второй.

При интерпретации источников исследователи отдавали предпочтение, прежде всего, анализу керамики. Происходило это в силу отсутствия «чистых» комплексов, которые, однако, уже были известны в конце 1980-х гг., но не были описаны с достаточной полнотой и не введены в научный оборот. В 2004 г. В.Н. Кармановым была проведена ревизия источников по неолиту европейского Северо-Востока, в том числе и материалов с гребенчато-ямочной керамикой. Кроме того, раскопками 2000-2004 гг. были изучены четыре комплекса с гребенчато-ямочной керамикой на вычегодских стоянках Пезмогты 1, 3, 4, а также на поликультурном памятнике Вис II. На смежных территориях большое значение имеет исследование памятников бассейна р. Сухона. Это раскопки поселений Векса и Векса III, проведенных Н.Г. Недомолкиной в 1997-2006 гг., и поселения Березова Слободка II-III, исследованных М.В. и А.И. Иванищевыми (Иванищева, 2004; 2006).

Всего на изучаемой территории известно 47 памятников с гребенчато-ямочной керамикой, расположенных в бассейне Северной Двины, Мезени и Печоры, включая Большеземельскую тундру (рис. 1). Опорные комплексы для решения поставленной проблемы представлены материалами стоянок Половники II, Пезмогты 1, 3, 4, Эньты I (поздний комплекс), Эньты VI. Кроме того, для характеристики керамики и типологии каменных орудий важны материалы Эньты III (жилища 1-5), Эньты IV, Вад I, Кыстырью и Кыньтыг.

Для сравнительного анализа привлечены материалы многослойных стратифицированных поселений Векса и Векса III на р. Вологда.

В качестве фоновых в работе использованы памятники водораздельных озер – Вис I-III, Ружникова, Кыско, Алексахина, Пижма I, II, неолитические коллекции которых представляют собой выборки из разновременного материала (от мезолита до раннего средневековья) (Буров, 1967; Лузгин, 1973а, б); пункты сбора подъемного материала (Печорская, Юромка, стоянки Большеземельской тундры); памятники, исследованные разведочными шурфами (Важкаяг, Угдым I, Пинежские озера III, IV, VI) или исследованные на достаточно большой площади, но с малочисленными неолитическими коллекциями (Усть-Кулом I, Юванаяг, Озельская, Мармугино, Приозерная II, Тимощелье VI, Орлецы). Большинство памятников приурочено к эрозионным песчаным останцам флювиогляциального происхождения. Исключения единичны. Это стоянка-мастерская Половники II (Косинская, 1982), стоянки Алексахина (Лузгин, 1973а) и Усогорск II (Стоколос, Мурыгин, 1974), на которых культурные отложения залегают в пойменных отложениях.

Выделенные опорные комплексы представлены местами пребывания и обитания. По продолжительности функционирования, по всей видимости, они были сезонными стоянками с однократным посещением. Это позволяет достоверно характеризовать каменный инвентарь и керамику. Отметим, что в список опорных памятников вошли стоянки обеих групп памятников с гребенчато-ямочной керамикой.

Несмотря на сравнительно благоприятную источниковедческую ситуацию в изучении памятников европейского Северо-Востока, нет возможности проследить соотношение комплексов двух групп стоянок во времени. В связи с этим большое значение имеет привлечение материалов стратифицированных поселений на смежных территориях. Таким памятником является многослойное поселение Векса III в бассейне р. Сухона, где в последнее время выделены комплексы, типологически сопоставимые с материалами памятников европейского Северо-Востока (Недомолкина, 2002; 2003; 2006).

Поселение Векса III находится на левом берегу р. Вологда, ниже устья р. Векса, в трех километрах от дер. Устье-Вологодское Вологодского района Вологодской области. При раскопках четвертого участка поселения (вскрыто 200 кв.м.) выделено девять культурных слоев общей мощностью до 3 м (рис. 17). Неолитические находки найдены в слоях 6-9. К слою 6 – темно-коричневой глине мощностью 0,18-0,3 м – приурочены находки ямочно-гребенчатой керамики среднего этапа каргопольской культуры. Датировка отложений по ^{14}C – 5220 \pm 320 до н.э. Слои 7, представленный темной гумусированной глиной, содержит комплекс с ямочно-гребенчатой керамикой, сопоставимой, по мнению автора раскопок, с так называемой «северной» керамикой стоянок Верхнего Поволжья (Жилин, Костылева, Уткин, Энгватова, 2002. С. 74), а также ямочно-гребенчатыми комплексами

на памятниках европейского Северо-Востока (Косинская, 1997. С. 173). Радиоуглеродные даты этого слоя – 5650 ± 150 (ГИН-10182), 5700 ± 700 (ЛЕ-5857). К верху нижележащего слоя 8 – светло-коричневой слегка гумусированной глины – приурочены фрагменты гребенчато-ямочной керамики. Радиоуглеродные датировки отсутствуют. И, наконец, в слое 9 – черного углистого суглинка – залежали находки раннеолитической гребенчато-накольчатой керамики. Радиоуглеродные датировки слоя: 6950 ± 150 (ЛЕ-5866), 6730 ± 160 (ЛЕ-5864), 6650 ± 200 (ЛЕ-5869), 6500 ± 170 (ГИН-10181), 6400 ± 130 (ЛЕ-5870), 6200 ± 170 (ЛЕ-5856), 6220 ± 150 (ЛЕ-5868). Возможно, две последние даты связаны с подошвой вышележащего слоя.

Интересующие нас материалы происходят из слоев 7 и верхов слоя 8. Первый был насыщен большим количеством фрагментов кальцинированных костей, тленом трубчатых костей крупных животных, кремневыми предметами и керамикой. В слое прослежены остатки строительного мусора – колья, ветки, которые остались от постройки столбовых конструкций свайно-болотного типа. Из-за частых затоплений территории Присухонской низины при постройке жилья люди вынуждены были поднимать его на определенный уровень. На всей площади раскопов находилось большое количество ямок от столбов и колея с наибольшим диаметром до 0,2 м. Очевидно, это остатки свай больших платформ, на которых находились постройки. Площадь платформ больше площади раскопов, поэтому полный размер их не выявлен. Наибольшая концентрация столбовых ямок сосредоточена на участке 5x14 м. Зафиксировать горизонтальный настил удалось в раскопе 2000 г., где был прослежен тлен от нешироких плах, идущих перпендикулярно к реке, на которых фиксировались небольшие разбросанные камни и единичные вкрапления угля от размытых очагов. Сама платформа направлена по линии северо-запад – юго-восток, вдоль берега реки.

Большинство свай были вбиты в нижележащий слой 8 и на отдельных участках разрушили его кровлю. Культуровмещающие отложения в пределах слоя 7 формировались над платформой, а после ее разрушения культурные остатки частично (в верхней части 10-20 см) заполнили пространство между сваями. Слой 8 свидетельствует о периодическом затоплении площадки памятника во время паводков.

Совместное изучение коллекций вычегодских стоянок и поселения Векса и Векса III, проведенное авторами статьи подтвердило высказанное ранее Н.Г. Недомолкиной предположение о сходстве материалов слоя 7 (рис. 18) и 8 (рис. 19) с инвентарями памятников с гребенчато-ямочной керамикой европейского Северо-Востока (Недомолкина, 2006. С. 112). На участке 4 поселения Векса III удалось расчлнить посуду двух групп не только типологически, но и проследить разницу в уровне их залегания. Отмечено, что материалы, сопоставляемые с гребенчато-ямочной керамикой второй

группы, залегают в слое 8 ниже культурного слоя с посудой первой группы и вышеупомянутой платформой.

Обратимся к результатам технико-типологического анализа каменных инвентарей опорных памятников (рис. 20-32). Их характеризует, прежде всего, технология вторичного бифасиального утончения. Это индустрия, специализирующаяся на изготовлении «тонких» бифасов: наконечников стрел и дротиков, ножей и других орудий. Она документируется присутствием в коллекциях заготовок двусторонне обработанных орудий, специфических сколов вторичного бифасиального утончения и завершенных «тонких» бифасов. В роли заготовок для других орудий выступали упомянутые сколы оформления бифасов, снятия, полученные на стадии конкретно-ситуационного расщепления, реже пластины, куски, плитки. Особенностью вторичной обработки на стоянках с гребенчато-ямочной керамикой является широкое применение техники резцового скола и намеренной фрагментации изделий наряду с различными типами ретуши. Орудийный набор представлен «тонкими» бифасами (наконечниками стрел и дротиков листовидной и ромбовидной формы, асимметричными в плане ножами), резцами, сравнительно большим количеством морфологически не выраженных изделий, входящих в группу так называемых «отщепов со сработанностью» и «следами обработки». Для рассматриваемых стоянок характерно переоформление «тонких» бифасов с целью подправки сломавшегося или «затупившегося» орудия; намеренная фрагментация вышедших из употребления орудий, их переоформление и дальнейшая эксплуатация.

Эти технико-типологические показатели характеризуют индустрии таких памятников, как Пезмогты 1, 3, 4, Эньты I, III, VI, Половники II, Кыстырью, Кыньтыяг, Вад I. Таким образом, сходство каменного инвентаря этих стоянок не соответствует принятой культурной дифференциации памятников по типам керамики: 1) Пезмогты 1, 3, 4, Эньты III (жилища 1, 3), Эньты VI, Половники II, Кыстырью; 2) Эньты I, Эньты III (жилища 2, 4, 5), Вад I.

Изучение¹ коллекций слоев 7 и 8 поселения Векса III показало сходство каменных инвентарей и их близость материалам вычегодско-мезенских памятников. Каменная индустрия слоя с гребенчато-ямочной керамикой характеризуется производством пластинчато-отщеповых сколов-заготовок. В комплексе представлены плоские торцевые нуклеусы (которые, впрочем, могут рассматриваться как многофасеточные резцы – *В. Карманов*) и большое количество нуклевидных кусков кремня со следами обивки. Для обработки кремневых орудий использовалась чаще краевая ретушь, двусторонняя – для обработки некоторых типов наконечников стрел. Наконечники стрел изготовлены на пластинах и отщепках: бесчерешковые листовидной формы, по форме напоминающие наконечники черноборского

¹ Описание каменного инвентаря слоев 7 и 8 поселения Векса III выполнено Н.Г. Недомолкиной.

типа, мелкие ромбовидные и треугольно-черешковые. В коллекции представлены крупные пластины с неправильной огранкой. Из них изготовлены короткие сечения с ретушью и без нее. Скребки концевые выполнены на отщепах средних размеров с галечной коркой, на некоторых из них нанесена вентральная ретушь. Наряду с ними присутствуют остроконечные орудия со скошенным лезвием, близкие скребкам со скошенным лезвием ранненеолитических комплексов. Ножи разнообразны, выполнены на пластинчатых сколах и отщепах с краевой ретушью. Резцы единичны и изготовлены на массивных сколах. Для скобелей использованы пластины и отщепы часто без намеренной обработки. Сверла изготовлены на отщепах, ретушью оформлялась рабочая часть, подправлялся насад. В слое найдено несколько обломков предметов из кости, валиковый сланцевый топор с оббитым обушком.

Индустрия комплекса из верхнего слоя 7 – отщеповая, хотя небольшое количество неправильных пластин сохраняется. Для комплекса характерно отсутствие выраженных морфологически пренуклеусов и нуклеусов, используется прием намеренной фрагментации орудий и переоформления обломков, что может свидетельствовать об экономном использовании сырья. Для оформления орудий используется краевая ретушь, для обработки наконечников и ножей – сплошная двусторонняя. Орудийный набор этой группы памятников включает листовидные, ромбовидные, черешковые наконечники стрел небольших размеров, массивные наконечники копий с ярко выраженным насадом. Перфораторы представлены немногочисленной категорией орудий с неустойчивой формой: от полных бифасов до изделий, где обработана только рабочая часть орудия. Выделяется два типа ножей: 1) выполненные на узком пластинчатом отщепе с обработанным или использованным лезвием; 2) тонкие бифасы асимметричной формы. Скребки, обычно концевые на массивных и средних отщепах. Есть скребки из некремневых пород. Функцию скобелей выполняли пластинчатые отщепы, отщепы случайной формы с ретушью утилизации или нерегулярной ретушью. Интерес представляет орудие на массивном сколе, используемое как струг. «Правильные» резцы единичны, хотя много разнообразных кусков кремня, отщепов со следами ретуши и резцовыми сколами. Некоторые исследователи относят любые орудия с резцовым сколом в группу резцов (например, сланцевые топоры), возможно, завышая тем самым процент этих орудий в комплексах (напр., Сидоров, 1997. С. 92). Резцовый скол мог использоваться как привычный способ обработки кремня плохого качества. Сечений практически нет. Ярко выражена в этом комплексе группа орудий для обработки камня. Она представлена крупными ретушерами из кварцита, сланца и обломками шлифовальных плит. Сланцевые орудия представлены преимущественно обломками лезвий, заготовками топоров с овальным сечением, желобчатыми теслами, клиньями, гребенчатыми орнаментирами.

Инвентарь (керамика и кремневые изделия) памятников с гребенчатой керамикой слоя 7 поселения Векса III и опорных стоянок первой

группы европейского Северо-Востока сопоставим с материалами архаичного или раннего этапа льяловской культуры (Сидоров, 1992; 1997) или памятниками с так называемой керамикой «северного» типа (Жилин и др., 2002. С. 74). Синхронность памятников в пределах первой половины IV тыс. до н.э. подтверждается и радиоуглеродными датировками, правда, немногочисленными для материалов севера Русской Равнины. Наибольший интерес вызывают, однако, материалы слоя 8 Векса III и средневычегодских стоянок (Эньты I, III (жилища 2, 4, 5), Эньты IV, Вад I). Сопоставимые комплексы с этой посудой на других памятниках лесной зоны Восточной Европы нам по литературным данным неизвестны. Можно лишь привести материалы Острова Молебный, где фрагменты аналогичной керамики выделены типологическим путем и отнесены исследователями к раннему неолиту (Васильева и др., 2006. С. 301). Исходя из полученных данных с поселения Векса III (слой 8) можно предположить, что на этом памятнике и вычегодских стоянках выделяются комплексы с посудой, время бытования которых предшествовало льяловской культуре. Они могут претендовать на роль промежуточного звена или одного из звеньев в цепочке верхневожжская – льяловская культура. При этом учитывается «логика» развития орнаментации керамики этих культур: для первой характерна тенденция «вытеснения» накольчато-тычкового элемента длинно-гребенчатой орнаментацией (Костылева, 1986; 1994), а для второй – уменьшение роли гребенчатых оттисков иными элементами декора – ямками, фигурными штампами, штампами естественных орнаментов (Сидоров, 1986; 1991; 1997; Цетлин, 1991).

Основываясь на полученных данных, правомерно поставить под сомнение существующие взгляды на культурную периодизацию развитого и позднего неолита северо-востока Русской Равнины. К данным о соотношении двух типов керамики на Вексе III можно добавить следующие факты. На основании радиоуглеродных датировок впервые была обоснована ранее высказанная пермскими археологами (Мельничук и др., 2001) идея о ранненеолитическом возрасте ряда памятников камской неолитической культуры. Бытование вычегодских стоянок этой культуры отнесено к началу V тыс. до н. э. (Волокитин, Зарецкая, Карманов, 2006). Таким образом, между временем существования архаичных памятников льяловской и камской неолитической культуры существует значительный хронологический разрыв, что ставит под сомнение возможность взаимодействия их носителей, по крайней мере, в существующем представлении (Буров, 1986; Косинская, 1997). Однако это не означает, что культурно-хронологические схемы Г.М. Булова, И.В. Верещагиной и Л.Л. Косинской в части взаимодействия носителей двух культур и появления на этой основе метисного населения, не имеют право на существование. Из-за неблагоприятной источниковедческой ситуации в изучении камской культуры, нам неизвестно на каком из этапов ее развития могло произойти это взаимодействие.

Если в дальнейшем новые данные о хронологическом соотношении различных групп памятников с гребенчато-ямочной керамикой подтвердятся, то станет возможной иная интерпретация хода культурных процессов в лесной зоне Восточной Европы, и дискуссия о генезисе культуры/культур гребенчато-ямочной керамики может принять иное направление. Совместное изучение материалов разных (в сложившемся представлении) регионов и различных по познавательной возможности памятников дает положительный результат и открывает новые перспективы для дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андрианова Л.С. Неолитические стоянки бассейна реки Кубены // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб., 2004.

Брюсов А.Я. Очерки истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. – М., 1952.

Буров Г.М. Древний Синдор (из истории племен Европейского Северо-Востока в VII тысячелетии до н.э. – I тысячелетии н.э.). – М., 1967.

Буров Г.М. Крайний Северо-Восток Европы в эпоху мезолита, неолита и раннего металла: Автореф. дис... д-ра. ист. наук. Новосибирск, 1986.

Васильева Н.Б., Гончаренко Д.В., Косорукова Н.В. Неолитический комплекс памятника Остров Молебный в бассейне Лозско-Азатского озера // Тверской археологический сборник. Тверь, 2006. Вып.6, т. I.

Верещагина И.В. Мезолит и неолит крайнего Европейского Северо-Востока: Автореф. дис...канд. ист. наук. Л., 1989.

Волокитин А.В., Зарецкая Н.Е., Карманов В.Н. Новые данные по хронологии камской неолитической культуры // Российская археология, 2006. № 1.

Гусенцова Т.М., Андреева Н.А. Некоторые особенности изготовления раннеолитической керамики Межозерья (юго-восточное Приладожье и Прионежье) // Тверской археологический сборник. Тверь, 1996. Вып.2.

Жилин М.Г., Костылева Е.Л., Уткин А.В., Энговатова А.В. Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья. По материалам стоянки Ивановское VII. М., 2002.

Иванищев А.М., Иванищева М.В. Поселение раннего неолита на Кемском озере // Тверской археологический сборник. Тверь, 2000. Вып. 4, т.I.

Иванищева М.В. Ранний неолит нижнего Посухонья (по материалам раскопок поселений у д. Березова Слободка) // Археология: история и перспективы. Ярославль, 2006.

Иванищева М.В., Иванищев А.М. Хронология памятников раннего неолита Южного Прионежья // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб., 2004.

Карманов В.Н. Неолит европейского Северо-Востока. Автореф. дис...канд. ист. наук. М., 2004.

- Косинская Л.Л.* Неолит // Археология Республики Коми. М., 1997.
- Косинская Л.Л.* Неолитическая стоянка-мастерская на Выми // Проблемы этногенетических исследований Европейского Северо-Востока: Межвуз. сб. науч. тр. Сыктывкар, 1982.
- Костылева Е.Л.* Хронология, периодизация и локальные варианты верхневолжской раннеолитической культуры. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1986 // Научно-отраслевой архив ИА РАН. Р-2. №№ 2384, 2384а.
- Костылева Е.Л.* Раннеолитическая верхневолжская культура // Тверской археологический сборник. Тверь, 1994. Вып. 1.
- Логинова Э.С.* Поселения эпохи неолита на Средней Вычегде // Материалы VI международного конгресса финно-угроведов. М., 1989. Т. 1.
- Лузгин В.Е.* Неолитические стоянки Центрального Тимана // Поселения каменного и медно-бронзового века на Печоре и Усе. Сыктывкар, 1973а (МАЕСВ; Вып. IV).
- Лузгин В.Е.* Поселение Ружникова на Косминских озерах и вопросы неолита Европейского Северо-Востока // Археологические исследования в бассейне Печоры. Сыктывкар, 1973б (МАЕСВ; Вып. 5).
- Мельничук А.Ф., Бординских Г.А., Мокрушин В.П., Дегтярева М.И., Лычагина Е.Л.* Новые позднемезолитические и раннеолитические памятники в верхнем и среднем Прикамье // Археология и этнография Среднего Приуралья. Березники, 2001. Вып. 1.
- Сидоров В.В.* Маслово Болото 7 – поселение льяловской культуры // СА, 1986. № 4.
- Сидоров В.В.* Многослойные стоянки Верхневолжского бассейна Варос и Языково // Многослойные стоянки Верхнего Поволжья. М., 1992.
- Сидоров В.В.* Кремневые орудия и оружие поселения Воймежное I // Древние охотники и рыболовы Подмосковья (по материалам многослойного поселения эпохи камня и бронзы Воймежное I). М., 1997.
- Недомолкина Н.Г.* Многослойное поселение Векса // Тверской археологический сборник. Тверь, 2000. Вып. 4. Т. I.
- Недомолкина Н.Г.* К проблеме существования льяловских комплексов в бассейне верхней Сухоны // Археология: история и перспективы. Ярославль, 2003.
- Недомолкина Н.Г.* Комплексы периода развитого неолита с поселения Векса III // Археология: история и перспективы. Ярославль, 2006.
- Стоколос В.С., Мурыгин А.М.* Исследования на мезенских новостройках // АО 1977. М., 1978.
- Третьяков В.П.* Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе Европейской части СССР. Л., 1972.
- Фосс М.Е.* Древнейшая история Севера Европейской части СССР // МИА. Л., 1952. № 29.
- Цетлин Ю.Б.* Периодизация неолита Верхнего Поволжья. Методические проблемы. М., 1991.

Рис. 1. Памятники с гребенчато-ямочной керамикой на европейском Северо-Востоке: Бассейн р. Северная Двина: 1 – Векса, Векса III; 2 – Березова Слободка II-III; 3 – Мармугино; 4 – Усть-Кулом I; 5 – Юваная; 6 – Вад I; 7 – Угдым I; 8 – Кыньтыяг; 9 – Важкаяя; 10 – Пезмогты 1; 11 – Пезмогты 3; 12 – Пезмогты 4; 13 – Озельская; 14 – Энты I; 15 – Энты III; 16 – Энты IV; 17 – Энты VI; 18 – Вис I; 19 – Вис II; 20 – Вис III; 21 – Половники II; 22 – Приозерная II; 23-25 – Пинежские озера II, IV, VI; 26 – Явроньга I; 27 – Орлецы; долина р. Мезень: 28 – Усогорск II; 29 – Усогорск IV; 30 – Кыстырью; 31 – Тимошеле VI; бассейн р. Печора: 32 – Адзьва 63; 33 – Колва 10; 34 – Колва 12; 35 – Колва 13; 36 – Мой-Ярей; 37 – Сандибей-ю VII; 38 – Сандибей-ю VIII; 39 – Лая I; 40 – Лая II; 41 – Пижма I; 42 – Пижма II; 43 – Ружникова; 44 – Кыско; 45 – Алексахина; 46 – Печорская.

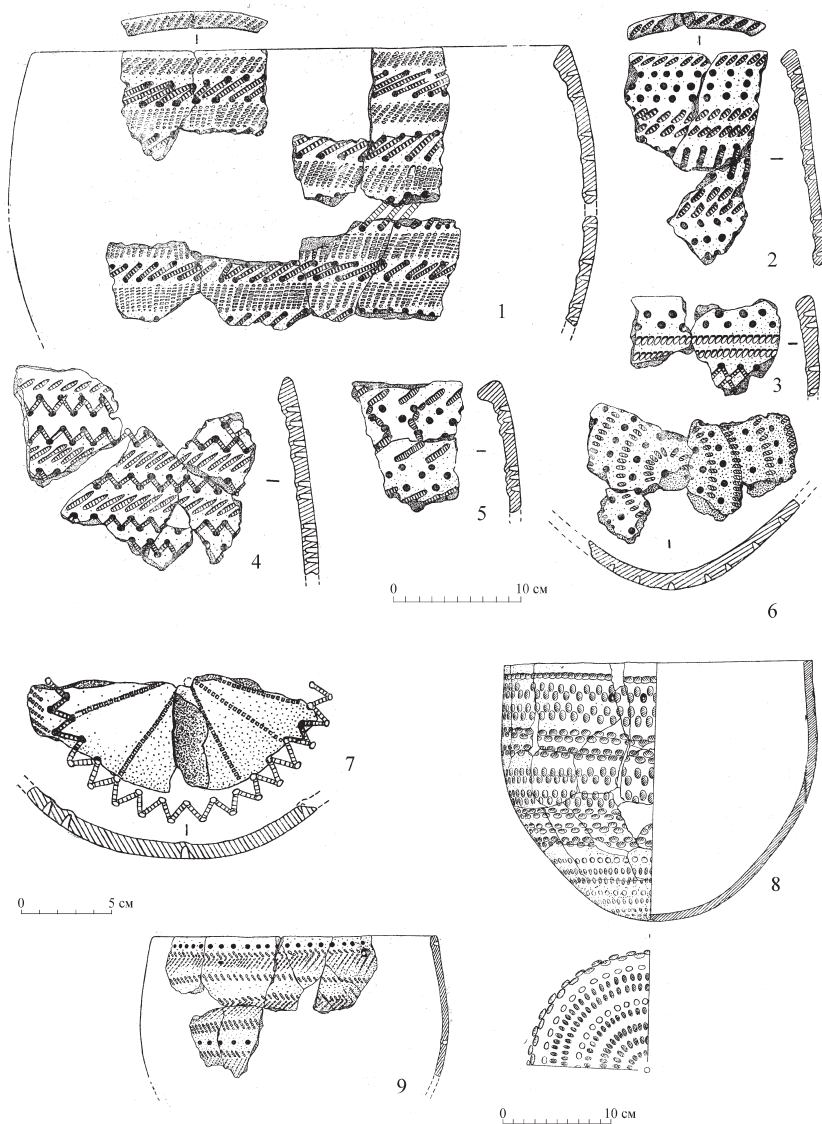

Рис. 2. Вис I (1, 2), Вис II (3). Керамика (по Г.М. Бурову).

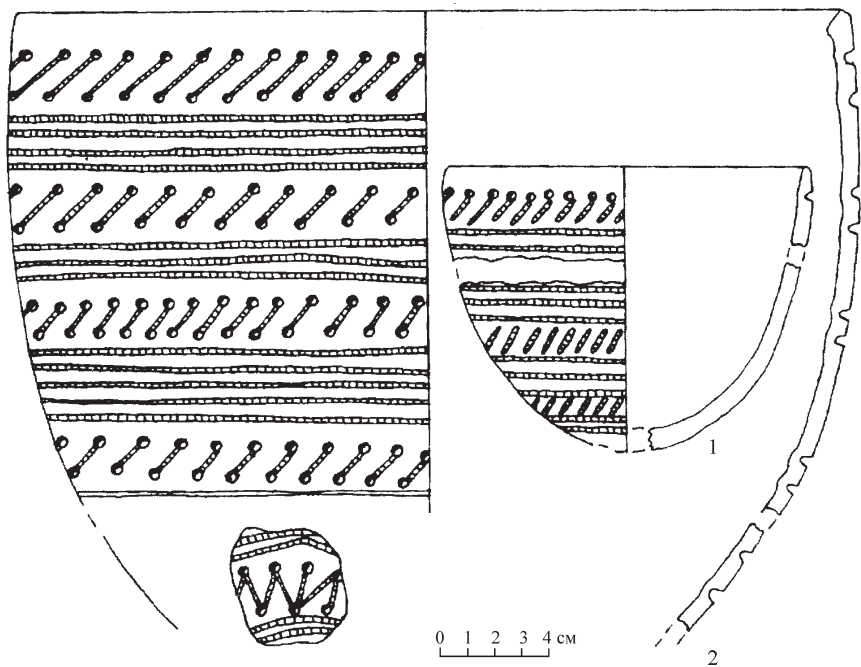

Рис. 3. Половники II. Керамические сосуды (реконструкция).
По Л.Л. Косинской.

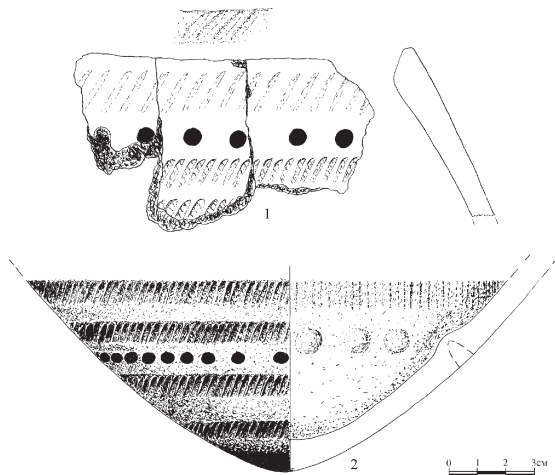

Рис. 4. Пезмогты 1. Керамика.

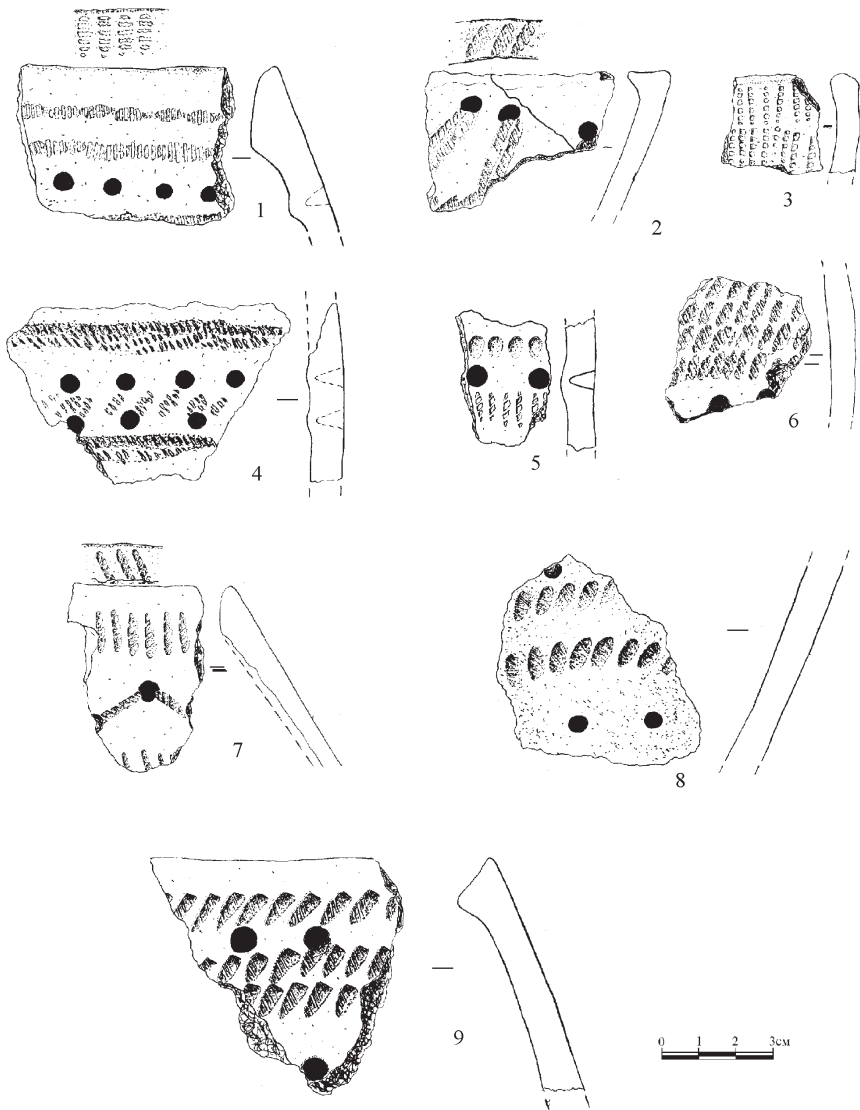

Рис. 5. Пезмогты 1. Керамика.

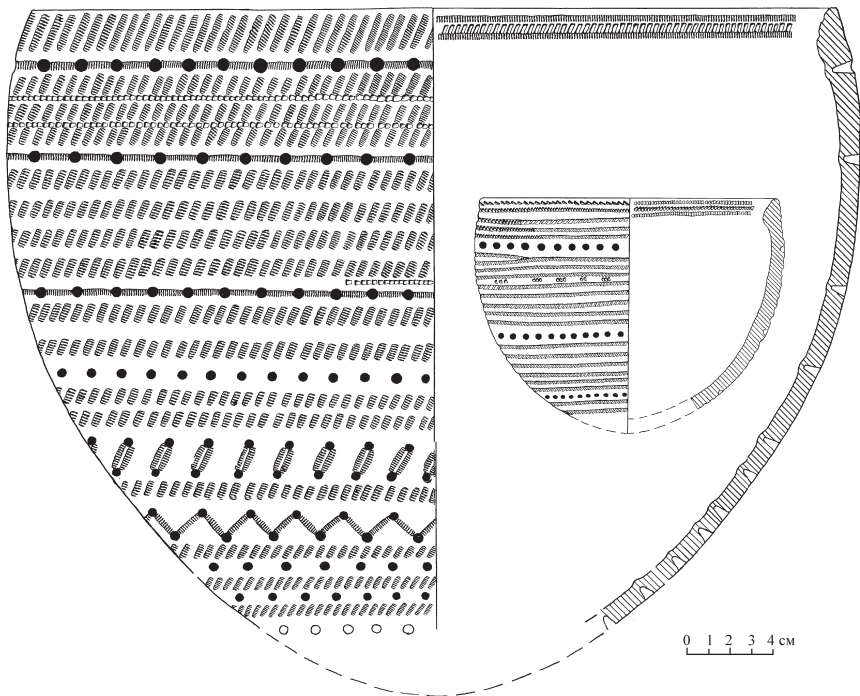

Рис. 6. Эньты III (жилище 1). Керамические сосуды (реконструкция).
По Э.С. Логиновой.

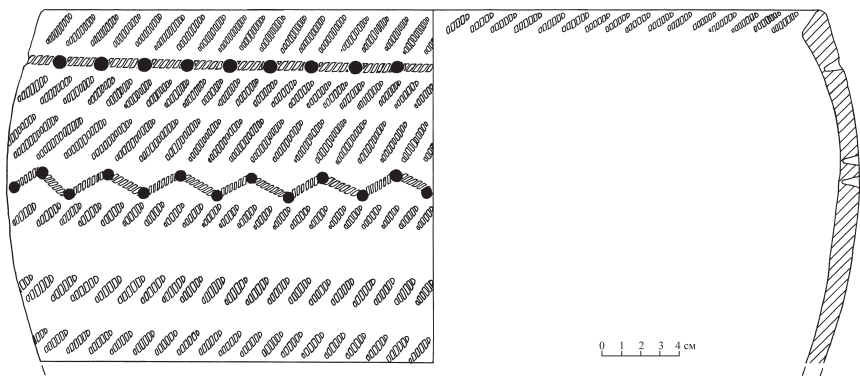

Рис. 7. Эньты III (жилище 3). Керамический сосуд (реконструкция).
По Э.С. Логиновой.

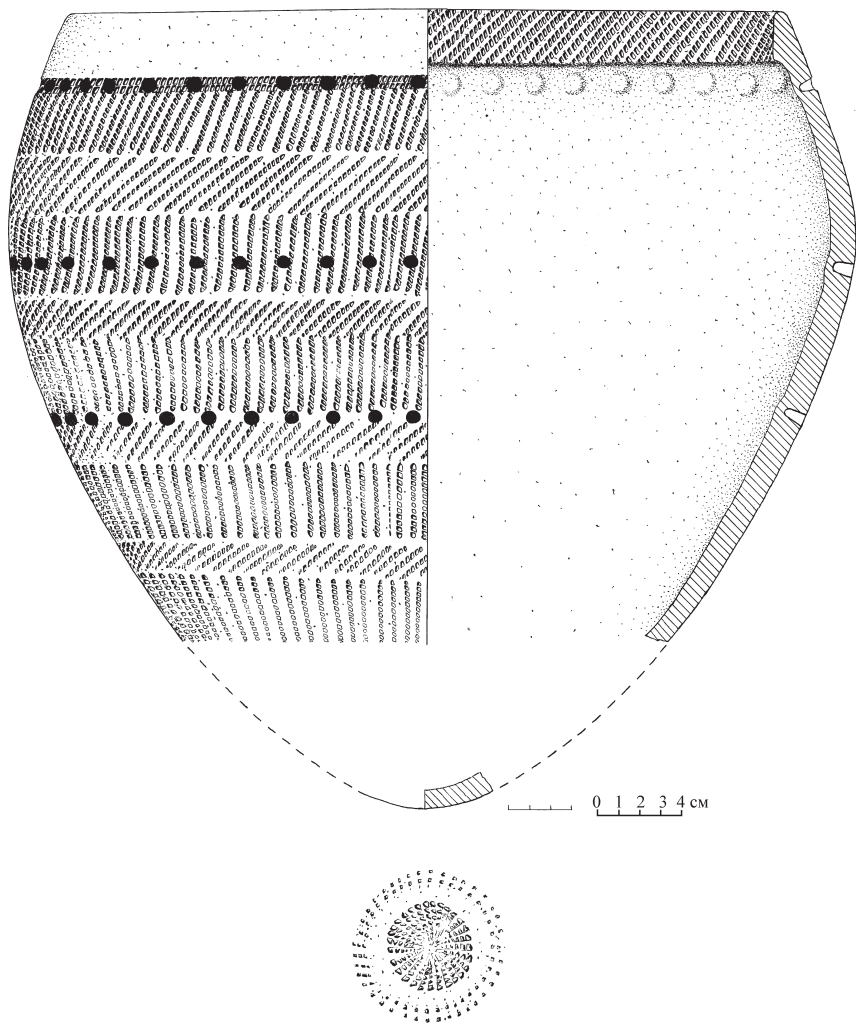

Рис. 8. Эньты I (жилище). Керамический сосуд (реконструкция).
По Э.С. Логиновой.

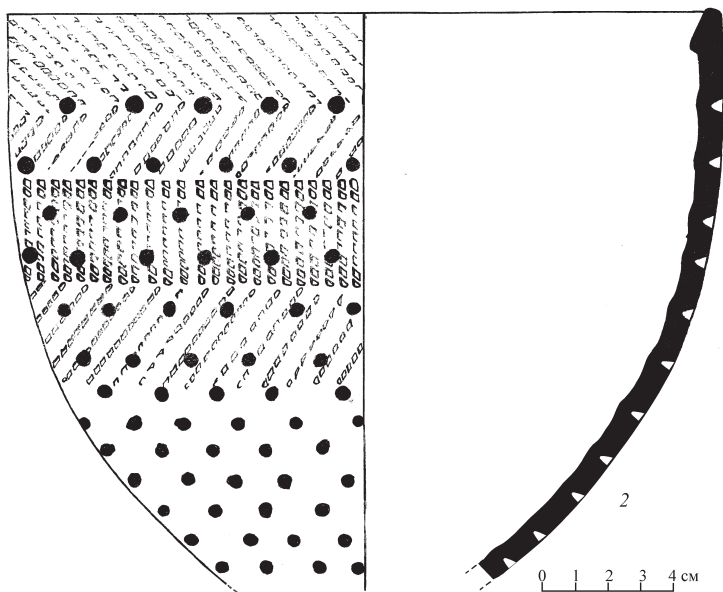
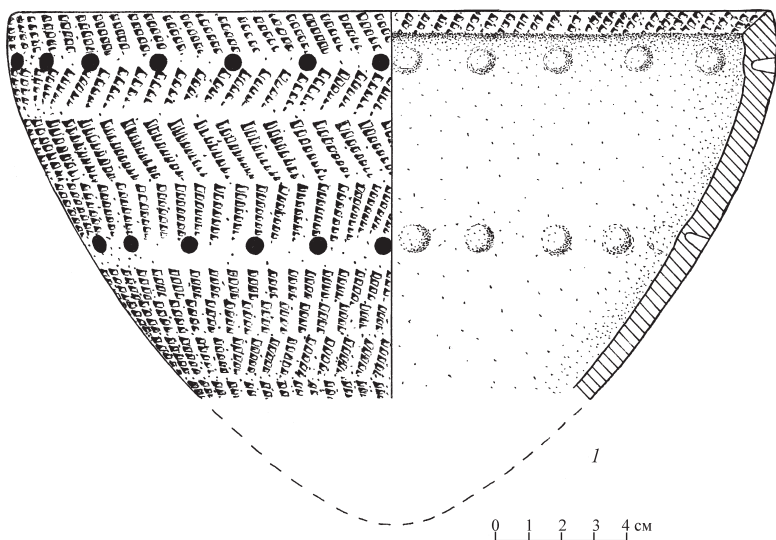
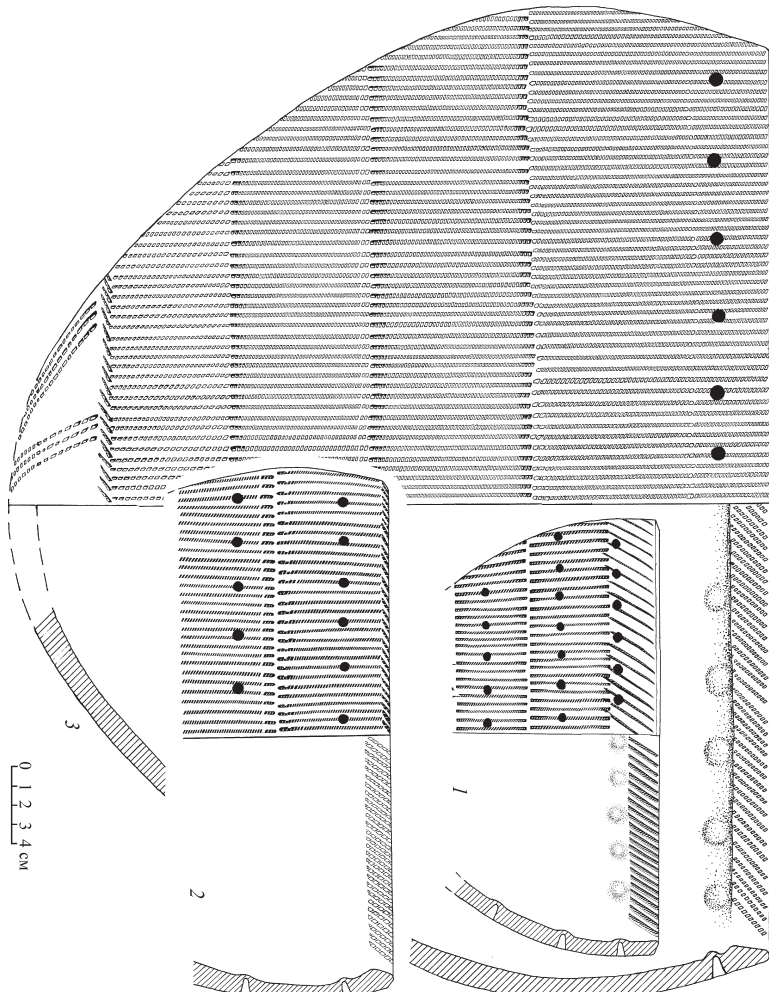

Рис. 9. Энты I (жилище). Керамические сосуды (реконструкция).
По Э.С. Логиновой.

Рис. 10. Эньты III (жилище 2). Керамические сосуды (реконструкция).
По Э.С. Лопиновой.

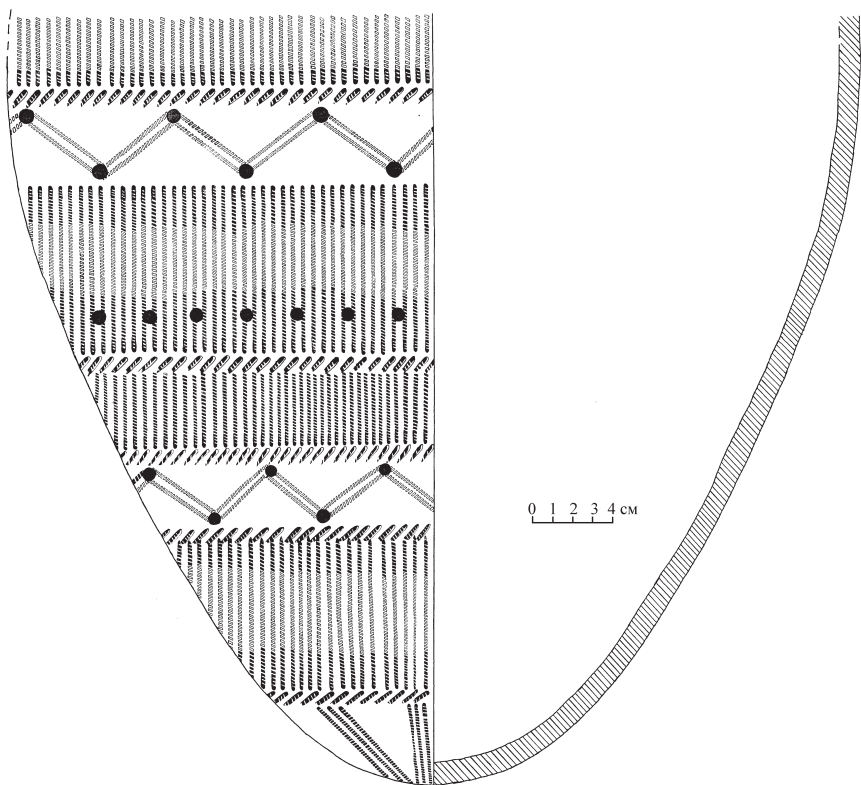

Рис. 11. Эньты III (жилище 2). Керамические сосуды (реконструкция).
По Э.С. Логиновой.

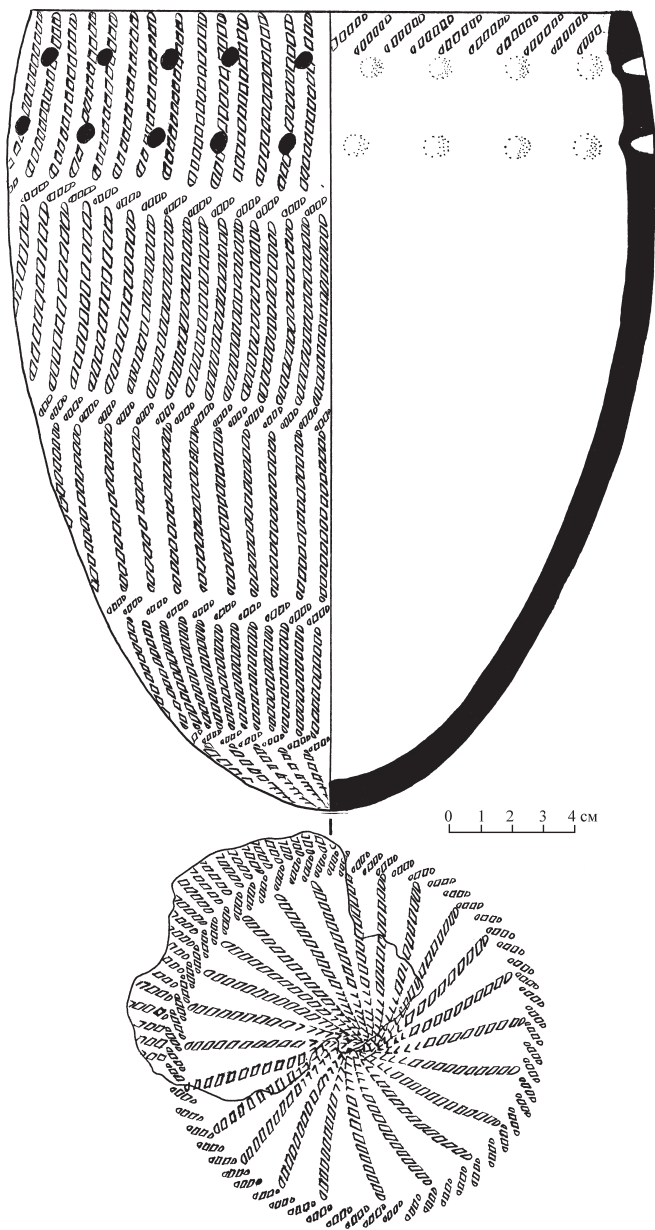

Рис. 12. Энты III (жилище 2). Керамический сосуд (реконструкция).
По Э.С. Логиновой.

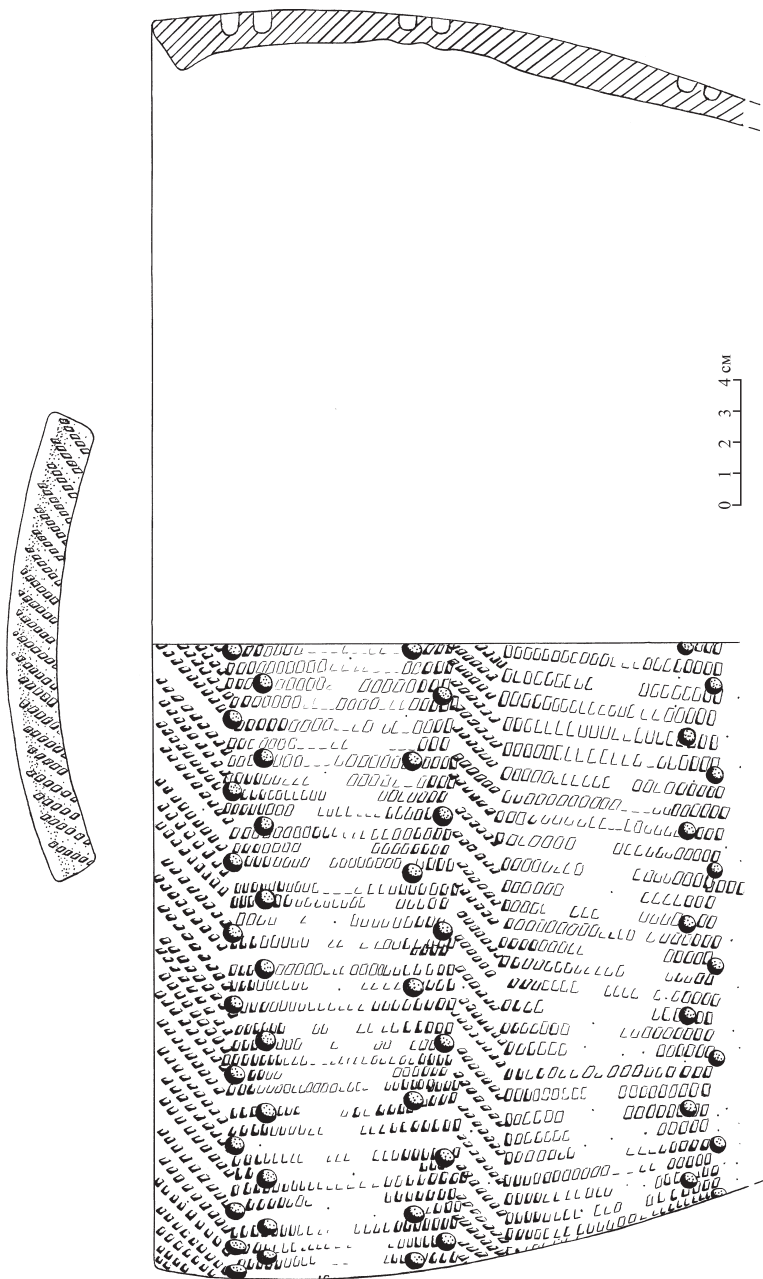
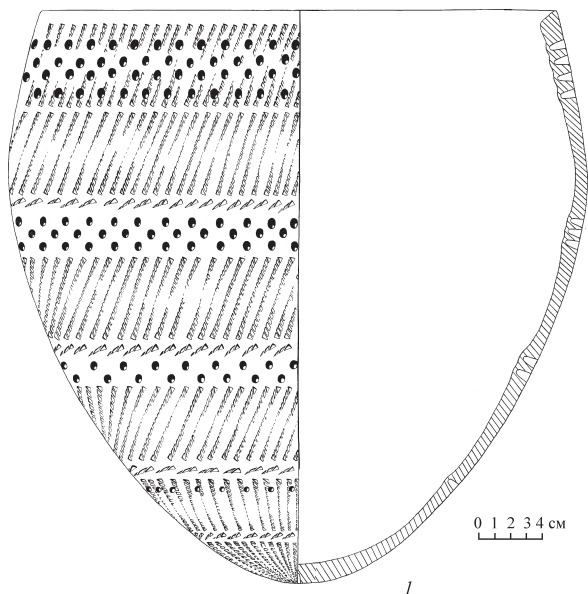
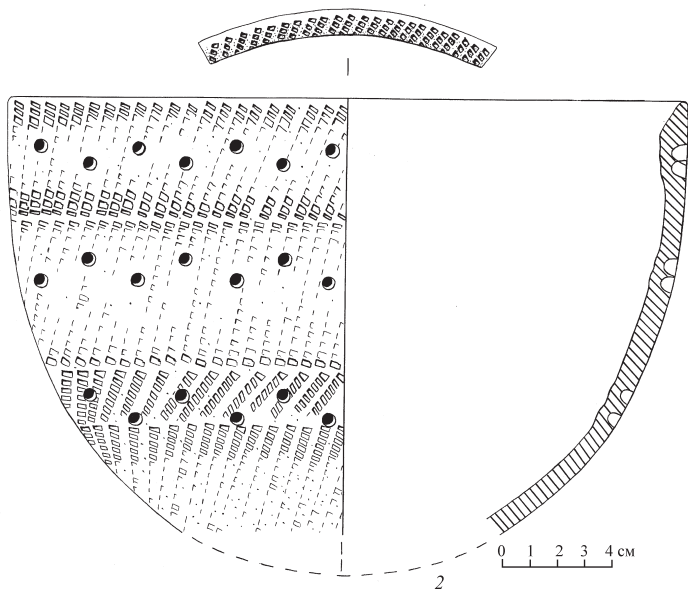

Рис. 13. Энглы III (жилище 4). Керамический сосуд (реконструкция).
По Э.С. Логиновой.

1

2

Рис. 14. Энты III (жилище 4). Керамические сосуды (реконструкция).
По Э.С. Логиновой.

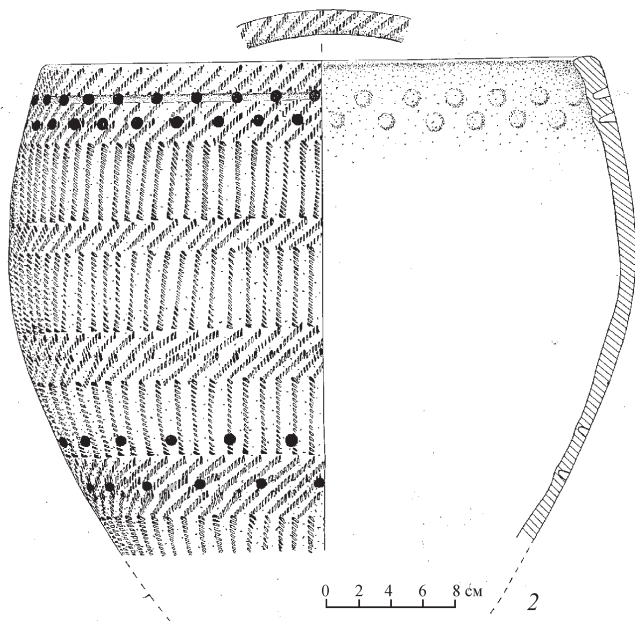
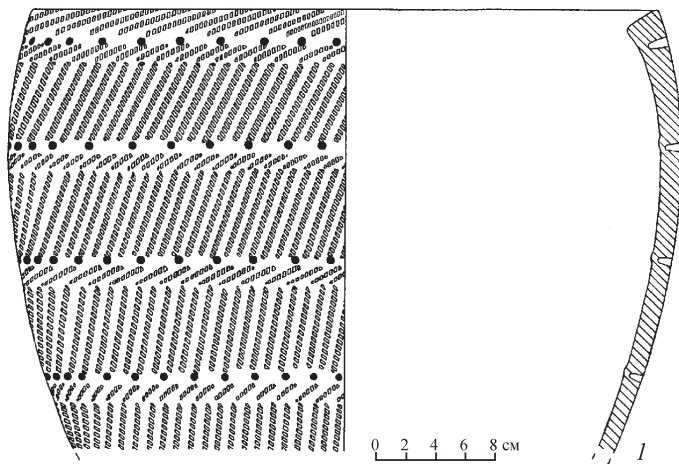

Рис. 15. Эньты IV. Керамические сосуды (реконструкция).
По Э.С. Логиновой.

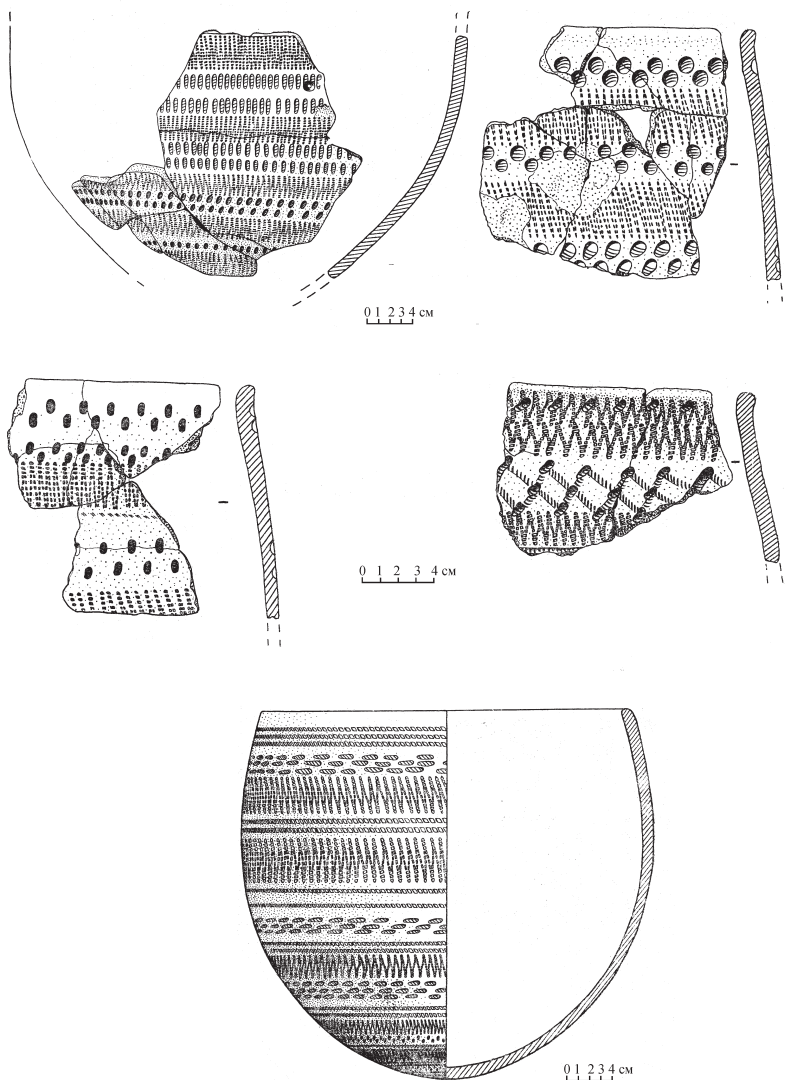

Рис. 16. Гребенчато-ямочная керамика вычегодско-вятской (по Г.М. Бурову) или второго этапа печоро-двинской (по Л.Л. Косинской) культуры. 1-4 – Вис I; 5 – Вис II.

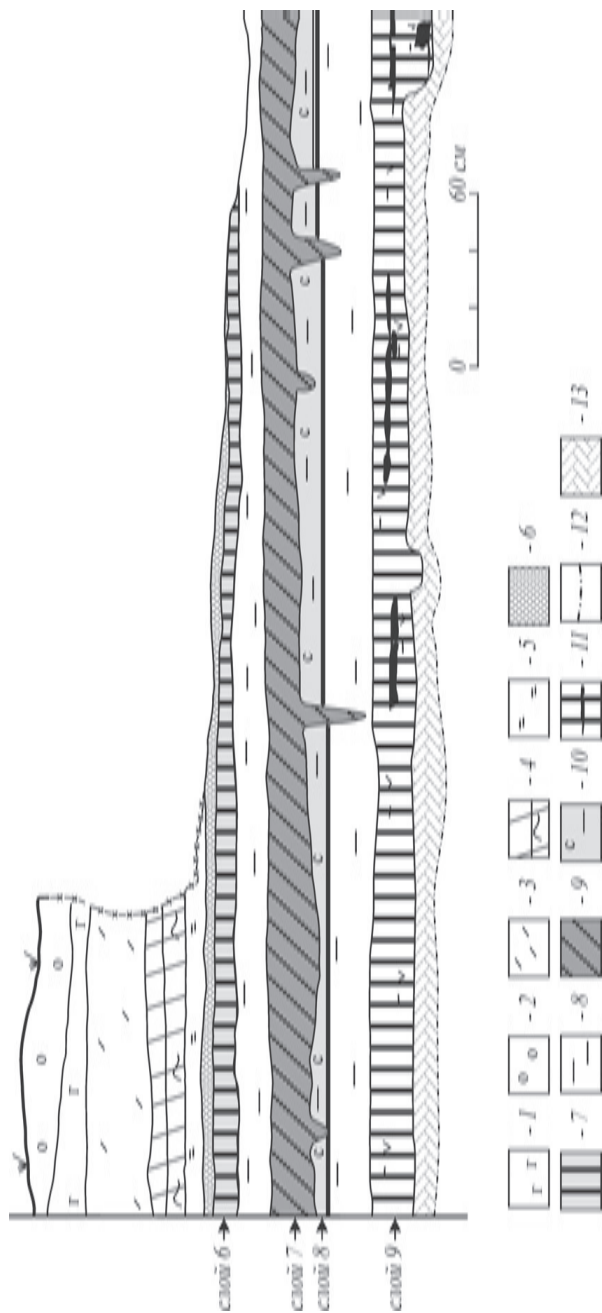

Рис. 17. Века III. Разрез отложений.

Условные обозначения: 1 - дерн, гумус; 2 - отвал; 3 - коричневая супесь;

4 - светло-коричневая супесь; 5 - темно-серая, серая супесь; 6 - серая глина; 7 - коричневая глина; 8 - темно-коричневая глина (культурный слой карзопольской культуры); 9 - светло-коричневая глина; 10 - темная гумусированная глина; 11 - темно-серая супесь (раннеолитический слой); 12 - уровень выборки; 13 - желтая глина.

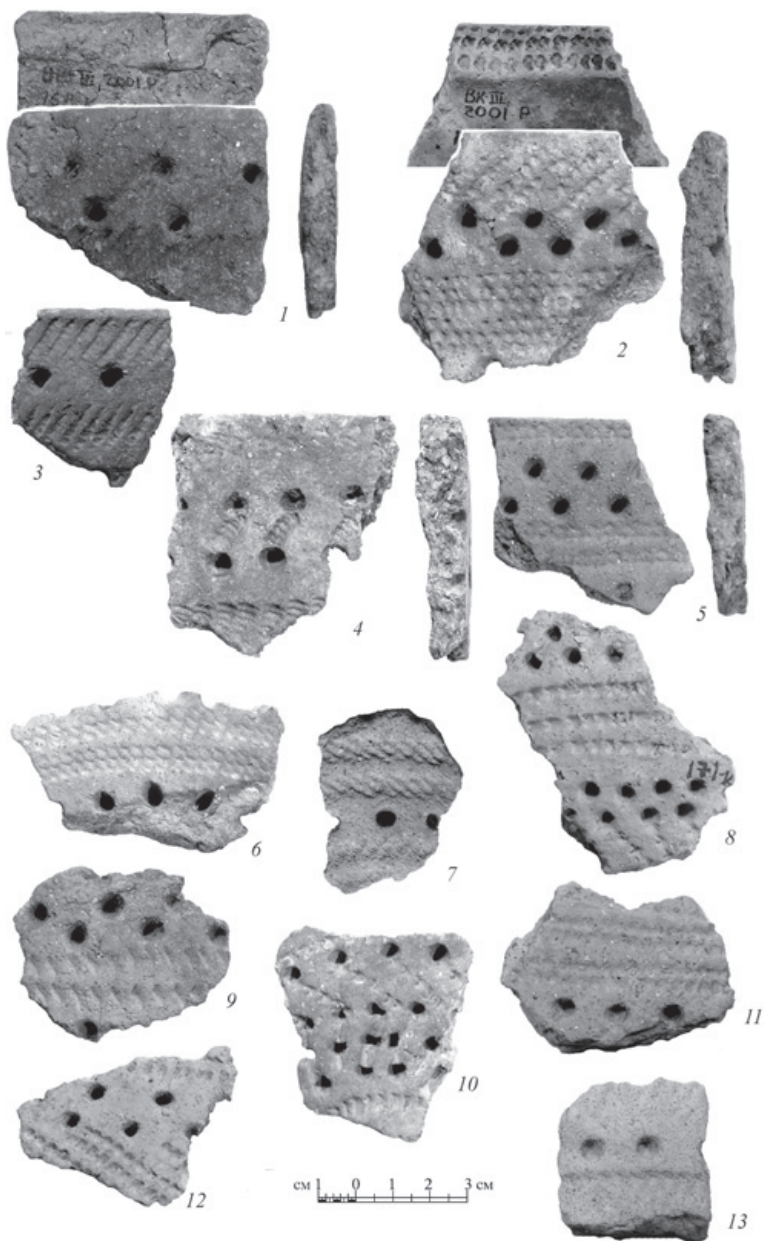

Рис. 18. Векса III. Гребенчато-ямочная керамики из слоя 7.

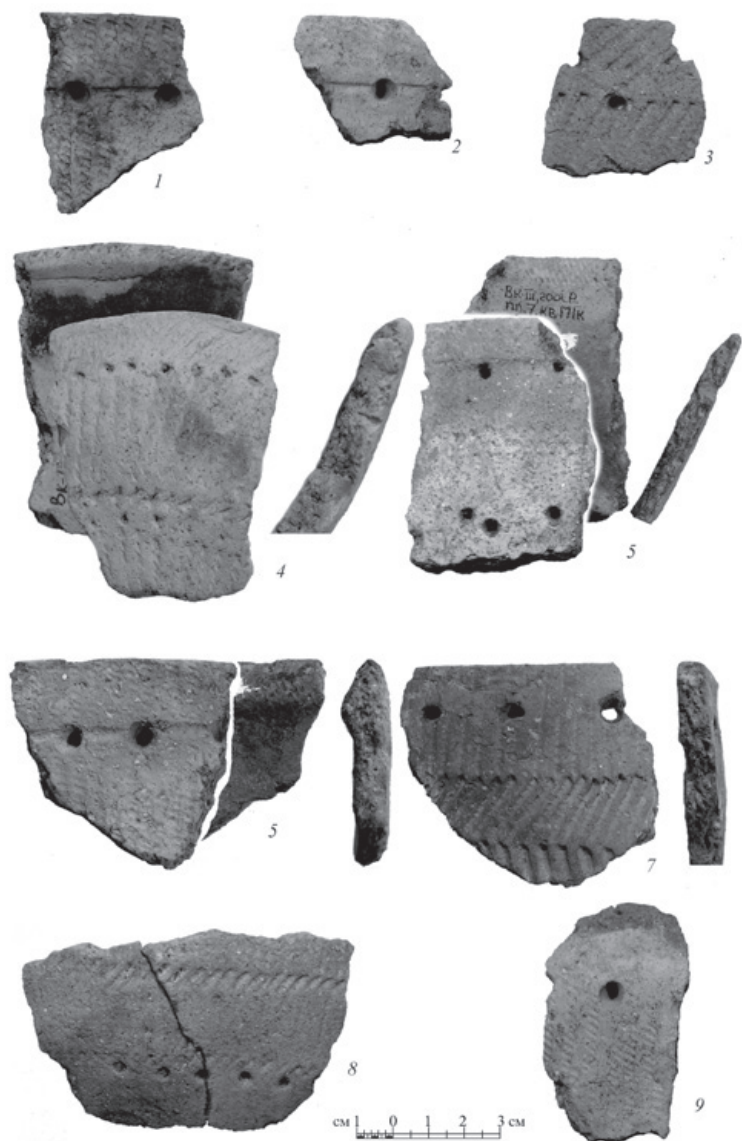

Рис. 19. Векса III. Гребенчато-ямочная керамика из слоя 8.

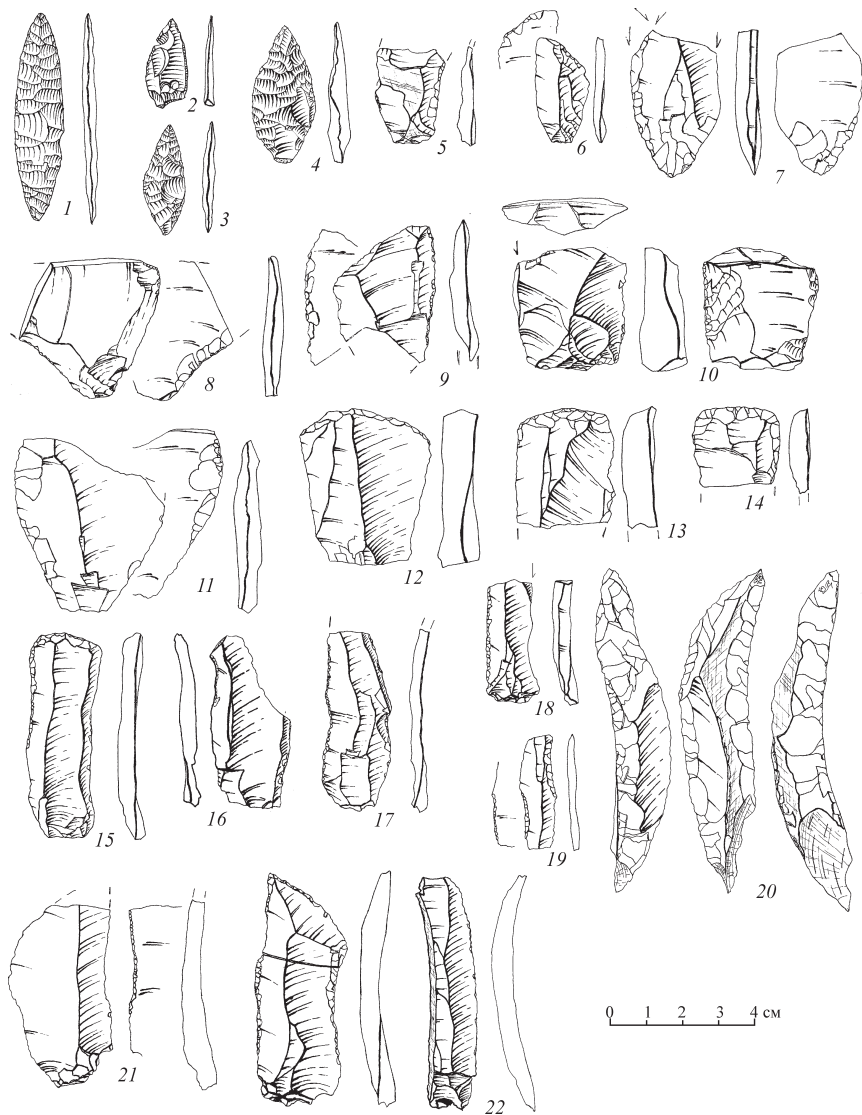

Рис. 20. Эньты III (жилище 1). Кремневые изделия.

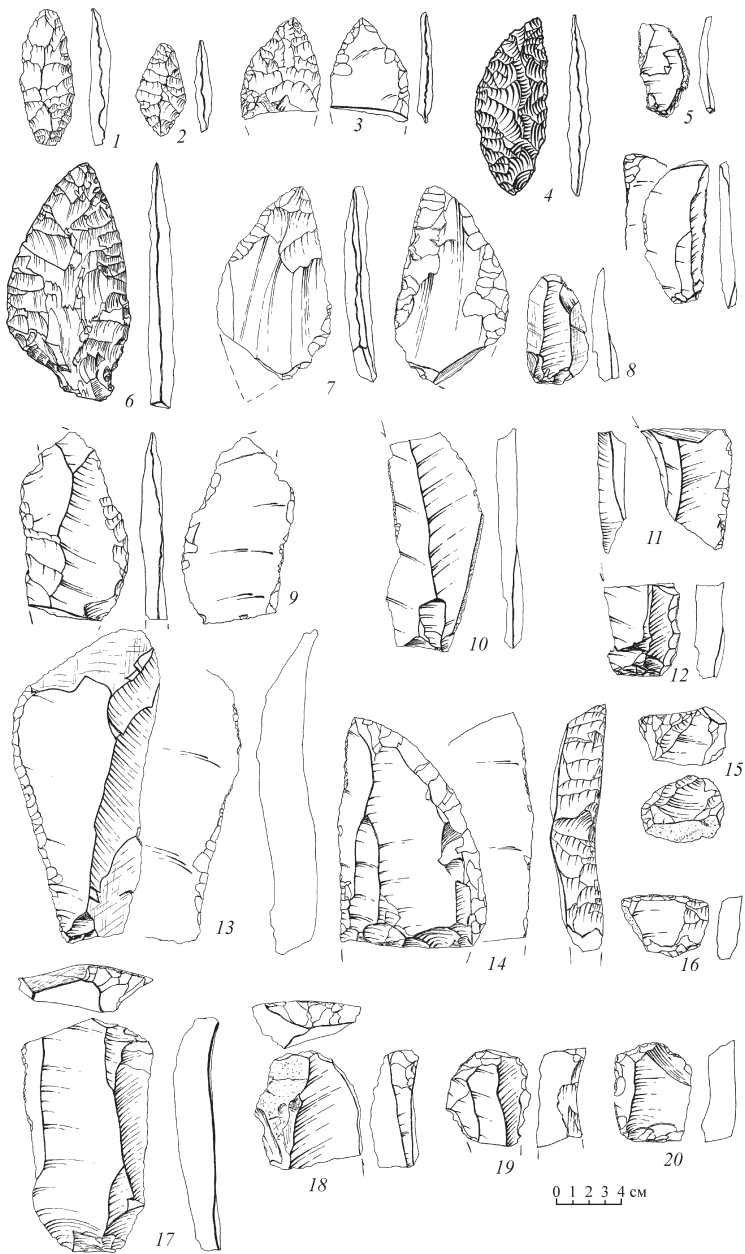

Рис. 21. Энты III (жилище 2). Кремневые изделия.

Рис. 22. Энты III (жилище 3). Кремневые изделия.

Рис. 23. Эньты III (жилище 4). Кремневые изделия.

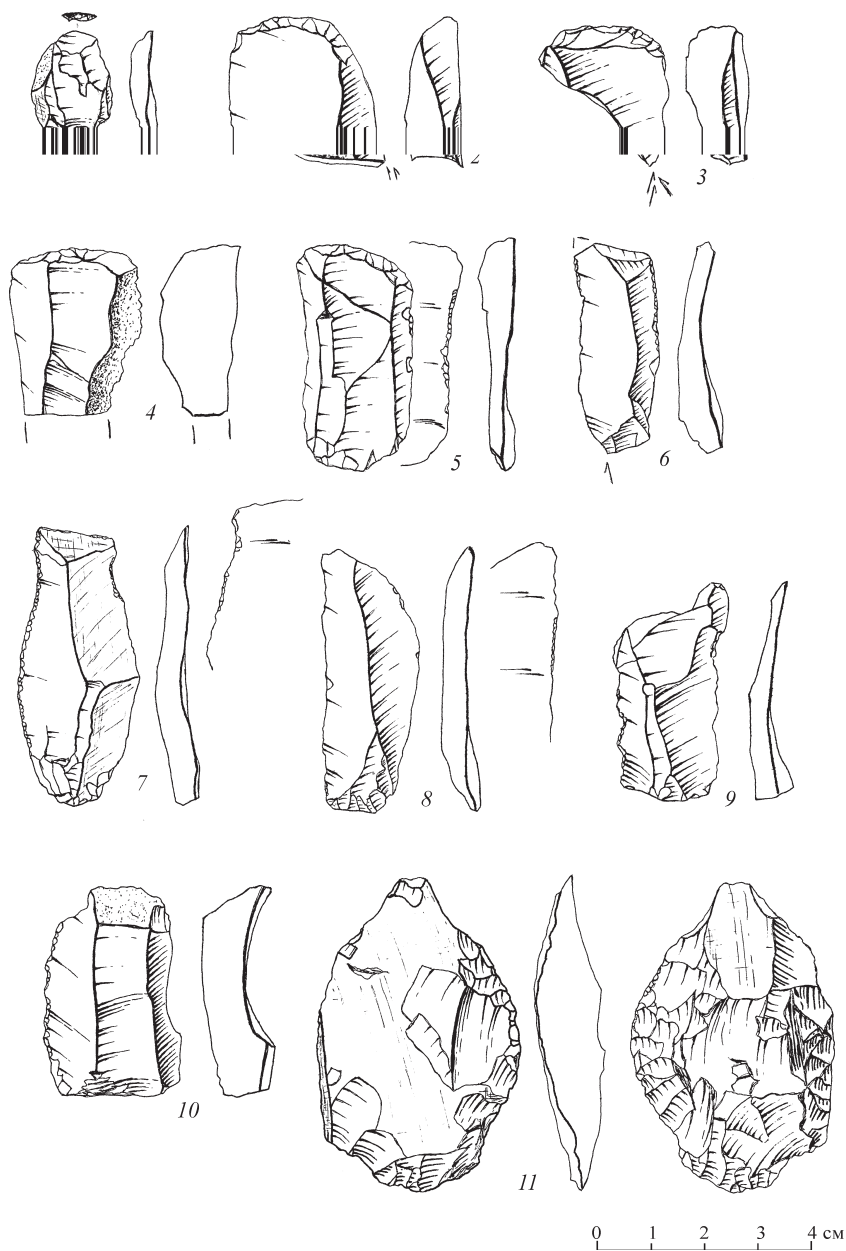

Рис. 24. Энты III (жилище 5). Кремневые изделия.

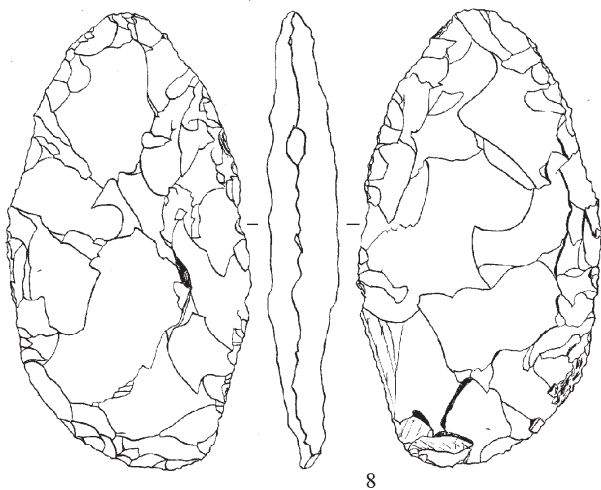
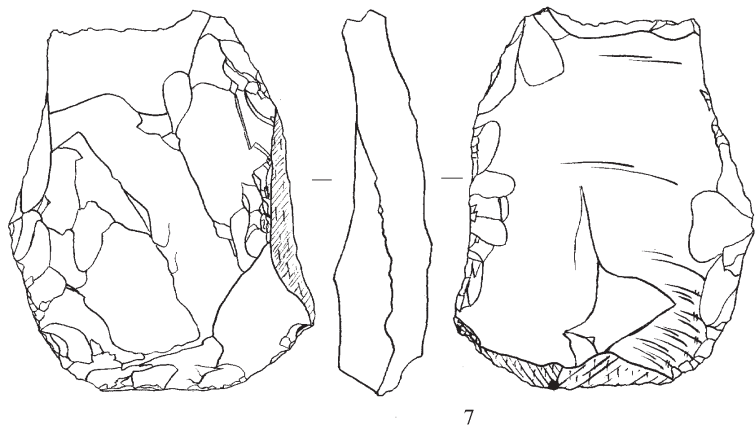
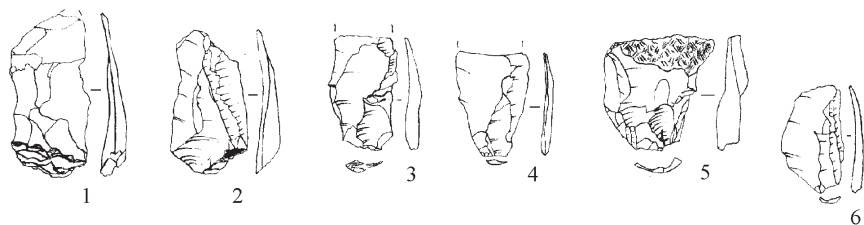

Рис. 25. Пезмогты 1. Кремневые изделия.

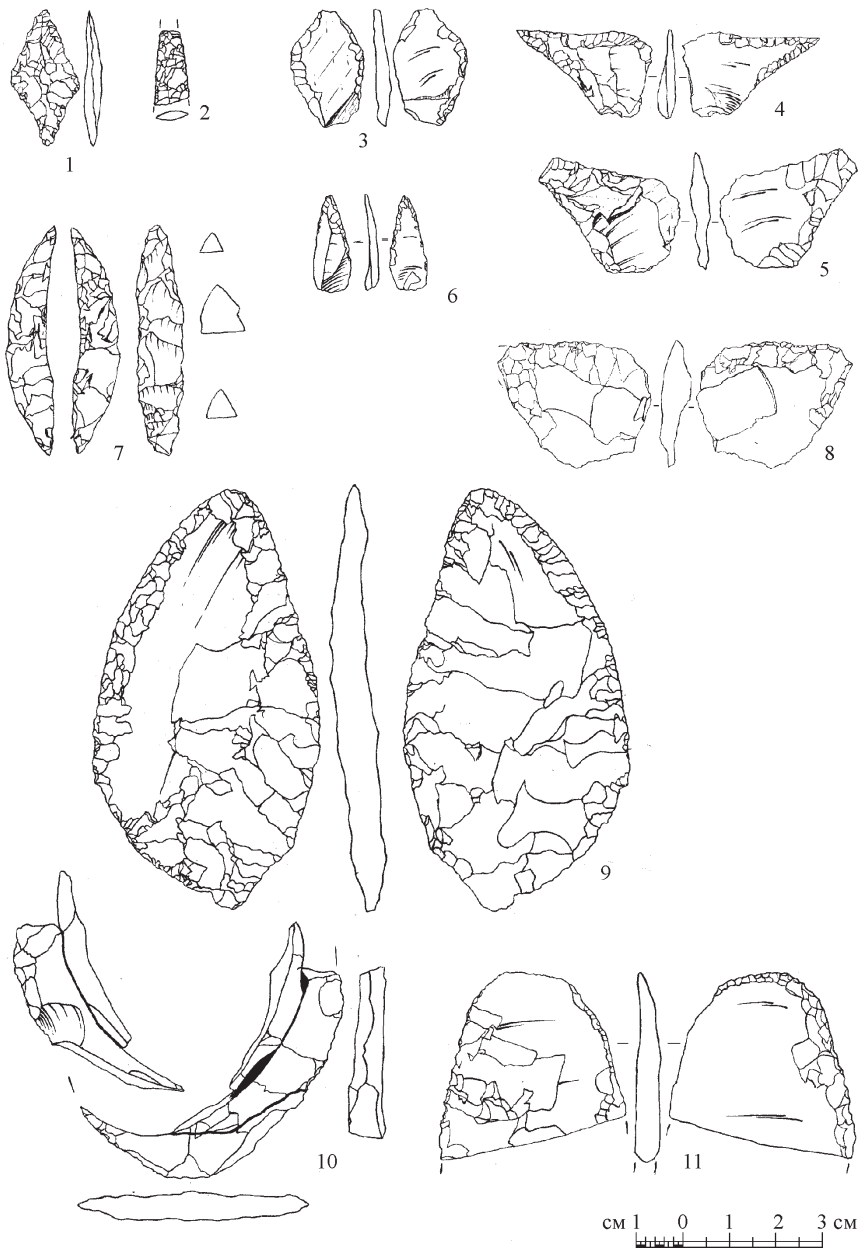

Рис. 26. Пезмогты 1. Кремневые изделия.

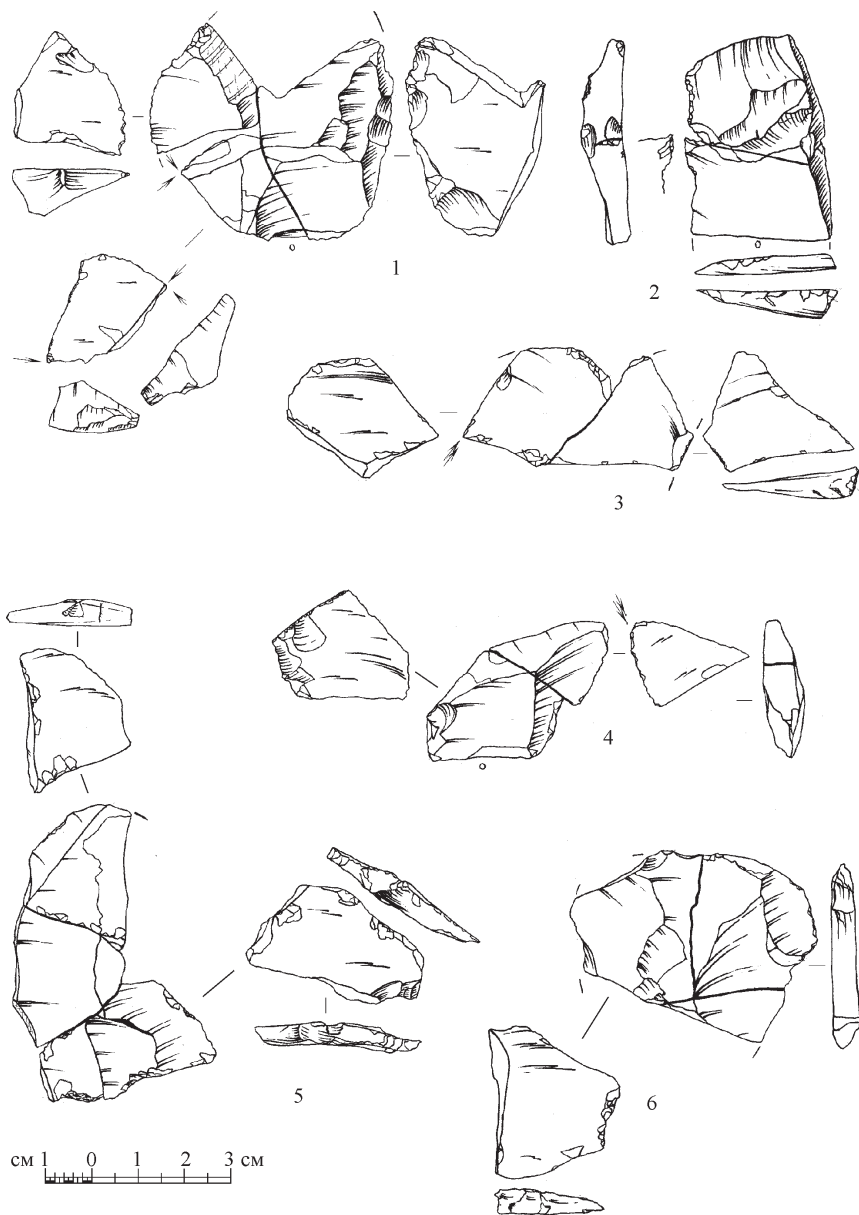

Рис. 27. Пезмогты 1. Кремневые изделия.

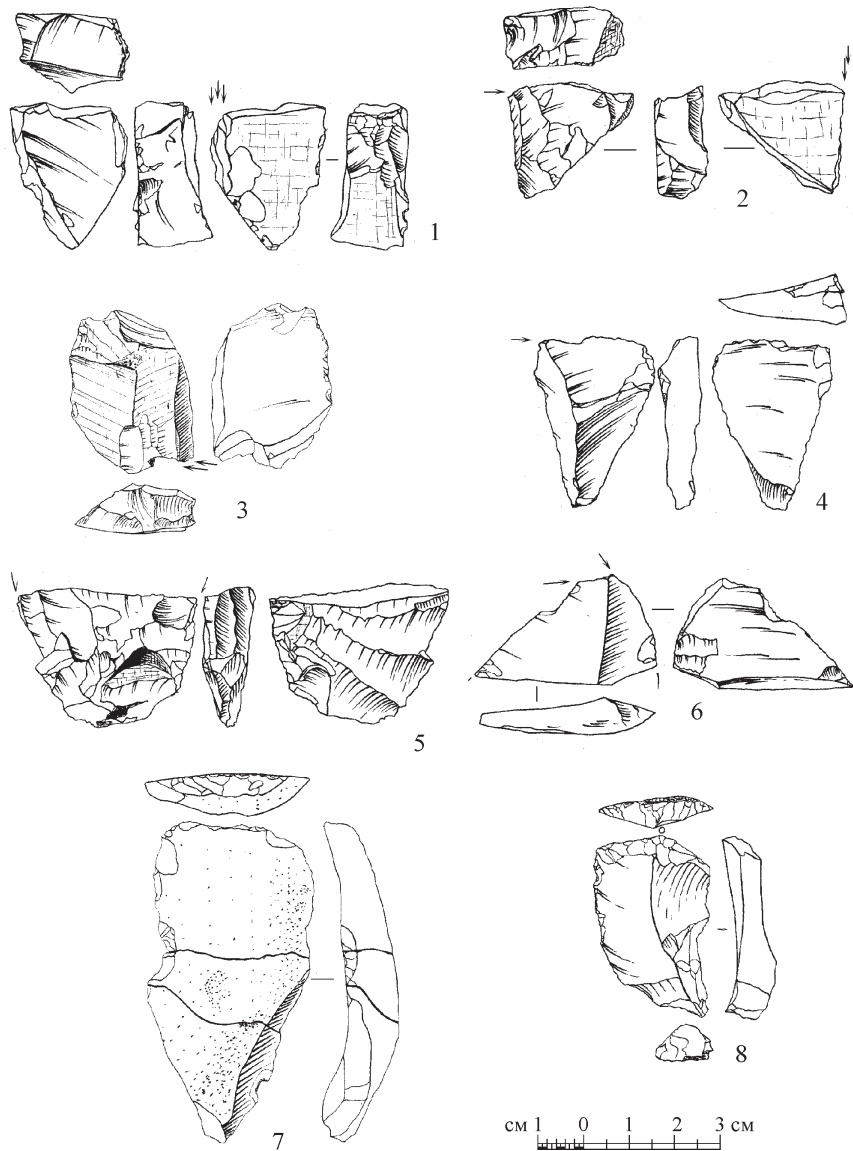

Рис. 28. Пезмогты 1. Кремневые изделия.

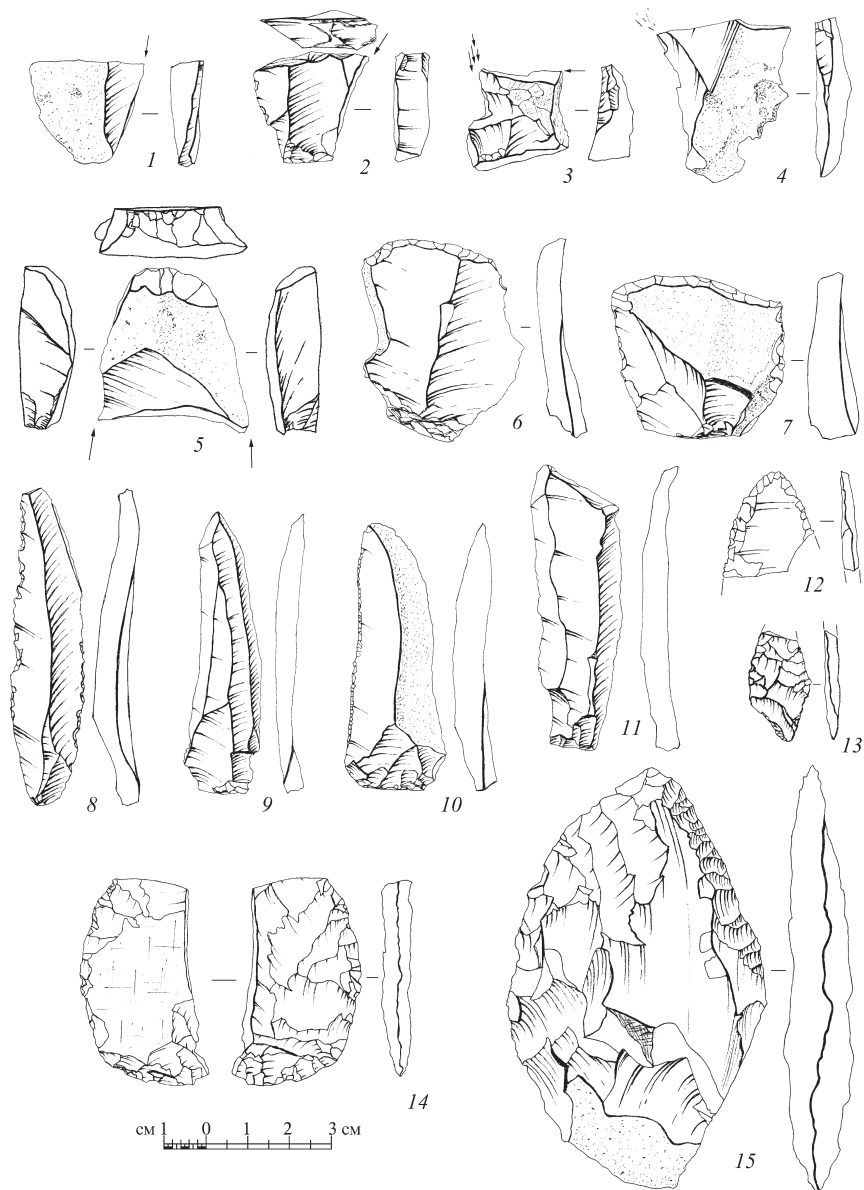

Рис. 29. Пезмоглы 1. Кремневые изделия.

Рис. 30. Пезмогты 3. Кремневые изделия.

Рис. 31. Пезмогты 3. Кремневые изделия.

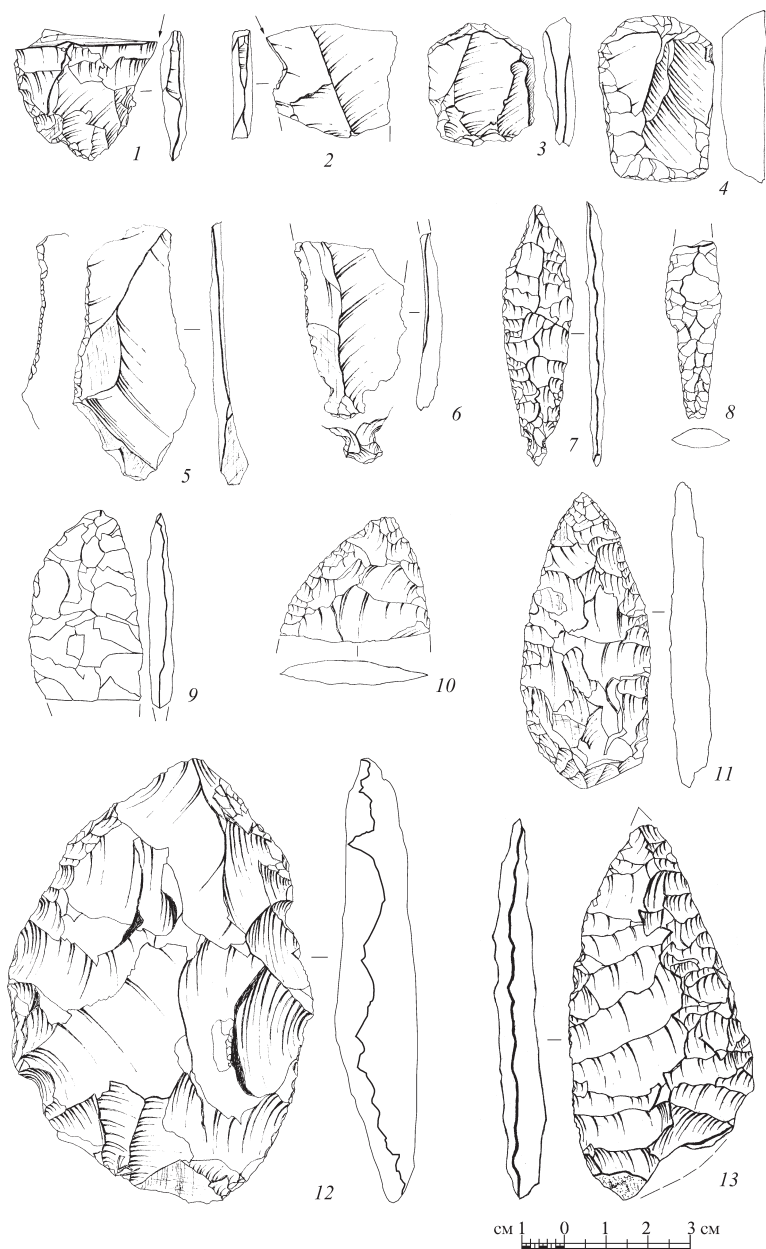

Рис. 32. Пезмогты 4. Кремневые изделия.

МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ В БАССЕЙНЕ НИЖНЕЙ ВЫЧЕГДЫ

Л. Л. Косинская

Уральский государственный университет, Екатеринбург
e-mail: lyubov.kosinskaya@usu.ru

В 1980-х гг. археологической экспедицией Коми республиканского историко-краеведческого музея (ныне – Национальный музей Республики Коми) под руководством автора проводились исследования в нижнем течении р. Вычегда и на ее правом притоке р. Вымь (Княжпогостский, Усть-Вымский и Сыктывдинский районы Республики Коми). До начала работ экспедиции здесь было известно несколько пунктов с находками мезолитического облика, ни один из которых не подвергался стационарному раскопкам. Поэтому рассматриваемый район оставался в известной мере «белым пятном». Экспедиция музея обследовала большинство ранее известных памятников, многие из которых оказались полностью разрушенными, и выявила 11 новых стоянок и два местонахождения (рис. 1). На четырех стоянках были проведены раскопки.

Стоянка Ветью II. Расположена на левом берегу р. Вымь напротив пос. Ветью Княжпогостского района, на краю 20-метровой боровой террасы, отделенной от современного русла заболоченной I надпоймой шириной около 300 м. Рельеф террасы на этом участке неровный: песчаные всхолмления вдоль ее края являются, возможно, древними береговыми дюнами. Памятник приурочен к одному из таких всхолмлений, возвышающемуся на 1,5-2,0 м над бровкой террасы, и длиной около 40 м вдоль нее. Площадь – стоянки около 800 кв. м. Раскоп (88 кв. м) был заложен на южном склоне дюны, в наиболее насыщенной культурными остатками непотревоженной части стоянки.

Терраса сложена отсортированными песками без галечника или гравия. Почвенная колонка на таких террасах состоит из мохового покрова, слоя белесого песка (подзола), подстилающего его ярко окрашенного иллювиального горизонта (песок темно-желтого или коричневого цвета с зернами ортштейна) и более светлого материкового песка. Такая стратиграфия характерна и для других памятников, которые будут рассмотрены ниже. На стоянке Ветью II культурный слой с находками, имевший вид прослойки желто-белого пестроцветного песка, залегал под подзолом, с глубины 0,08-0,15 м от поверхности и подстился светложелтым материковым песком. Максимальной мощности (0,20 м) он достигал ближе к гребню дюны, а вниз по склонам постепенно выклинивался. Культурный слой содержал рассеянные угольки и отдельные мелкие фрагменты кальцинированных костей. Часть каменного инвентаря залегала в подзоле и в иллювии вплоть до материка.

Находки располагались достаточно компактно вдоль гребня дюны на ее напольной стороне, в 15-20 м от бровки террасы. Плоска массового распространения кремня достигала 12 м в длину и 7 м в ширину. В ее осевой

части отмечены два пятна-скопления с концентрацией находок 500 и более единиц на 1 кв. м. В плане скопления аморфные, с нечеткими границами, каждое – 3-4 м в поперечнике. Расстояние между ними около 2 м. Состав инвентаря скоплений практически такой же, как и на стоянке в целом, несколько ниже лишь доля отходов, связанных с первичной обработкой сырья, и выше доля орудий на пластинах. Проверка критерием Пирсона показала, что статистической значимости эти различия не имеют. Таким образом, оба участка не являются специализированными площадками по обработке кремня. Очевидно, скопления возникли как результат наиболее оживленной деятельности обитателей стоянки, но для интерпретации их как следов жилых сооружений нет достаточных оснований. Возможно, остатками небольшого очага является овальная ямка в основании культурного слоя, расположенная рядом с северным скоплением, у его южного края. Ее размеры – 0,20x0,24 м, глубина – 0,16 м; в заполнении найдены угольки и несколько мелких обломков кальцинированных костей. Инвентарь из некремневых пород располагался в юго-восточной части раскопа, как бы обрамляя границу массового распространения кремня. Здесь же найдены кусочки желтой и красной охры, некоторые – со стертой поверхностью.

На стоянке собрана представительная коллекция кремневых предметов – более 12 тысяч, не считая чешуек. Сырьем служили желваки с известковой коркой, но значительную долю составлял обломочный материал – уплощенные кремневые гальки крупных (более 5 см) и средних (3-5 см) размеров. Судя по составу находок, на стоянке производился полный цикл обработки кремня. Господствует пластинчатая техника расщепления. Нуклеусы прямоплощадочные конусовидные и призматические, высотой 3-5 см; диаметр площадок – 1-4 см (рис. 2, 1, 2). Конусовидные нуклеусы округлого поперечного сечения с негативами пластин по всему или по части периметра, в зависимости от степени сработанности; даже у сильно сработанных экземпляров сохраняется продольное ребро со следами поперечной подтески. Один нуклеус – уплощенного сечения, пластины снимались только с узких сторон, ребро отсутствует. Призматических ядрищ два, с одной и двумя площадками. Следует отметить тщательную подготовку площадок всех нуклеусов, чему соответствуют многочисленные сколы подживления. Много ребристых пластин и сколов. Значительную группу составляют целые и сломанные заготовки нуклеусов.

Пластинчатая индустрия имеет выраженный микролитический характер. Преобладают правильные пластины шириной 0,4-1,5 см, с 2-3 гранями на спинке. Большинство намеренно фрагментированы, много медиальных фрагментов (сечений), особенно коротких. Отщепы и осколки в основном мелкие (до 3 см в поперечнике). 558 предметов, главным образом пластины, несут явные следы использования, заметные невооруженным глазом или под лупой: залощенность, смятость и выкрошенность края, иногда напоминающие ретушь. Массовый трасологический анализ коллекций не

проводился. Классификация орудий осуществлялась по морфологическим признакам.

На стоянке найдено 653 орудия (табл. 1). Большинство изготовлено из правильных пластин, среди которых преобладают сечения. Ведущие приемы вторичной обработки – мелкая краевая ретушь и резцовый скол. Наиболее многочисленны резцы, составляющие более 40% орудий (рис. 2, 3-5). Почти все относятся к типу на углу сломанной пластины. Рабочая часть оформлена резцовыми сколами, иногда миниатюрными, длиной 2-3 мм. У четырех экземпляров вместо резцового скола либо поверх него нанесена краевая ретушь. По числу рабочих участков большинство резцов одинарные (76%), имеются двойные и тройные. Многие орудия неоднократно подправлялись: встречается до четырех резцовых сколов, нанесенных один поверх другого. 32 изделия относятся к комбинированным орудиям – они дополнительно отретушированы по краям или имеют выемки.

Большинство скребков (рис. 2, 6-8) изготовлено из пластин. Ведущий тип – концевые скребки с дуговидным рабочим краем, чаще перпендикулярным оси заготовки. Два скребка на отщепях боковые, один – дублированный концевой, девять – сочетают концевое лезвие с одним-двумя боковыми. 12 концевых скребков являются комбинированными орудиями: их края обработаны некрутой ретушью или имеют выемки.

Коллекция включает два скребла. Одно на плоской гальке, на длинных краях которой оформлены два слегка выпуклых (дуговидных) лезвия. Второе скребло, изготовленное на крупном аморфном куске, расколото. Длинное лезвие, обработанное крупной крутой ретушью, плавно переходит на смежный край (рис. 2, 12).

Изделия с выемками условно можно отнести к скобелям (рис. 2, 9-11). Большинство изготовлено на пластинах, среди которых преобладают сечения. Рабочий участок имеет вид короткой неглубокой выемки, иногда нескольких, образующих выпукло-вогнутое извилистое лезвие. Выемки оформлены крутой краевой дорсальной или вентральной ретушью. Они располагаются по краю, в его средней части, либо у угла, редко на торце. Некоторые изделия имеют дополнительную подправку на углах, восемь несут некрутую ретушь по краю, иногда – резцовые сколы.

Изделия с ретушью по краю (рис. 2, 13-15) изготовлены в основном на пластинах (81%), среди которых преобладают средние и длинные сечения. Характерным признаком этой категории орудий является оформление рабочего края некрутой или пологой ретушью. Лезвия в большинстве случаев прямые, реже – слегка вогнутые и выемчато-зубчатые. Все изделия на отщепях – однолезвийные, среди орудий на пластинах 15% ретушированы по обоим краям. Две пластины дополнительно имеют выемки у угла, два орудия на отщепях – острия типа проколки и резчика.

Представительна серия пластин со скошенными ретушью углами (рис. 2, 16). Преобладают средние и короткие сечения. Ретушь мелкая и средняя крутая, чаще вентральная. Число скошенных углов – от одного до четырех.

Почти у всех изделий края несут следы сработанности. Очевидно, перед нами одна из разновидностей вкладышей, углы которых сняты преднамеренно уже после фрагментации пластин, о чем свидетельствует ремонт фрагментов (рис. 2, 17, 18). Среди изделий со следами сработанности, но без вторичной обработки имеются 83 пластины и сечения с обломанными углами, вероятно, функционально близкие указанным вкладышам (рис. 2: 19).

Изделия с поперечной ретушью (на торце заготовки) распадаются на две группы. Первая – это пластины массивного сечения с прямым перпендикулярным или скошенным концом, обработанным крутой ретушью (рис. 2, 20, 21). Рабочий конец может располагаться на суженном дистальном конце пластины (так называемые микроскрепки, или долотца) или иметь ширину, равную ширине пластины. Вторая группа – пластины и сечения с усеченным некрутой дорсальной ретушью концом, прямым, иногда со слабым скосом, либо вогнутым (рис. 2, 22).

Острия, за исключением одного, изготовлены на пластинах (рис. 2, 23). Большинство является, по-видимому, проколками; их рабочий конец в виде тонкого жальца оформлен дорсальной, вентральной или противоположающей ретушью. Изделий с плечиками и без плечиков, симметричных и асимметричных примерно поровну. Одно орудие с более массивным концом могло служить сверлом.

К долотовидным орудиям отнесены три разнотипных изделия. Наиболее выразительное – с узким желобчатым рабочим краем – напоминает *pièces à cailles* (рис. 2, 24). Одно орудие расколото пополам, на противоположающем долотовидному лезвию конце имеет острие типа резчика.

Ретушеры – изделия на случайных заготовках с характерной смятостью краев.

Оригинальное орудие изготовлено на плоской кремневой гальке. На ее узком конце короткими сколами оформлен выступ, поверхность которого заглажена и заполирована до блеска.

Среди орудий из некремневых пород имеются отбойники (5 экз.) Четыре – из галек, у двух из них плоские поверхности заложены. Один отбойник изготовлен из куска кварцита путем частичной двусторонней оббивки. Слегка заглаженную поверхность имеют три плитки песчаника, возможно, предварительно обработанные пикетажем. Две сланцевые плитки имеют забитые края; у двух других поверхность затерта, а на концах заметны следы, характерные для ретушеров.

Стоянка Ёвдино II, пункт 4. Расположена на окраине дер. Ёвдино Княжпогостского района, на краю 11-метровой боровой террасы правого берега р. Вынь, в 0,5 км вверх по течению от устья ее притока – р. Ёлва. От современного русла терраса отделена частично заболоченной I надпоймой, ширина которой 100-150 м. Поверхность на месте стоянки ровная, с небольшим уклоном к реке. В результате современной хозяйственной деятельности памятник в значительной степени разрушен. Из четырех

пунктов сбора подъемного материала мезолитического облика ненарушенный чистый культурный слой сохранился в пункте 4. В остальных местах он переотложен либо нарушен поселением эпохи бронзы.

В пункте 4 мезолитическая стоянка занимает площадь около 700 кв. м; раскопано 102 кв. м. Культурный слой в виде прерывистой прослойки пестроцветного песка (пол жилища) мощностью 0,02-0,10 м залегал под подзолом на глубине около 0,20 м от поверхности и подстилался ярко-желтым иллювием, не содержавшим находок. Последние встречались по всей толще подзола, но преимущественно в его нижней части. За пределами жилища культурный слой особой окраской не выделялся.

Жилище (рис. 5-А) – наземное, прямоугольной формы, размером 5,2х3,2-4,2 м. Продольной осью ориентировано перпендикулярно бровке террасы. Выход расположен в середине торцевой стенки и обращен к реке. Он фиксировался как язык культурного слоя грушевидной в плане формы, длиной 1,7 и шириной 1,3 м. В средней части жилища у длинных стен находились две многоугольные ямы. Их размеры – 1,5х1,1-1,4 м, глубина в материке – 0,5 м. У одной ямы стенки прокалены, на дне лежал сгоревший пень корнями вверх; в заполнении другой отмечены угольки. Обе ямы, вероятно, являлись очажными. Основная часть инвентаря залегала в удаленной от входа половине помещения, а в передней части, до очагов, находки были единичны. За пределами жилища кремль встречался редко и не образовывал скоплений.

Каменный инвентарь представлен почти исключительно кремнем: 2849 предметов, в том числе 182 чешуйки. Кремль преимущественно желвачный меловой: белый, серый, черный, красный, часто полупрозрачный; а также беловатый низкого качества. Обломочный материал почти не использовался. Техника расщепления характеризуется как пластинчатая микролитическая. Все нуклеусы конусовидные прямоплощадочные двух вариантов (рис. 3, 1, 2): округлого поперечного сечения, иногда сработанные до карандашевидных; и уплощенного сечения, с негативами пластин на узких сторонах. Высота нуклеусов – 4,0-7,2 см, диаметр площадок – 2,5-4,0 см; у карандашевидных – соответственно 3,5 и 0,5 см. Площадки тщательно подработаны, имеются сколы их подживления. Среди пластин преобладают правильные, шириной 0,4-1,5 см, с двумя-тремя и более гранями на спинке. Большинство пластин расчленено на длинные фрагменты, у многих усечен дистальный, изогнутый в профиле конец. Короткие сечения не характерны. Довольно многочисленны и широкие (более 1,5 см) пластины. Отщепы в большинстве мелкие. Более 230 предметов, в основном пластин, имеют заметные следы сработанности. 159 предметов несут вторичную обработку (табл. 1).

Ведущим типом заготовок для орудий являлись правильные пластины, целые или с удаленным (обломанным) концом, реже – сечения, преимущественно длинные. Орудия из отщепов и прочих сколов составляют 10%. Основные приемы вторичной обработки – резцовый скол и краевая ретушь, чаще всего мелкая.

Резцы (рис. 3, 3-5) в подавляющем большинстве оформлены резцовым сколом на углу сломанной пластины. Преобладают одинарные, встречаются двойные, один – четверной. В одном случае поверх резцового скола нанесена мелкая ретушь. На 11-ти орудиях, кроме того, имеется ретушь: по краю или на углу. Она оформляет выемки или прямое крутое лезвие на конце, противоположном рабочей части резца. Два резца на отщепах, один из них многофасеточный.

Скребки (рис. 3, 6, 8) изготовлены на пластинах и пластинчатых отщепах. Большинство – концевые однолезвийные с дуговидным рабочим краем. Три скребка трехлезвийные, из них один овальной формы. Имеется боковой скребок на пластинчатом отщепе.

Изделия с выемкой изготовлены из отщепов, треть – из широких пластин (рис. 3: 7). Большинство имеет один рабочий участок, преимущественно в виде короткой выемки по краю или на конце заготовки. У трех орудий по две выемки, расположенные на концах или крае, причем у одного двухлезвийного торцевого скобеля продольный край снят на всю длину резцовым сколом. К этой категории отнесено и оригинальное орудие на массивной пластине с выемчато-зубчатыми краями и концом.

Для изделий с ретушью по краю (рис. 3, 9, 11, 12) использовались преимущественно фрагментированные пластины с отсеченным проксимальным или дистальным концом; сечения единичны. 27% орудий изготовлены из отщепов. Все изделия однолезвийные, с прямым или слегка вогнутым рабочим краем. Дорсальная и вентральная ретушь использовалась одинаково часто. У двух орудий вентральной ретушью снят угол, одно – скомбинировано со скобелем. Кроме того, имеются короткое сечение со скошенным крутой мелкой ретушью углом и три сечения без вторичной обработки с обломанными углами.

Изделия с поперечной ретушью (рис. 3, 13, 14). Представлены серией микроскребков с прямым лезвием, массивной пластиной со слегка скошенным концом и 17-ю изделиями с усеченным ретушью концом. Примечательно, что такую обработку имеют не только пластины, но и несколько отщепов.

Острия (рис. 3, 10) с симметричным или слегка асимметричным тонким жальцем, без плечиков, изготовлены из нешироких пластин и осколка; у одного из них обработаны и края. Одно орудие совершенством формы и тщательностью отделки напоминает наконечник стрелы (рис. 3, 15). Однако затупленное и фасетированное жальце заставляет предположить его использование в качестве сверла. Впрочем, нельзя исключать и возможность вторичной утилизации наконечника. Возможно, наконечником стрелы является обломок пластины с дорсальной пологой ретушью на краях (один край ретуширован частично). По размерам и характеру обработки это изделие (рис. 3, 16) напоминает указанное острие.

К макроорудиям можно отнести узкое длинное долото (трасологическое определение Н. А. Алексахенко, ИИА УрО РАН) из кремнистой опоки (рис.

3, 17). Оно имеет подтреугольное поперечное сечение и дуговидное, слегка асимметричное в профиле лезвие, оформленное с обеих сторон длинными параллельными пластинчатыми сколами. Боковые грани обработаны неровной крупной многоступенчатой ретушью. В коллекции имеется обломок рабочей части подобного же орудия из кремня. Второе орудие из кремнистой опоки – узкое, подтреугольного сечения, с аналогичной долоту обработкой граней – являлось полифункциональным. Один его конец использовался в качестве ретушера. На противоположном конце оформлены два коротких дуговидных лезвия, имевшие скребущую функцию (трассологическое определение Н. А. Алексашенко). В жилище найдено пять отбойников из кварцевых галек стандартной формы и размеров, а также овальный, плосковыпуклый в профиле кусок песчаника. Его поверхность выкрошена в результате действия огня.

Стоянка Ляльский Бор, участки 2-3. Расположена в 1,5 км к западу от дер. Ляли (Мыдлапыв) Княжпогостского района, на краю 10-12-метровой боровой террасы правого берега р. Вымь. Современное русло находится в 1,2 км от нее, за заболоченной I надпойменной террасой. Поверхность боровой террасы неровная, увалистая. Стоянка занимает гривообразное всхолмление высотой 4-5 м над уровнем болота. На поверхности выявлено четыре участка распространения подъемного материала, на трех из которых (общая площадь 150 кв. м) собран кремень мезолитического облика. Находки с участка 1 относятся к неолиту.

Раскопом площадью 104 кв. м исследованы участки 2 и 3. На каждом из них обнаружено пятно-скопление культурных остатков, не превышающее 6-7 м в диаметре. Разделяющее их пространство протяженностью 10 м полностью лишено находок. На участке 3 культурный слой в виде горизонта залегания находок располагался в нижней части подзола и в верхней части темно-желтого иллювия на глубине от 0,05-0,10 до 0,15-0,20 м от поверхности. Большая часть находок (кремень, кальцинированные косточки) концентрировалась в неглубоком, до 0,07 м, западании в материке, размерами 4x5,5 м. На дне западины отмечено шесть овальных и округлых ямок диаметром 0,2-0,3 м, впущенных в материк и заполненных песком с угольками, вероятно, столбовых. В центральной части этого объекта располагалось скопление кремня, содержавшее главным образом отходы производства. Вне западины находки были единичны. Столь компактное расположение культурных остатков в небольшом углублении в материке и наличие мелких ямок позволяет предположительно интерпретировать объект как остатки легкого наземного сооружения типа шалаша или ветрового заслона (Волокитин, Косинская, 1999. С. 11-14).

На участке 2 горизонт залегания находок, также приуроченный к подзолу и иллювию, был частично разрушен в результате эрозии верхнего слоя почвы. На этом участке в материке прослежены три ямки диаметром от 0,06 до 0,37 м с углистым заполнением. Помимо кремня обнаружены небольшие скопления мелких кальцинированных костей.

Каменный инвентарь участков 2 (40 предметов) и 3 (1038 предметов) сходен по характеру сырья, особенностям техники расщепления, типологии орудий, что позволяет рассматривать его суммарно. Судя по составу продуктов расщепления, на стоянке производился полный цикл обработки кремня. Использовался валунный и галечный кремль, в основном серый пятнистый, реже однотонный и крапчатый серого и красного цветов. Нуклеусы – конусовидные округлого сечения, с продольным ребром. Почти все сколы поджигления площадок сняты под углом к продольной оси ядрищ. Большинство пластин – правильные, преобладающая ширина – 0,6-1,5 см. Сечения в основном средние и длинные. Отщепы преимущественно мелкие. Вторичную обработку имеют 56 изделий, из них девять происходят с участка 2. Основной тип заготовок – правильные пластины.

Резцы (рис. 4, 1-3) на углу сломанных пластин, в большинстве одинарные, два – двойные. Три орудия несут частичную ретушь на краях, одно скомбинировано с концевым прямолезвийным скребком.

Скребки (рис. 4, 4, 5) – концевые на широких пластинах, также относятся к комбинированным орудиям: у одного по краю имеется выемка, у двух края обработаны некрутой краевой ретушью.

Изделия с выемками (рис. 4, 6), за исключением двух, изготовлены из пластин. Большинство – однолезвийные с выемчатым или выпукловогнутым рабочим краем, оформленным вентральной ретушью.

Среди изделий с ретушью по краю (рис. 4, 7-9) преобладают орудия на проксимальных частях пластин и сечениях, чаще с ретушью по одному краю. Найдены два сечения со снятыми ретушью углами (рис. 4, 14).

К изделиям с поперечной ретушью относятся три микроскребка и массивная пластина с прямым скошенным лезвием на конце (рис. 4, 10, 11). Последняя использовалась в качестве концевого скребка по шкурам, а один из микроскребков как резчик по кости и рогу. Из четырех пластин с усеченным ретушью концом два (рис. 4, 12) служили вкладышами мясных ножей (трасологическое определение Г. Ф. Коробковой, ИИМК РАН).

Острия (рис. 4, 13) с тонким жальцем, без плечиков изготовлены на пластине и на осколке случайной формы.

Орудийный набор дополняют ретушер на аморфном куске кремня с частичной подтеской рабочих участков мелкими сколами и отбойник из уплощенной кварцевой гальки.

Стоянка Ыджыд-ты. Находится на левобережье Вычегды, в 1 км от дер. Коквицы (Кырув) Усть-Вымского района. Стоянка расположена на восточном краю останца 10-метровой боровой террасы Вычегды, в 1,5 км от современного русла. С западной стороны останец ограничен долиной р. Виямва, вытекающей из старичного озера Ыджыд-ты. Высота памятника над уровнем заболоченной I надпойменной террасы Вычегды – не более 3 м. По распространению подъемного материала площадь стоянки определяется примерно в 100 кв. м. Культурные остатки залегают разрозненными пятнами-скоплениями, как и на стоянке Ляльский Бор.

Раскопом 52 кв. м исследовано одно из них. Культурный слой в виде прослойки желтого песка с углистыми вкраплениями (заполнение жилища) залегал под подзолом на глубине 0,15-0,25 м и подстился коричневым ортзандом. Находки встречались и в нижней части подзола.

Жилище относится к типу наземных (рис. 5-Б). Оно фиксировалось в виде маломощного пятна культурного слоя, в плане подквадратной формы, с длиной стороны 2,8 м. Северная граница не прослеживалась и предположительно реконструируется по намеченному северо-восточному углу и северной границе распространения кремня. Вероятно, с этой стороны располагался выход, поскольку севернее отмечены единичные находки. Таким образом, продольной осью жилище могло быть ориентировано вдоль бровки террасы. У западной стенки располагалась овальная яма, врезанная в материк, в заполнении которой найдено значительное количество орудий. Очаг не обнаружен. За пределами жилища кремень почти не встречался. В 4 м к югу от него зафиксирована подпрямоугольная яма размерами 1,2x0,7 м и глубиной 0,4 м, заполнена желтым песком с углистыми включениями. Около нее лежало несколько кремневых изделий.

Инвентарь насчитывает 133 предмета (из них 10 чешуек) из высококачественного серого кремня, реже – желтого и красного мелкокрапчатого. Нуклеусы не найдены, но преобладание правильных пластин, ребристые пластины и сколы поджигления площадок нуклеусов характеризуют технику расщепления. Большинство пластин имеют ширину 0,6-1,5 см, более половины – сечения, в основном средние и длинные. На многих пластинах без вторичной обработки фиксируются значительные следы сработанности.

Вторичную обработку имеют 37 предметов. Резцы (рис. 5-В, 1) из сечений пластин одинарные на углу слома, один – четверной; у одного резца край подправлен пологой ретушью. Скребки (рис. 5-В, 2) концевые на пластинах и на сколах с нуклеусов; один из последних скомбинирован с ретушером. Одно короткое сечение имеет выемку по краю, его торец подработан двусторонней краевой ретушью. Наиболее многочисленны изделия с ретушью по краю (рис. 5-В, 3, 4). Подавляющее большинство – из фрагментированных пластин, среди которых преобладают сечения; некоторые из них подбираются (ремонтаж). Ретушь по одному или обоим краям оформляет прямое, реже слегка вогнутое или извилистое лезвие. Дислокация ретуши разнообразна. К изделиям с поперечной ретушью относятся две массивные пластины с прямым, скошенным крутой ретушью концом (рис. 5-В, 5, 6). Единственное острие – проколка с коротким жальцем на углу отщипа.

Стоянка Ярега. Находится на краю 9-метровой боровой террасы правого берега Вычегды, в 2,5 км от дер. Большая Слуда Сыктывдинского района. Площадь стоянки составляет около 300 кв. м. Памятник в значительной степени разрушен при прокладке грунтовой дороги. В шурфе площадью 6 кв. м прослежена обычная для боровых террас стратиграфическая колонка,

которая отличается лишь значительной (до 0,48 м) мощностью подзола. Находки залегали в подзоле и подстиляющем иллювии до глубины 0,50-0,55 м. В основании иллювия прослежена подпрямоугольная яма длиной около 0,8 м и глубиной 0,25 м, заполненная мешаным желто-белым песком с угольками и отдельными кремневыми изделиями.

Каменный инвентарь включает 740 кремневых предметов (в том числе 67 чешуек), два обломка кварцевой гальки и крупную уплощенную сланцевую гальку с заглаженными и залощенными ребрами. Кремьень беловатый, серый пятнистый и однотонный, красный полупрозрачный, в основном с известковой желвачной коркой. В инвентаре высока доля отходов, связанных с первичной обработкой: обломок желвака, первичные сколы, аморфные куски. Имеется крупная заготовка нуклеуса. Хотя пластины и сечения малочисленны, их правильное огранение, наличие микропластин, ребристых пластин, сколов с площадок карандашевидных нуклеусов свидетельствуют о развитой пластинчатой технике. Среди сечений преобладают длинные.

Состав орудий типичен для мезолитических комплексов, но из пластин изготовлена лишь половина, что является особенностью данного памятника и может указывать на его относительно поздний возраст. В единственном числе представлены резец на углу сечения (рис. 4, 15) и концевой скребок на пластине (рис. 4, 16). Небольшие серии образуют изделия с выемками, изготовленные из пластин, отщепов и высоких в сечении краевых сколов (рис. 4, 17), и изделия с поперечной ретушью на пластинах и пластинчатых отщепах (рис. 4, 20, 21). Среди последних четыре имеют массивное прямое скошенное торцовое лезвие и два – усеченный ретушью конец. Серией представлены также пластины с ретушью по краю, прямому или вогнутому (рис. 4, 18, 19). Орудие на массивном первичном сколе имеет два смежных лезвия, обработанных крупной пологой неровной ретушью.

Немногочисленный материал остальных памятников, в большинстве разрушенных, по морфолого-типологическим характеристикам повторяет описанный выше.

При сравнении инвентаря описанных стоянок выявляется ряд общих черт, присущих всем комплексам:

- сходный характер кремневого сырья при почти полном отсутствии других пород;
- близкие приемы расщепления с использованием конусовидных ядрищ параллельной системы скалывания;
- высокая степень микролитизации пластинчатой техники: пластины шириной 0,6-1,5 см составляют от 70 до 88% в каждой коллекции; среди прочих продуктов расщепления преобладают мелкие (75-88%);
- высокий индекс пластинчатости орудий (67-92%);
- широкое распространение прямоугольных сечений-вкладышей и отсутствие геометрических форм;
- крайне «экономное» применение вторичной обработки с использованием только техники резцового скола и краевой ретуши, преимущественно мелкой;

- сходный типологический набор орудий;
- отсутствие специально изготовленных инструментов из некремневых пород.

Вместе с тем, ряд особенностей в технике расщепления и типологии орудий позволяет разделить памятники на две группы. Следует оговориться, что в силу малочисленности ряда коллекций, группы выделены с определенной долей вероятности. Некоторые особенности имеют количественный характер, они выявлены путем статистического анализа (Косинская, 1988).

Первую группу образуют стоянки Ёвдино II, пункт 4, Ыджыд-ты и Ярега. Для них характерны только конусовидные нуклеусы округлого и уплощенного сечения, а также карандашевидные; слабо выраженная тенденция укрупнения пластин по сравнению со второй группой памятников и преобладание длинных сечений (Косинская, 1988. С. 40-45); отсутствие скрёбел; преобладание скребков на пластинах; острия без плечиков; многочисленность изделий с поперечной ретушью, в том числе на отщепах.

Во вторую группу входят стоянка Ветью II и некоторые из разрушенных памятников. Инвентарь этой группы характеризуется следующими особенностями: конусовидные нуклеусы с ребром, а также призматические; тенденция к большей микролитизации пластинчатой техники и преобладание коротких сечений (Косинская, 1988. С. 40-45); высокая доля резцов; преобладание скребков на отщепах; скрёбла; вкладыши со снятыми ретушью или обломанными углами; пластины с выемкой у угла или на торце; немногочисленность изделий с поперечной ретушью.

Стоянка Ляльский Бор (уч. 2-3) занимает промежуточное положение между обеими группами. Кроме того, следует отметить и такие единичные черты, как галечное сырье и орудия на гальках (стоянка Ветью II); наконечник стрелы (?) и макроорудия из опоки (стоянка Ёвдино II, пункт 4).

Какой характер носят различия, выявленные в инвентаре нижневычегодских памятников? Связаны ли они с культурной спецификой, вызваны ли причинами хронологического порядка или отражают особенности хозяйственной деятельности обитателей стоянок? Для решения вопроса о датировке и культурной принадлежности рассмотрим круг аналогий каждой из двух групп стоянок нижней Вычегды.

Ближайшими аналогиями памятникам ёвдинской группы являются средне- и верхневычегодские стоянки мезолита (Буров, 1965; Логинова, 1985), для которых также характерны конусовидные и карандашевидные нуклеусы, преобладание длинных сечений, значительные серии пластин с поперечной ретушью, в том числе микроскребков, единичные наконечники стрел на пластинах и крупные рубящие орудия, правда, других типов. Стоянки ёвдинской группы, как и средне-верхневычегодские, проявляют значительное сходство с камскими стоянками типа Нижнеадищевской (Бадер, 1951) и культурно близкими им группами памятников в устье Камы

(Косменко, 1977) и в Камско-Вятском междуречье (Гусенцова, 1981). Жилище стоянки Ёвдино II, пункт 4, как и в указанных районах, относится к типу наземных прямоугольных; по размерам и устройству оно напоминает жилища поселения Баринка I на Вятке (Гусенцова, 1981. С. 55). Можно полагать, что ёвдинская группа нижневыхегодских стоянок входит в круг памятников с микролитическим инвентарем приуральской традиции (Волокитин, 1997. С. 106-107). Охватывая весь бассейн Вычегды, она является одним из вариантов широкой общности приуральского мезолита. Возраст памятников типа Ёвдино II приходится определять на основе указанных аналогий, поскольку ^{14}C дата по образцу угля из очага ёвдинского жилища оказалась неудачной. Средневыхегодский мезолит Г.М. Буров относит к VIII-VII тыс. до н.э. (Буров, 1986. С. 5). А.В. Волокитин ограничивает время существования приуральской традиции на Европейском Северо-Востоке VIII тыс. до н.э. (Волокитин, 1997. С. 118). Нижнекамские стоянки М.Г. Косменко датирует концом бореала-атлантиком (Косменко, 1977. С. 99). Вятские поселения типа Баринка I отнесены к VI-V тыс. до н.э. (Гусенцова, 1981а. С. 6). Аналогии долоту и наконечнику (?) со стоянки Ёвдино II, п. 4 обнаруживаются в материалах стоянок Бозяковская I, Щербетьевская II в Среднем Поволжье, датируемых V тыс. до н.э. (Халиков, 1969. Рис. 11, 14). Эти орудия, на наш взгляд, могут указывать на относительно молодой возраст памятников ёвдинской группы в пределах позднего мезолита: конец бореала и/или начало атлантика, т.е. VII-VI тыс. до н.э. по некалиброванной шкале. Это не исключает возможности существования в данном районе и более древних стоянок бореального возраста.

Памятники типа Ветью II имеют меньше аналогий на смежных территориях. По некоторым признакам их инвентарь сходен с материалами стоянки Парч и других памятников парчевской культуры (скребла, в том числе рассеченные, короткие сечения, пластины с выемкой у угла) (Волокитин, 1986; 1997. С. 109-111), но не менее существенны и различия в технике расщепления, степени развития и микролитизации пластинчатой индустрии, типологическом наборе орудий. В большей степени Ветью II сближается с северодвинскими стоянками Филичаевское II, III (Верещагина, 1977) по микролитическому характеру пластинчатой техники, распространенности коротких сечений и призматических нуклеусов. Но по ряду других признаков Филичаевские стоянки близки ёвдинской группе, а И. В. Верещагина отмечает их значительное сходство с верхне- и средневыхегодскими (Верещагина, 1977. С. 93). Некоторые особенности инвентаря стоянок группы Ветью обнаруживают аналогии на памятниках Верхневолжья и Волго-Окского междуречья. Прежде всего, отметим короткие, в том числе трапециевидные сечения (Гурина, 1977. С. 24-25), в целом не характерные для ёвдинской группы. Особенно выразительны параллели с мечерскими памятниками бутовской культуры (Сорокин, 1984): частое применение приема снятия углов сечений путем ретуширования или

обламывания, пластины с выемкой у угла, острия с плечиками, короткие сечения. Различия не менее существенны, в первую очередь это отсутствие на стоянке Ветью II наконечников стрел и геометрических микролитов. Определенные аналогии некоторым типам орудий имеются и в сухонской мезолитической культуре (Ошибкина, 1983. С. 266).

Возраст стоянки Ветью II определяется по аналогии с вышеперечисленными памятниками. В целом ее инвентарь, лишенный архаических типов изделий, характерных для мещерских комплексов бутовской культуры, выглядит более поздним. Мезолит Мещеры раньше датировался VI тыс. до н.э. (Сорокин, 1984. С. 63), но сейчас на основе радиоуглеродных дат относится к концу пребореала–бореалу в пределах середины VIII – середины VII тыс. до н.э. (Кравцов, 1987). Сухонская культура существовала в конце бореального и начале атлантического периодов (конец VII – первая половина VI тыс. до н.э.) (Ошибкина, 1983: 43), парчевская – в бореале (VII тыс. до н.э.) (Волокитин, 1997. С. 116). Таким образом, возраст стоянки Ветью II и близких ей памятников определяется приблизительно VII–VI тыс. до н.э.

Возможно, памятники ёвдинской группы по отношению к стоянкам типа Ветью несколько моложе, на что указывают, как будто, определенные различия в соотношении орудий на пластинах и отщепах, вариациях ширины пластин, наборе орудий. Верхний хронологический рубеж мезолитических комплексов, вероятнее всего, следует ограничить началом атлантического периода голоцена, учитывая датировки ранних неолитических комплексов европейского Северо-Востока Пезмог IV (Карманов, 2003. С. 50) и Прилукская (Тимофеев, Зайцева, 1996. С. 52), относящие их к средней поре Атлантикума.

Делать определенные выводы о культурном различии или единстве памятников обеих групп не позволяет ограниченный объем материала. Пока очевидно, что в инвентаре стоянок ёвдинской группы более отчетливо выражены камские (приуральские) традиции, а на памятниках типа Ветью II проявляются, хоть и в весьма ослабленном виде, волго-окские или парчевские. Очевидно, уже в позднем мезолите население Вычегодского бассейна было смешанным, но процесс взаимной ассимиляции приуральской и западной традиций не был завершен.

Все рассмотренные нижневычегодские стоянки являлись недолговременными поселениями, о чем свидетельствуют их небольшие размеры и сравнительно бедный культурный слой. Однако в составе инвентаря и характере построек имеются различия, указывающие на определенные хозяйственно-бытовые особенности комплексов. Отсутствие жилых сооружений на стоянке Ветью II и легкие наземные жилища без очагов на стоянках Ляльский Бор и Ыджыд-ты дают основания предполагать, что они были обитаемы в теплое время года. В противоположность этому теплое жилище на стоянке Ёвдино II и почти полное отсутствие культурного слоя за его пределами можно расценивать как признак зимнего характера последнего.

Обработка кремня производилась в том или ином объеме на всех поселениях. Для сравнения их между собой по степени полноты цикла кремнеобработки и интенсивности отдельных его фаз предлагается следующая методика, основанная на статистическом анализе. Весь кремневый инвентарь объединяется в три группы, отражающие разные стадии кремнеобработки. Для первой стадии (первичная обработка кремня от исходного сырья до подготовленных нуклеусов) специфичными являются такие категории как желваки и их обломки, первичные сколы, аморфные куски (группа А). Следующая стадия – снятие заготовок с нуклеусов характеризуется самими ядрищами и их обломками, а также различными сколами с нуклеусов – продольными, поперечными сколами с площадок, ребристыми пластинами и сколами (группа Б). Все остальные продукты расщепления, возникающие на обеих стадиях (отщепы, осколки, пластинчатые отщепы, пластины и их фрагменты), объединяются в группу В. Степень сходства комплексов оценивается методом Брейнерда-Робинсона с учетом количественных тенденций признаков и статистической значимости различий, определяемых с помощью критерия Пирсона (Косинская, 1988. С. 34-36).

По численности групп А, Б и продуктов расщепления с желвачной коркой и без нее в группе В тенденции совокупности и парные коэффициенты сходства показывают, что наибольшую близость между собой проявляют стоянки Ветью II, Ыджыд-ты и Ляльский Бор (табл. 2, 3). Они характеризуются пониженной тенденцией численности группы А и пониженной или близкой к норме тенденцией группы Б. Меньшее сходство с ними имеет стоянка Ёвдино II, пункт 4, у которой аномально высока тенденция численности группы Б. Особняком стоит стоянка Ярега, проявляющая повышенные тенденции численности группы А и продуктов расщепления с коркой. Ее можно отнести к стоянкам-мастерским неполного цикла (Касымов, Крижевская 1969), где производилась преимущественно первичная обработка исходного сырья. Это подтверждается и незначительным количеством орудий – 2,8% всего кремневого инвентаря (без чешуек). На стоянке Ёвдино II в зимнем жилище обработка сырья играла меньшую роль; заготовки получали в основном с уже оформленных нуклеусов. Памятники этого типа можно условно отнести к домашним мастерским. Орудия здесь составляют 6%. Стоянки Ветью II и Ляльский Бор выглядят как неспециализированные летние поселения с полным циклом кремнеобработки; количество орудий на них соответственно – 4,9 и 5,5%. Стоянка Ыджыд-ты, имеющая высокие парные коэффициенты сходства с ними, также не является специализированной в области обработки кремня. Но очень высокая доля орудий – 30,1%, ограниченный их набор (в основном вкладыши), малые размеры жилища позволяют предположить, что перед нами остаток недолговременного промыслового стойбища.

Выявленные различия в типах поселений позднего мезолита указывают на достаточно сложную организацию хозяйственной деятельности древних производственных коллективов на протяжении года.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бадер О.Н.* Стоянки Нижнеадищевская и Боровое озеро I на р. Чусовой // МИА. М.: Изд-во АН СССР, 1951. №22. С. 7–32.
- Буров Г.М.* Вычегодский край. М.: Наука, 1965.
- Буров Г.М.* Крайний северо-восток Европы в эпоху мезолита, неолита и раннего металла: Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук / СО АН СССР. Новосибирск, 1986.
- Верещагина И.В.* Мезолитические памятники на Северной Двине // КСИА. М., 1977. Вып. 149. С. 89–93.
- Волокитин А.В.* Новые данные по мезолиту Европейского Северо-Востока // Памятники материальной культуры на Европейском Северо-Востоке.. Сыктывкар, 1986. С. 22–34. (МАЕСВ: Вып. 10).
- Волокитин А.В.* Мезолит // Археология Республики Коми. М., 1997. С. 91–145.
- Волокитин А.В., Косинская Л.Л.* Мезолитические жилища Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 1999. 36 с. (Научные доклады / Коми научный центр УрО РАН. Вып. 414).
- Гурина Н.Н.* К вопросу о некоторых общих и особенных чертах мезолита лесной и лесостепной зон европейской части СССР // КСИА. М., 1977. Вып. 149. С. 20–30.
- Гусенцова Т.М.* Новые мезолитические поселения в междуречье Камы и Вятки // СА, 1981. № 3. С. 130–147.
- Гусенцова Т.М.* Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / АН СССР, ЛОИА. Л., 1981а.
- Касымов М.Г., Крижевская Л.Я.* О классификации кремнеобрабатывающих мастерских // СА, 1969. № 1. С. 21–29.
- Косинская Л.Л.* Некоторые результаты статистического анализа кремневого инвентаря стоянок каменного века бассейна Вычегды // Памятники эпохи камня и металла Северного Приуралья. Сыктывкар, 1988. С. 33–47. (МАЕСВ; Вып. 11).
- Косменко М.Г.* Мезолит Среднего Поволжья // КСИА. М., 1977. Вып. 149. С. 94–100.
- Кравцов А.Е.* О хронологии мезолитических и ранненеолитических памятников Мещерской низменности // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья. Тез. докл. Калуга, 1987. С. 14–17.
- Логинова Э.С.* Мезолитические стоянки средней Вычегды // Археологические памятники Северного Приуралья, Сыктывкар, 1985. С. 16–30. (МАЕСВ; Вып. 9).
- Ошибкина С.В.* Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М.: Наука, 1983.
- Сорокин А.Н.* Мезолит Великих Мещерских озер // СА, 1984. № 1. С. 46–65.
- Халиков А.Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969.

Кремневые орудия мезолитического памятников нижней Вычегды

КАТЕГОРИИ ОРУДИЙ	ПАМЯТНИКИ					
	Ветью II	Дьяльский Бор	Ёвдино II	Ыджыд-ты	Ярега	
I Резцы	269	9	38	5	1	
	1. Скребки 2. Скре́бла	3	16	4	1	
II	2	—	—	—	—	
	Изделия с выемкой	8	14	1	6	
III	61	8	14	1	6	
	1. Изделия с ретулью по краю 2. Пластинки со скошенными углами	23	33	24	5	
IV	81	2	1	—	—	
	Изделия с поперечной ретулью	8	46	2	6	
V	33	2	4	1	—	
	Острия	2	1	—	—	
VI	9	—	1	—	—	
	Наконечники стрел	—	1	—	—	
VII	—	—	2	—	—	
	Долотовидные орудия	1	1	—	—	
VIII	3	—	—	—	—	
	Отжимники, ретушеры	1	1	—	—	
IX	5	—	—	—	—	
	Прочие: обломки, заготовки и т.п.	—	3	—	—	
X	6	—	—	—	—	
ВСЕГО:		653	56	159	37	19

Соотношение численности групп А, Б и продуктов с желвачной коркой и без нее в группе В

КОМПЛЕКСЫ	ПОКАЗАТЕЛЬ ИСЧИСЛЕНИЯ	ГРУППА А	ГРУППА Б	ГРУППА В	
				С СКОРКОЙ	БЕЗ КОРКИ
КОЛИЧЕСТВО					
Ветью II	12900	142	368	1715	10675
Ыджыд-гы	117	1	6	18	92
Ляльский Бор, уч. 2-3	1001	9	47	151	794
Ёвдино II, пункт 4	2626	64	187	422	1953
Ярега	671	39	24	156	452
ЧАСТОСТЬ СОВОКУПНОСТИ					
Ветью II	100,0	1,1	2,9	13,3	82,7
Ыджыд-гы	100,0	0,9	5,1	15,4	78,6
Ляльский Бор, уч. 2-3	100,0	0,9	4,7	15,1	79,3
Ёвдино II, пункт 4	100,0	2,4	7,1	16,1	74,4
Ярега	100,0	5,8	3,6	23,2	67,4
НОРМА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ		2,2	4,7	16,6	76,5
ТЕНДЕНЦИИ СОВОКУПНОСТИ					
Ветью II		0,5	0,6	0,8	1,1
Ыджыд-гы		0,4	1,1	0,9	1,0
Ляльский Бор, уч. 2-3		0,4	1,0	0,9	1,0
Ёвдино II, пункт 4		1,1	1,5	1,0	1,0
Ярега		2,6	0,8	1,3	0,9

Матрица парных коэффициентов сходства

Таблица 3

ПАМЯТНИКИ	Ветью II	Ыджыд-ты	Ляльский Бор, уч. 2-3	Ёвдино II, пункт 4	Ярега
Ветью II	-	97,9	96,4	91,7	84,7
Ыджыд-ты	97,9	-	99,3	95,8	87,5
Ляльский Бор, уч. 2-3	96,4	-	-	95,1	87,0
Ёвдино II, пункт 4	91,7	95,8	95,1	-	89,5
Ярега	84,7	87,5	87,0	89,5	-

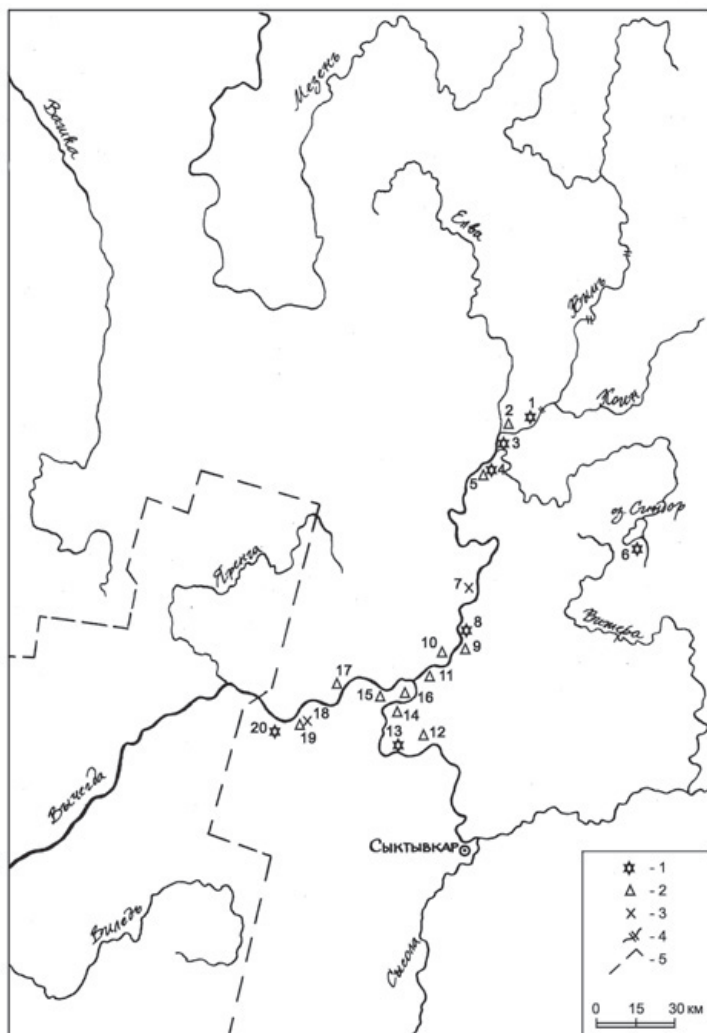

Рис. 1. Карта мезолитических памятников нижней Вычегды и Вымы.
 1 – Божьюдор; 2 – Ёвдино II; 3 – Весляна; 4 – Ветью; 5 – Ветью II;
 6 – Вис I; 7 – Половники; 8 – Часадор; 9 – Остров; 10 – Ляльский Бор;
 11 – Ероздино I; 12 – Ярега; 13 – Палевица II; 14 – Корьев;
 15 – Кожмудор; 16 – Ыджыд-ты; 17 – Арабач II; 18 – Джиб-вад;
 19 – Ревью II; 20 – Размановка;

Условные обозначения: 1 – стоянки, известные до начала работ экспедиции КРИКМ; 2 – стоянки, выявленные экспедицией КРИКМ; 3 – местонахождения; 4 – пороги; 5 – граница Республики Коми.

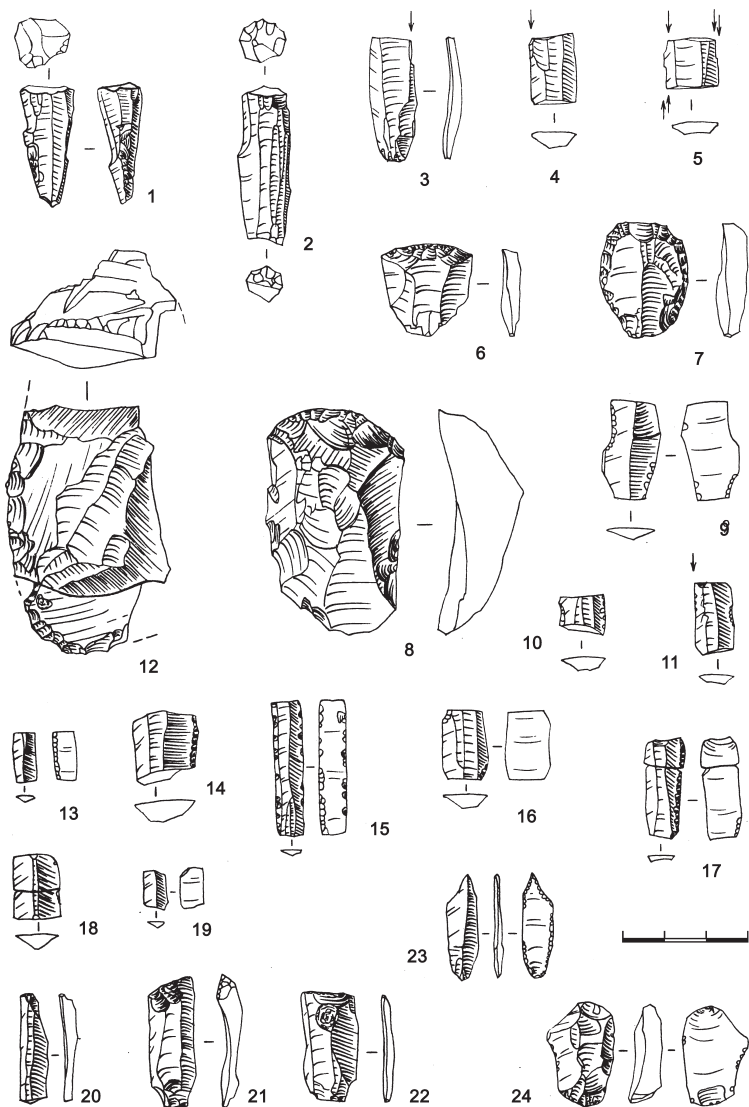

Рис. 2. Стоянка Ветью II. Кремневый инвентарь. 1-2 – нуклеусы; 3-5 – резцы; 6-8 – скребки; 9-11 – пластины с выемками; 12 – скребло (ремонтж); 13-15 – пластины с ретушью по краю; 16-18 – сечения со скошенными углами; 19 – сечение с обломанными углами; 20-21 – пластины с массивным отретушированным концом; 22 – пластина с усеченным ретушью концом; 23 – острие; 24 – долотовидное орудие.

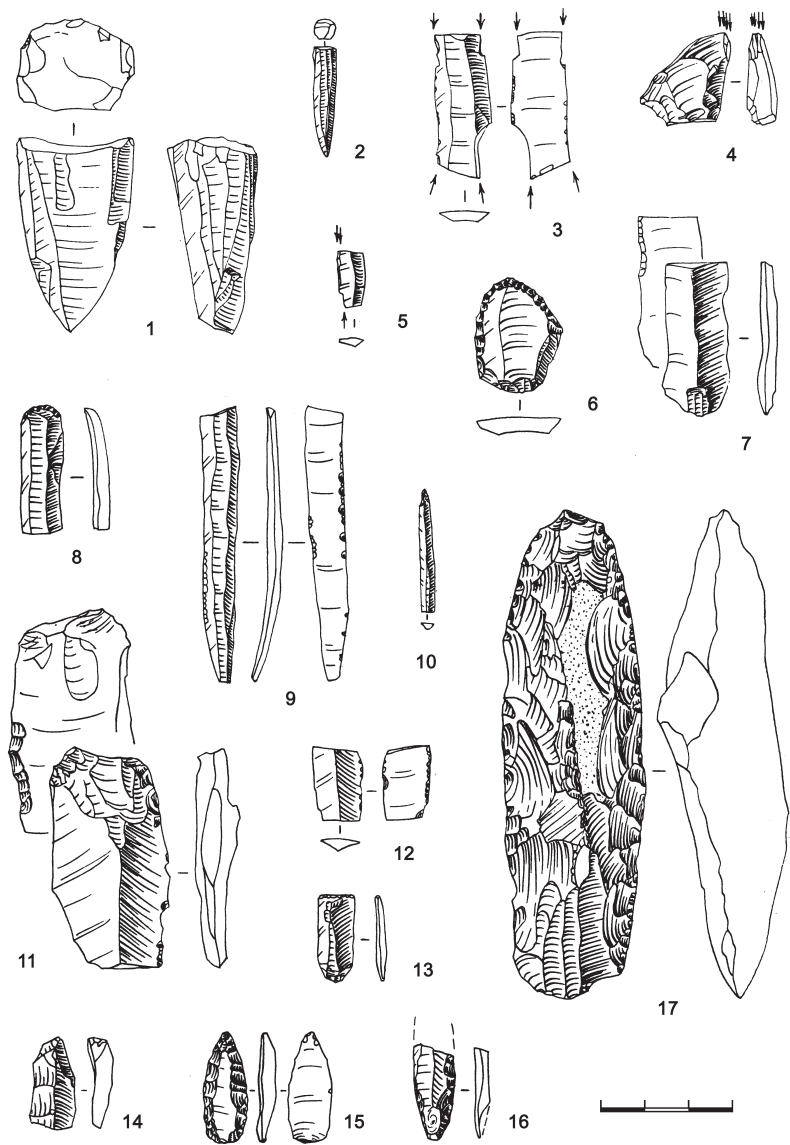

Рис. 3. Стоянка Ёвдино II, пункт 4. Кремневый инвентарь.
 1-2 – нуклеусы; 3-5 – резцы; 6, 8 – скребки; 7 – пластина с выемкой;
 9, 11, 12 – пластины с ретушью по краю; 10, 15 – острия; 13 – пластина с
 усеченным ретушью концом; 14 – микроскребок; 16 – фрагмент
 наконечника стрелы (?); 17 – долото.

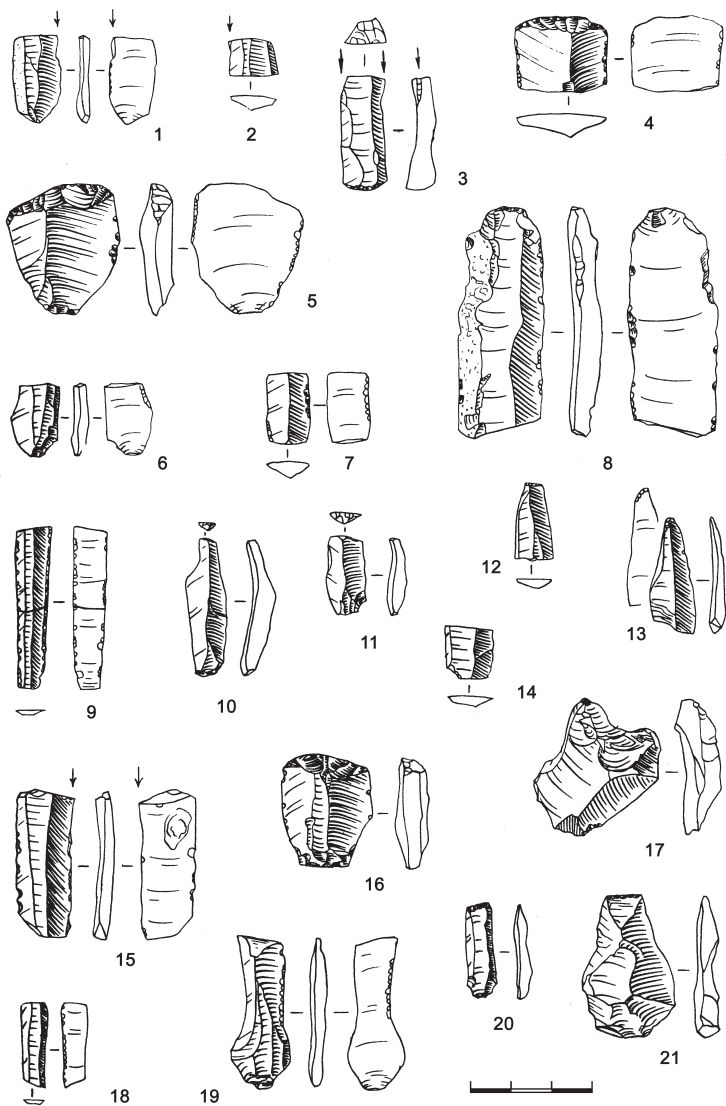

Рис. 4. Стоянки Ляльский Бор и Ярега. Кремневый инвентарь. 1-14 – Ляльский Бор; 15-21 – Ярега. 1-3, 15 – резцы; 4, 5, 16 – скребки; 6 – пластина с выемкой; 7-9, 18, 19 – пластины с ретушью по краю; 10 – микроскребок; 11, 20 – пластины с массивным отретушированным концом; 12, 21 – изделия с усеченным ретушью концом; 13 – острие; 14 – сечение со скошенным ретушью углом; 17 – отщеп с выемкой.

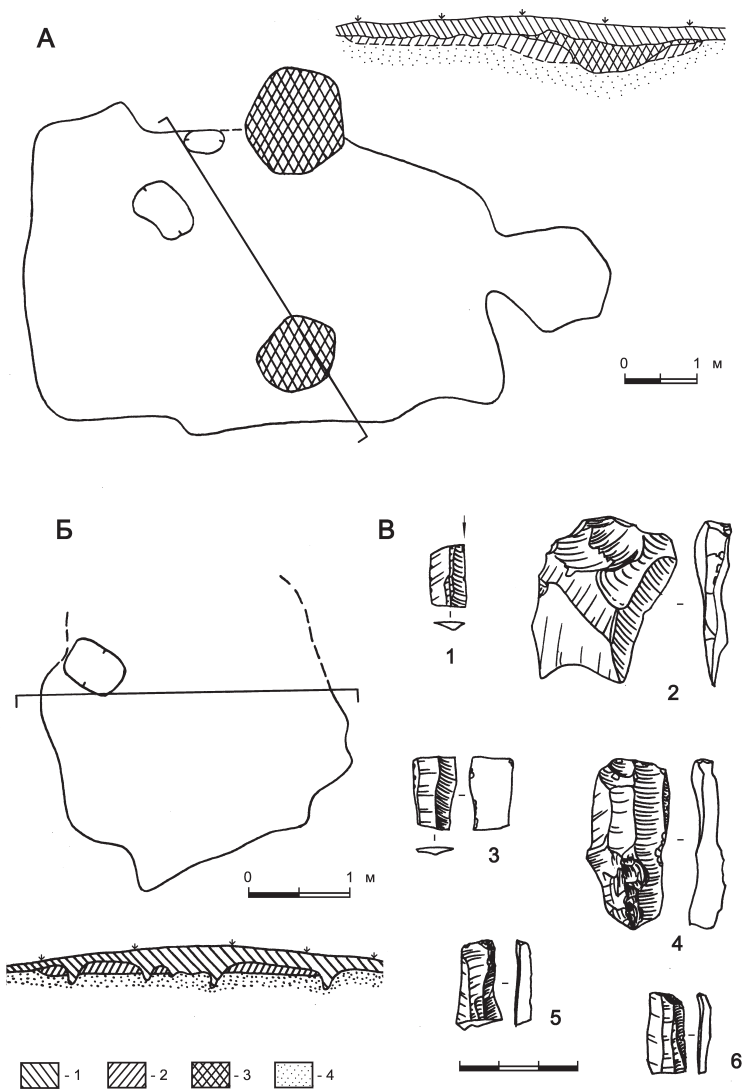

Рис. 5. Планы жилищ: А – стоянка Ёвдино II, пункт 4; Б – стоянка Ёдждыд-ты. Условные обозначения: 1 – подзол; 2 – культурный слой; 3 – очаг; 4 – материк.
 В – стоянка Ёдждыд-ты. Кремневый инвентарь: 1 – резец; 2 – скребок (?); 3 – сечение с ретушью; 4 – пластина с выемкой; 5, 6 – пластины с притупленным ретушью концом.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О РАДИОУГЛЕРОДНОЙ ХРОНОЛОГИИ И ПАЛЕОГЕОГРАФИИ СИНДОРСКОГО ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА¹

Н.Е. Зарецкая*, А.В. Волокитин, В.Н. Карманов**, О.Н. Успенская***

**Геологический институт РАН, Москва*

e-mail: zaretsk@ginras.ru

*** Институт ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар*

e-mail: volkt.hist@mail.komisc.ru; karman.hist@mail.komisc.ru

**** Институт Овощеводства РАСХН, МО, п. Верея*

Радиоуглеродный анализ для определения возраста археологических объектов применяется практически с момента открытия метода. За прошедшие 50 лет были получены радиоуглеродные даты для многочисленных разновозрастных археологических памятников и поселений европейской территории России (Зарецкая, Сулержицкий, 2007). Тем не менее, до недавнего времени радиоуглеродная хронология Северо-Востока Европы была весьма неполной как из-за плохой сохранности образцов на стоянках, так и из-за отсутствия хорошо налаженных контактов между археологами и представителями естественнонаучных методов. В последние годы удалось существенно дополнить данные по хронологии каменного века европейского Северо-Востока (Волокитин и др., 2006; Волокитин, Зарецкая, 2006) и повысить познавательные возможности источниковой базы, благодаря совместным работам археологов Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН и сотрудников радиоуглеродной лаборатории Геологического института РАН.

На многочисленных примерах показано, что наиболее полную информацию о возрасте культурных слоев, а также о природной обстановке заселения территории можно получить, проводя комплексные исследования на торфяниковых многослойных археологических памятниках (Zaretskaya et al., 2005; Зарецкая, 2005). Подобные исследования включают археологические раскопки, стратиграфические описания разрезов и детальный отбор образцов на радиоуглеродное датирование, ботанический и спорово-пыльцевой анализы. В дальнейшем проводится сопоставление результатов археологических исследований со всем комплексом полученных аналитических данных.

На европейском Северо-Востоке такими памятниками являются Висский I и II торфяники вместе с прилегающими к ним суходольными поселениями Вис I, II, а также расположенные вблизи стоянки по берегам оз. Синдор. Висские торфяники раскапывались в конце 1950-1960-х гг. Г.М. Буровым, и по результатам раскопок была выпущена серия статей и издана монография

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Программы 1.10 Президиума РАН, грантов Президента РФ (№ МК-9604.2006-06) и РФФИ (№ 05-05-64776).

(Буров, 1967). Тем не менее, на радиоуглеродное датирование были отданы только единичные образцы индивидуальных находок – изделий из древесины (Буров и др., 1978). Подобный характер датирования чреват неточностями, так как древесина может как сама опускаться в нижележащие стратиграфические горизонты из-за рыхлости вмещающих пород (сапропелей), а также втаптываться в мягкий торф во время заселения памятника (Зарецкая и др., 2000; Зарецкая и др., 2002). Кроме того, ботанический состав вмещающих озерно-болотных отложений не был изучен, имелись только визуальные описания. Поэтому в 2005 г. на Висских торфяниках и на озере Синдор были проведены комплексные исследования, результаты которых изложены ниже.

Район исследований

Озеро Синдор расположено на водоразделе рек Вышь и Вишера и является самым большим в Республике Коми (10,5х3,7 км, при глубине 2,5 м). Само озеро, как и рельеф прилегающего к нему пространства, флювиогляциального происхождения, о чем говорят характерные отложения, вскрывающиеся в многочисленных разрезах вокруг озера, на островах посреди него и на останцах р. Вис (рис. 1). Таким образом, образовавшись скорее всего, в конце плейстоцена – начале голоцена, оно служило источником пропитания для населявших его берега племен, начиная с мезолита (Буров, 1967). В настоящее время озеро интенсивно зарастает. Об этом говорят многочисленные сапропелевые острова и «забереги», а также примыкающие к озеру болота и заболоченные устья рек с заросшими торфом остатками рыболовных сооружений (заколов).

Первый археологический памятник в районе оз. Синдор – стоянка Синдорское озеро I – был обнаружен еще в начале 1930-х гг. краеведом В. Голубом (Голуб, 1940). Однако «археологическую» известность озеро получило благодаря исследованиям Г.М. Булова в 1959-64 гг. (Буров, 1967). Непосредственно на озере им были открыты 11 стоянок (Синдорское озеро I – XI), на р. Вис – протоке, вытекающей из озера – пять (Вис I – V), на р. Симва – левобережном притоке р. Вис – четыре (Симва I-IV). Наиболее известны поселения Вис I-II, расположенные на останцах флювиогляциальных форм рельефа, и примыкающие к ним многослойные Висский I и II торфяники, скорее всего, старичного происхождения.

История исследований

Первое упоминание о стоянках древнего человека вблизи оз. Синдор встречается в отчете краеведа В.Голуба (Голуб, 1940. С. 13, 14). Там он пишет о древних находках, которые «были добыты при копке ям и подвалов» жителями дер. Синдор. Работая на озере Синдор, он нашел «в размытых береговых отмелях» кремневые изделия (наконечники стрел, скребок, нож на пластине, нуклеус, наконечник дротика) и фрагменты керамики.

С 1959 г. Г.М. Буловым в районе озера Синдор были начаты планомерные археологические исследования, продолжавшиеся здесь до 1964 г. Вблизи деревни Синдор им были открыты поселения Вис I-V, Симва I-IV, а на

берегах самого озера обнаружено 32 пункта, которые он «условно» распределил «между 11 стоянками» (Буров, 1967. С. 58) – Синдорское озеро I-XI (Буров, 1962; 1967). Г.М. Буров считал, что материалы стоянок свидетельствуют о двух этапах заселения берегов озера Синдор: в эпоху бронзы и раннего железного века (Буров, 1962). Однако наибольшую известность в литературе получили раскопки поселений Вис I, II, в особенности Висского I и II торфяников, где были получены коллекции изделий из органических материалов: предметы со следами обработки из дерева, коры и травы, рыболовные сооружения.

Висский I торфяник – один из самых известных мезолитических памятников европейского Севера. Исследованный Г.М. Буrowым почти полвека назад, он достаточно хорошо опубликован как на русском, так и на многих европейских языках. Это один из первых ставших известным науке в свое время памятников с обширной коллекцией вещей из органических материалов: древесины, коры, бересты, травы. Многочисленные предметы употреблялись древними людьми как в теплый период года (весло, сеть, метательные дубинки для охоты на водоплавающую дичь), так и в холодный (санные полозья, лыжи). К сожалению, в торфянике не сохранились фаунистические остатки, кремневый материал немногочислен и нет ясности, как он попал в торфяник. Что касается вещей из дерева и других растительных материалов, то Г.М. Буров утверждает, что они были удалены с суходольного останца Вис I проживавшими там людьми. Предметы какое-то время плавали на поверхности старичного озера, тонули и были затем погребены отложениями, сформировавшими торфяник (Буров, 1986. с. 9).

Г.М. Буров, используя стратиграфическое положение предметов, их залегание друг над другом в одном месте, а также такой показатель, как условная глубина (отношение глубины залегания предмета от поверхности торфяника и мощности последнего в данной точке) создал периодизацию висского мезолита (Буров, 1990). Выделяются три этапа, довольно продолжительных. Радиоуглеродные даты, полученные по органогенным артефактам, также занимают значительный временной интервал.

Проанализировав материалы Висского I торфяника и других мезолитических стоянок региона, Г.М. Буров выделил висский культурный тип (КТ) памятников, отличный от камско-печорского типа, более раннего. По мнению исследователя, в висский КТ вошли материалы стоянки Топыд-Нур V на Печоре и Чергас II на Вычегде. Висский мезолит, сравнивавшийся с материалами стоянок Нижнее Веретье, в последующем более определенно сопоставлен со стоянками типа Андозеро M и Муромское 7 (Буров, 1986). В них сочетаются черты культур кунда и суомусьярви.

Также в районе оз. Синдор были проведены первые и единственные на тот момент на европейском Северо-Востоке масштабные комплексные работы по изучению палеогеографии микрорайона. В частности, были обозначены фазы развития рек Вис и Симва, а периодизация природно-климатических изменений была увязана с археологической.

Радиоуглеродному датированию подверглось обработанное дерево из культуровмещающих отложений (Буров, Романова, Семенцов, 1972). Однако сами отложения не были датированы, что ставило под сомнение древний возраст находок и самих торфяников. Поэтому одной из задач работ 2005 г. был отбор образцов с помощью торфяного бура Гиллера на радиоуглеродный анализ для датирования отложений, и на ботанический анализ – для их характеристики. На Синдорском озере радиоуглеродное датирование отложений ранее не проводилось.

Исследования в районе оз. Синдор были продолжены в 1989 г. И.О. Васкулом и В.А. Семеновым. И.О. Васкул раскопом 32 кв.м исследовал поселение Вис I (Васкул, 1990), а В.А. Семенов обследовал памятники на берегах озера. В результате был открыт новый пункт с культурными остатками (Семенов, 1990). В 2000 г. В.Н. Кармановым проводились раскопки на поселении Вис II (вскрытая площадь – 164 кв.м). Верхи культуровмещающих отложений памятника являются разновременными. Встречены находки широкого отрезка времени от мезолита до раннего средневековья. Изучены остатки двух жилищ (типа полуземлянок подпрямоугольной формы) неолита, два энеолитических погребения, хозяйственные объекты (ямы) раннего железного века (культурный тип Ластананьинского времени) и ванвиздинской культуры раннего средневековья. Безусловный интерес представляют изученные погребения энеолита. Могилы, выявленные на уровне 30-40 см от современной поверхности, имели подпрямоугольную форму и размеры 2х0,9 и 2,1х0,8 м, были ориентированы по линии ЮЗ-СВ. Их характеризует густая посыпка охрой. Антропологические остатки не найдены. Сопровождающий инвентарь погребений включает кремневый наконечник копья (бифас листовидной формы), располотый в юго-западной части одного из погребений и 16 янтарных пуговиц с V-образными отверстиями, найденных в центре другой могилы. Исследования 2000 г. показали перспективность исследований памятников такого типа как Вис II с учетом применения при их изучении сплошной фиксации культурных остатков в трех проекциях.

В 2005 г. на р. Вис открыт новый памятник – Вис VI, а на оз. Синдор выявлены три новых пункта мезолита-раннего неолита – Синдорское озеро XIII-XV.

Постановка задач и методы исследований

Во время комплексных исследований, проводившихся в 2005 г. в районе озера Синдор, ставились следующие задачи:

1. Поиск новых археологических объектов и изучение состояния уже известных памятников.

2. Детальное радиоуглеродное датирование Висских торфяников (в первую очередь, Висского I торфяника) для корреляции радиоуглеродных дат, полученных Г.М. Буровым по индивидуальным находкам (изделиям из древесины), с датами по органогенным отложениям, вмещающим артефакты. Это необходимо для определения наличия переотложения или погружения культурных остатков в культуровмещающие отложения (торф/сапрпель).

3. Датирование торфяников, примыкающих к озеру Синдор, для определения этапов динамики природной среды обитания древнего человека по берегам озера.

4. Проведение ботанического анализа датированных образцов озерно-болотных отложений из Висских и Синдорских торфяников для определения локальных палеогеографических условий.

5. Проведение спорово-пыльцевого анализа некоторых датированных разрезов, для реконструкции палеогеографических условия заселения района исследований в голоцене (см. статью Ю.В. Братушак в настоящем сборнике).

6. Сопоставление результатов применения естественнонаучных методов с археологическими данными, для реконструкции хронологии и природных условий заселения района озера Синдор в голоцене.

Отбор образцов на радиоуглеродный и ботанический анализы осуществлялся из шурфов или бурением торфяным буром Гиллера (ТБГ-1). Удалось детально отобрать разрез Висского I торфяника (табл. 1). Также были взяты образцы из подошвы Висского II торфяника, и из подошв торфяников, примыкающих к озеру Синдор. Отбор образцов на спорово-пыльцевой анализ осуществлялся ТБГ-1 из скважин. Далее радиоуглеродный анализ выполнялся в Лаборатории геохимии изотопов и геохронологии Геологического института РАН. Ботанический анализ выполнен О.Н. Успенской.

Результаты

Ниже приводятся результаты полевых исследований, данные анализов и их интерпретация.

Р. Вис

На р. Вис открыт новый пойменный памятник – Вис VI. Он расположен на небольшой, высотой до 0,5 м гривке поймы р. Вис, в 880 м от места впадения р. Чич в р. Вис и в 3 км ниже по течению реки от ее истока из оз. Синдор. Здесь в обнажении гривки, на разрушенном боковой эрозией реки участке собран подъемный материал. Коллекция состоит из 113 предметов: 36 каменных предметов и 77 фрагментов керамики. Каменный инвентарь включает 21 отщеп, шесть осколков и восемь заготовок бифасов. Орудийный набор представлен скребками (концевыми, боковыми на средних отщепах (8 экз.) и отщепом с ретушью утилизации). Предметы из некремневых пород представлены сколом с шлифованного крупного орудия. Керамика представлена фрагментами венчиков и стенок, по крайней мере, десяти сосудов. Восемь из них орнаментированы оттисками шнура и наклонными угловыми вдавлениями гребенчатого штампа, рядами мелких ямок. Кроме того, в коллекции присутствуют фрагменты миниатюрного сосудика и толстостенной неорнаментированной чаши. 45 фрагментов стенок не орнаментированы. Материал стоянки относится к ананьинской археологической культуре раннего железного века.

Висские торфяники

Висский I торфяник примыкает к юго-восточному краю останца Малый Кытчесмыльк. Здесь Г.М. Буровым в 1961 и 1964 гг. было изучено 362 кв.

м. В торфянике обнаружено 148 предметов из растительных материалов: деревянные изделия, вещи из коры и различные плетеные изделия; кремневые предметы, шлифованные топоры и их заготовки из некремневых пород, а также фрагменты кальцинированных костей.

В настоящее время раскоп задернован. В 2005 г. в 15 м от края останца и в 2 м от раскопа Г.М. Булова были отобраны образцы на радиоуглеродный и ботанический анализы. По данным полевых исследований, в разрезе Висского I торфяника вскрываются (описание сверху вниз):

- 1) 0,30 м от дневной поверхности – дернина с коричневым торфом или оторфованным сапропелем; по низу много веток;
- 2) 0,40 м: сапропель оливковый очень плотный;
- 3) 0,63 м: глина зеленовато-серая, очень плотная, с корнями, в нижней части (ок. 0,1 м) чуть более коричневатая (обогащенная органикой);
- 4) 0,17 м: торф черный с крупными растительными остатками;
- 5) 0,11 м: торф слоистый моховой, ярко-зеленовато-коричневый, к низу более разложен (или переходит в оторфованный сапропель);
- 6) песок серый, сильно обводнен.

Ботанический анализ образцов показал, что так называемый «торфяник» представляет собой стратифицированную толщу сапропелей разной мощности и состава. Аналитические данные представлены в табл. 1.

Висский II торфяник примыкает к вогнутому восточному краю останца Большой Кытчесмыльк. Открыт Г.М. Буловым в 1962 г. и раскапывался в 1963 г. Изучено 60 кв. м. Встречены остатки рыболовных заграждений. Инвентарь торфяника включал предметы из растительных материалов (дерево, береста, трава), кремневые предметы, орудия из некремневых пород, костяные наконечники стрел, стеклянные бусы, бронзолитейные тигли, глиняное прясло и несколько тысяч фрагментов керамических сосудов. Культурные остатки относятся к эпохе бронзы, раннему железному веку (гляденовская культура) и раннему средневековью. По свидетельству Г.М. Булова, абсолютно преобладают раннесредневековые материалы ванвиздинской культуры – I тыс. н.э. (Буров, 1967. С. 53-55).

Раскоп 1963 г. в настоящее время заполнен водой и сохранил свои первоначальные очертания. Сам торфяник по сравнению с 1960-ми гг. сильно зарос лиственными деревьями.

В 2005 г. в непосредственной близости от раскопа были отобраны образцы на радиоуглеродный и ботанический анализы.

Визуальная характеристика отложений Висского II торфяника по данным бурения (описание сверху вниз):

- 1) 0,35 м (от дневной поверхности – торф плотный, черный, с древесиной);
- 2) 0,4 м: торф буро-коричневый, рыхлый, более разложенный;
- 3) 0,25 м: сапропель оторфованный, зеленовато-бурый, суховатый;
- 4) 0,5 м: аналог слою 3, к низу более плотный и чуть более светлый;
- 5) 0,5 м: аналог слою 3, чуть более плотный и коричневый;
- 6) 0,5 м: сапропель светлый зеленовато-коричневый, плотный;

- 7) 0,5 м: аналог слою 6, чуть более зеленый и более плотный;
- 8) 0,17 м: сапропель светлый зеленовато-коричневый, плотный;
- 9) 0,03 м (видимая мощность): песок серый разноразмерный.

Подошва отложений Висского II торфяника, представленная органоминеральным, светлым зеленовато-коричневым, плотным сапропелем (3,1-3,17 м от дневной поверхности), датируется 5180 ± 100 л.н. (ГИН-13350) (табл. 1).

Висский III торфяник примыкает к вогнутому юго-восточному краю террасы, на которой расположено поселение Вис III и дер. Синдор. Культурных остатков в этом торфянике Г.М. Буровым обнаружено не было. Масштабные раскопки не производились.

В 2005 г. здесь отобраны образцы на радиоуглеродный и ботанический анализы. Бурение оказалось затруднительным. Удалось отобрать образец отложений, представленных минеральным сапропелем, лишь с глубины 1,05-1,2 м. Подстилающий слой глины (аналогичный таковому в Виском I «торфянике») не пропустил бур дальше. По образцу минерального сапропеля получена дата 2610 ± 50 л.н. (ГИН-13349) (табл. 1).

По полученным данным, реконструируется следующая картина. Около 8500 ^{14}C лет назад в протоке Вис у станции Малый Кытчесмыльк отшнуровалась старица, в которой начала накапливаться толща сапропелей. По спорово-пыльцевым данным, это событие синхронизируется с раннебореальным потеплением (термическим максимумом) (Никифорова, 1980). Сапропели накапливались до ~ 7300 ^{14}C лет назад.

В дальнейшем сменились условия осадконакопления и начал откладываться глинистый горизонт. Кровля аналогичного горизонта была также вскрыта бурением в Висском III торфянике. По мнению Булова (Булов, 1967), это – трансгрессивные отложения озера Синдор. По данным ботанического анализа образцов, эти глины откладывались в обстановке текучих вод, т.е. являются аллювиальными. Подобные расхождения в интерпретации требуют дальнейших исследований.

Даты, полученные по подошвам сапропелей, перекрывающих горизонт глин в Висских I и III торфяниках, практически синхронны: 2530 ± 40 и 2610 ± 50 ^{14}C лет назад соответственно. Возможно, эти даты, маркирующие смену обстановок осадконакопления, соответствуют рубежу «средний-поздний суббореальный период», выделенному Л.Д. Никифоровой (Никифорова, 1980). По ее мнению, «этот рубеж в изменении природной обстановки является более существенным, чем суббореально-субатлантическая граница» (Никифорова, 1980). Возможно наши данные подтверждают этот вывод.

По подошве Висского II торфяника с глубины 3,1-3,17 м была получена дата 5180 ± 100 л.н., в то время как более древние даты из Висского I торфяника были получены с меньших глубин (табл. 1). Кроме того, в разрезе Висского II торфяника отсутствует толща глин. Это, по-видимому, подтверждает наше предположение о том, что трансгрессия озера Синдор

не достигала Висских торфяников, и накопление глин объясняется более локальными явлениями.

Соотнесение дат, полученных из культуровмещающих отложений Висского I тофьяника, с датами, полученными по индивидуальным образцам, отобраным Г.М. Бутовым в 1960-е гг. (рис. 2) показывает, что даты по артефактам попадают во временной промежуток 8480-7330 лет назад. Тем не менее, в датах по артефактам есть инверсии: даты из нижних стратиграфических горизонтов оказываются моложе дат из верхних слоев (например, даты ЛЕ-864 и ЛЕ-713). Для прояснения подобной картины также требуется дополнительное, более детальное послойное датирование культуровмещающих отложений.

Таким образом, радиоуглеродное датирование отложений Висских I-III торфяников, предпринятое в 2005 г., в общем виде подтвердило данные по датированию деревянных изделий из этих отложений (Буров, Романова, Семенцов, 1972). Однако результаты ботанического анализа не согласовываются с визуальными характеристиками, представленными в монографии Г.М.Бурова. Культуровмещающие отложения памятников представлены не торфами, а сапропелями. Из этого следует, что реконструкция палеоклиматической и палеоландшафтной характеристики этого микрорайона должна быть пересмотрена с точки зрения новых данных и новых комплексных исследований. Возникают также сомнения по поводу предположений Г.М. Бурова о продолжительности выделенных им периодов, основанные на сравнении скорости накопления торфа и сапропеля (Буров, 1990. С. 30-31).

Озеро Синдор

В результате разведочных работ в Синдорском микрорайоне проведено обследование 40 пунктов на 19 памятниках. Были открыты пять новых археологических памятников – Синдорское озеро XIII, XIV, XV (мезолит-ранний неолит) и Синдорское озеро XV (бронзовый век), представленные памятниками с поверхностным залеганием артефактов.

На торфяниках, примыкающих к озеру Синдор, также проводились геохронологические и палеоботанические исследования (см. карту). Результаты анализов представлены в табл. 2 и на рис. 3. Все болота расположены к северо-западу от главной «оси» озера, на более пологой и низинной стороне. Эти болота являются, по нашему предположению, реликтовыми заливами озера Синдор; в пользу этого предположения говорят отложения, подстилающие торф – флювиогляциальные пески.

Как видно по карте и рис. 3, прослеживается тенденция уменьшения возраста с северо-востока на юго-запад. Даты, полученные по Синдорским болотам, синхронизируются с датами, полученными по подошвам Висских торфяников и торфу, перекрывающему глинистый горизонт; для удобства восприятия данные сведены в следующую таблицу:

Возможно, существуют естественные причины подобной синхронизации, объясняющиеся локальными или региональными климатическими

событиями. Так, начало накопления торфа в Синдорском геoarхеологическом микрорайоне могло быть приурочено к концу бореального – началу атлантического периода и синхронного улучшения климатических условий (Никифорова, 1980). Озерно-болотные отложения начали накапливаться в Висском I торфянике (8480±50 л.н.) и в северо-восточном заливе озера Синдор (8320±120 л.н.). Следующая «фаза» накопления, возможно, синхронна концу атлантического периода (атлантическому термическому максимуму) (Никифорова, 1980). В это время, возможно, в результате частичной перестройки речной сети в результате изменения базиса эрозии озера Синдор начал образовываться Висский II торфяник (5180±100 л.н.), а также началось накопление торфа в болоте № 1, примыкающем к озеру Синдор (5440±40). Третий «этап» торфонакопления приурочен к концу суббореального периода и климатическим перестройкам того времени (Никифорова, 1980). Заканчивается накопление глинистого горизонта неясного пока генезиса на Висских торфяниках (2530±40 и 2610±50 л.н.), и начинает заболачиваться большой залив на юго-западе озера Синдор (2980±40 л.н.). В настоящее время накопление торфа продолжается как на Висских торфяниках, так и на озере Синдор. Авторами были встречены затянутые торфом рыбацкие заколы в северной части озера. Также идет накопление сапропеля в Малом озере (северная часть озера Синдор); во многих местах там образовались настоящие сапропелевые «острова», сильно затрудняющие проходимость по водному зеркалу.

Заключение

Синдорский геoarхеологический микрорайон – один из важнейших комплексов памятников европейского Севера, изучение которых служит основой для реконструкций не только чисто археологического направления. К особенностям микрорайона следует отнести его сравнительно высокую для региона плотность местоположения археологических памятников. Последние представлены поселениями различного типа как по геоморфологической приуроченности (торфяниковые, озерные и пойменные стоянки), так и по виду протекавшей на них деятельности. Эти обстоятельства наряду с географией микрорайона позволяют получить комплекс данных для изучения освоения европейского Северо-Востока в голоцене. В ходе исследований 2005 г. открыты новые стоянки, в том числе на пойме р. Вис. Существенно дополнены и скорректированы представления об изменениях ландшафтов и водоемов, осваиваемых древними людьми на протяжении голоцена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Буров Г.М. Долговременные поселения на р. Вис (бассейн Вычегды) // Материалы по археологии Европейского Северо-Востока (МАЕСВ. Вып. 1). Сыктывкар, 1962. С. 3-41

Буров Г.М. Древний Синдор (из истории племен Европейского Северо-Востока в VII тысячелетии до н.э. – I тысячелетии н.э.). – М., 1967. – 220 с.

Буров Г.М. Крайний Северо-Восток Европы в эпоху мезолита, неолита и раннего металла: Автореф. дис... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1986. – 37 с.

Буров Г.М. Этапы развития и западные связи мезолита в Северном Приуралье (по данным деревянного инвентаря) // Взаимодействие древних культур Урала: Межвуз. сб. науч. тр. – Пермь, 1990. – С. 28-33.

Буров Г.М., Романова Е.Н., Семенцов А.Д. Хронология деревянных сооружений и вещей, найденных в Северодвинском бассейне // Проблемы абсолютного датирования в археологии. – М.: Наука, 1972. – С. 76-79.

Волокитин А.В., Зарецкая Н.Е. Радиоуглеродная хронология заселения европейского Северо-Востока в начале голоцена // Современные проблемы археологии России: Сб. науч.тр. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. – Т.1. – С.185-188.

Волокитин А.В., Зарецкая Н.Е., Карманов В.Н. Новые данные по хронологии камской неолитической культуры // Российская археология. 2006. № 1. С. 137-142

Зарецкая Н.Е. Радиоуглеродная и календарная хронология многослойных торфяниковых поселений Волго-Окского междуречья. // Каменный век лесной зоны Восточной Европы и Зауралья. М.: Academia, 2005. С. 113-129.

Зарецкая Н.Е., Сулержицкий Л.Д., Жилин М.Г. Радиоуглеродные исследования хронологии поселения Ивановское-VII // Тверской археологический сборник. Тверь- 2000. Вып. 4, т. I. – С. 137-142.

Зарецкая Н.Е., Успенская О.Н., Жилин М.Г. Возраст и генетические типы отложений двух разрезов многослойного поселения Становое 4 // Тверской археологический сборник. 2002. Вып. 5, т. I. – С. 117-122.

Зарецкая Н.Е., Сулержицкий Л.Д. Радиоуглеродное датирование археологических объектов в лаборатории Геологического института РАН // Материалы конференции «Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии». СПб, 2007.

Никифорова Л.Д. Изменение природной среды в голоцене на северо-востоке европейской части СССР: Автореф. дис...канд. геогр. наук. М., 1980.

Zaretskaia N.E., Zhilin M.G., Karmanov V.N., Uspenskaia O.N. Radiocarbon dating of wetland archeological sites // Geochronometria, 2005. V. 24. P. 117-131.

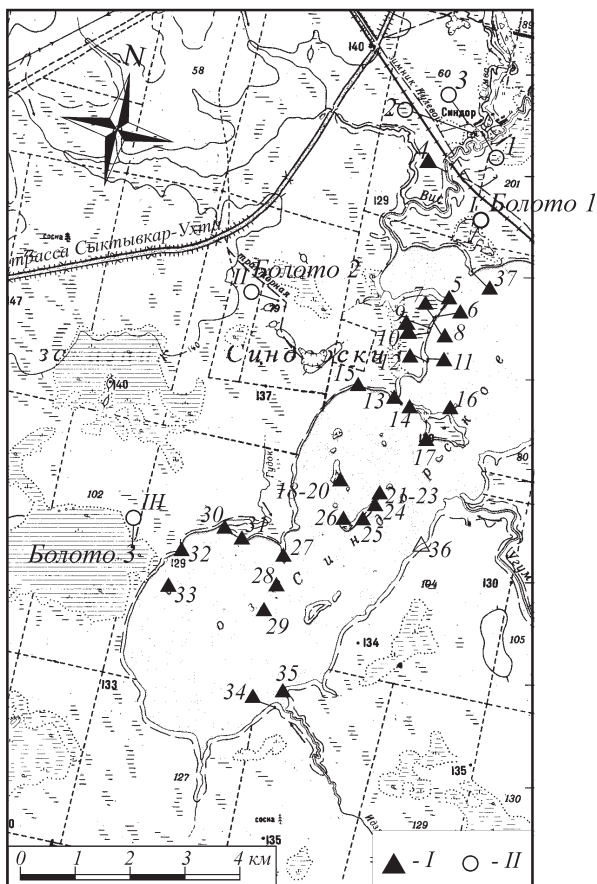

Рис. 1. Карта работ в районе оз. Синдор в 2005 г. 1 - Висский I "торфяник"; 2 - Висский II "торфяник"; 3 - Висский III "торфяник"; 4 - Вис VI; 5 - Синдорское озеро I, пункт 6; 6 - Синдорское озеро I, пункт 3; 7 - Синдорское озеро I, пункт 3; 8 - Синдорское озеро I, пункт 3а; 9 - Синдорское озеро I, пункт 2; 10 - Синдорское озеро I, пункт 1; 11 - Синдорское озеро XIII, пункт 1; 12 - Синдорское озеро XIII, пункт 2; 13, 14 - Синдорское озеро II; 15 - Синдорское озеро XII; 16 - Синдорское озеро III; 17 - Синдорское озеро IV; 18-20 - Синдорское озеро V; 21-23 - Синдорское озеро VI, пункты 1-3; 24-25 - Синдорское озеро VI, пункт 5, 6; 26 - Синдорское озеро VI, пункт 4; 27-29 - Синдорское озеро IX; 30, 31 - Синдорское озеро VIII; 32, 33 - Синдорское озеро XI; 34 - Синдорское озеро XIV; 35 - Синдорское озеро X; 36 - Синдорское озеро VII; 37 - Синдорское озеро XV.

Условные обозначения: I - стоянка; II - место отбора образцов.

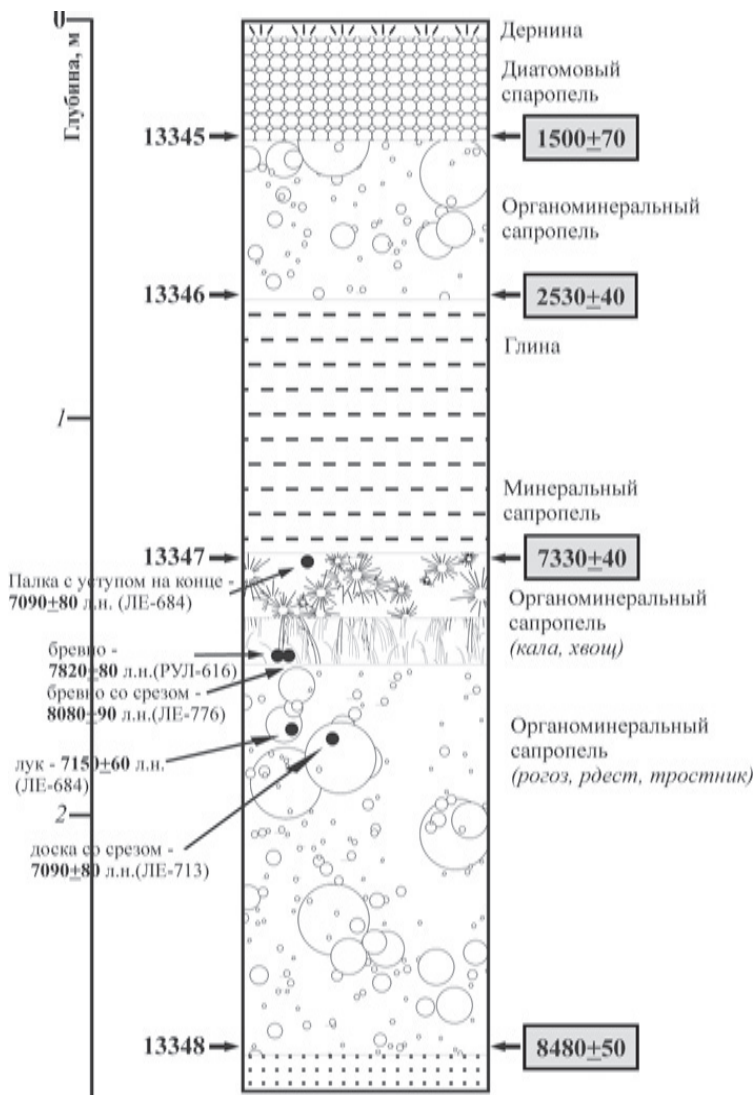

Рис. 2. Висский I «торфяник». Разрез отложений.

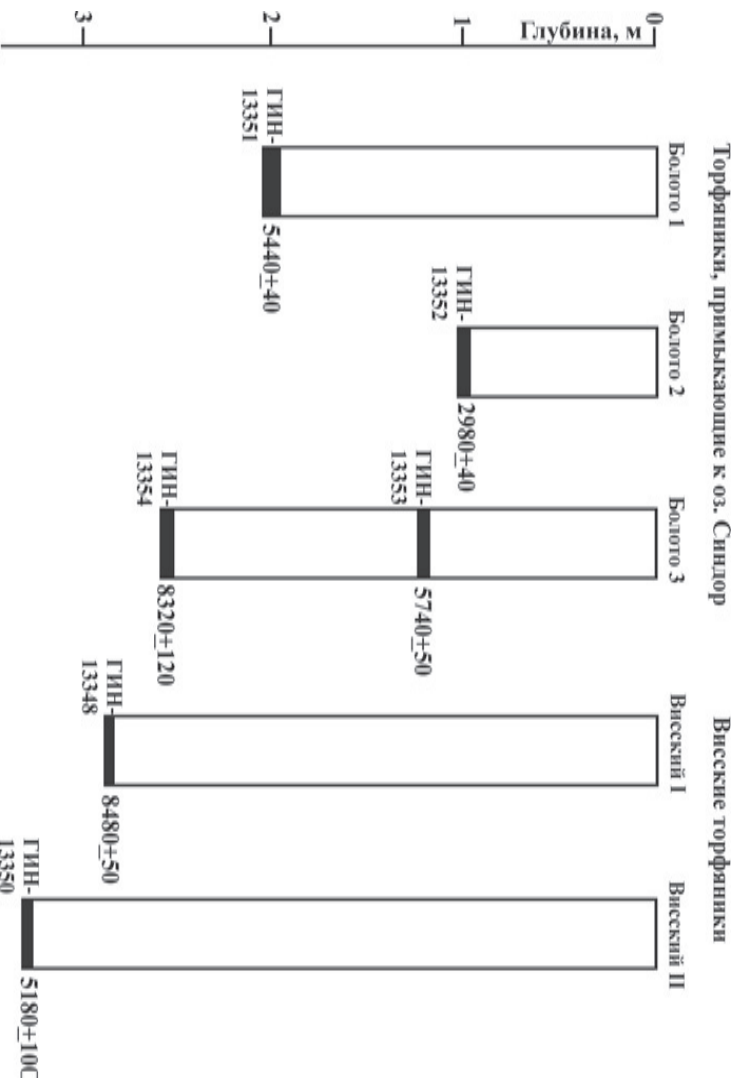

Рис. 3. Радиоуглеродный возраст синдюрских и высших торфяников (показаны даты, полученные по образцам из подшва).

ПАЛИНОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ БОЛОТ СИНДОРСКОГО ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА

Ю.В. Голубева (Bratushchak)

Институт геологии Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар

e-mail: Bratushchak@geo.komisc.ru

Изучение голоценовых отложений в районе Синдорского озера палинологическим методом началось в 1940-1950-х гг. Так, на основе диаграмм опорных разрезов урочища Вис-Вом-Дор, болот Леблуд-Нюр и Кычан геоботаника Коми филиала АН СССР Я.Я. Гетманова, данные осадки были отнесены к бореальному, переходному (атлантическому и суббореальному) и субатлантическому периодам (Буров, 1967. С. 23-29). Позднее Л.Д. Никифоровой голоцен оз. Синдорского был расчленен более детально. По результатам изучения четырех разрезов, вскрытых в северо-восточной части озера, ею установлено, что накопление донных отложений происходило от атлантического периода до настоящего времени, нижняя терраса сформировалась в субатлантическом периоде, средняя – в атлантическое и начале суббореального времени. Осадки, слагавшие высокую озерную террасу, накапливались в пребореальном периоде (Никифорова, 1979. С. 104-109).

В настоящей работе рассматриваются данные спорово-пыльцевого анализа 22 образцов из скважины глубиной 2,5 м, заложенной в прибрежном болоте (болото 3) северо-восточного залива оз. Синдорского (см. статью Зарецкой и др. в настоящем сборнике, рис. 1). Осадки представлены торфом и залегают на песке. Судя по палинологической диаграмме, можно выделить и охарактеризовать 8 комплексов (рис. 1):

I комплекс (интервал 2,08-2,5 м, 5 образцов). Пыльца древесных пород доминирует (до 88%). На долю трав и спор приходится до 8% и 10%, соответственно. Среди древесных преобладает береза *Betula sect. Albae* (до 54%). Встречаются также березовые *Betula sect. Fruticosa* (6-27%) и *Betula sect. Nanae* (4-7%), хвойные *Picea* (11-17%) и *Pinus silvestris* (10-26%), *Larix* и др. Пыльца широколиственных пород *Quercus*, *Corylus*, *Carpinus*, *Ulmus* имеет плохую сохранность и содержится в единичном количестве (вероятно, переотложенная). Пыльца трав немногочисленна и представлена *Ranunculaceae*, *Gramineae*, *Asteraceae*, *Cyperaceae* и др. В составе спор отмечаются *Equisetaceae*, *Polypodiaceae* и *Sphagnum*. Единично встречается *Lycopodiaceae*.

Анализ спорово-пыльцевого спектра (СПС) указывает на развитие березняков с участием ели, сосны и лиственницы в позднем бореале. Предположение о возрасте данных осадков можно подтвердить также датировкой 8320±120 лет назад, ГИН-13354 (здесь и далее использованы датировки, приведенные в статье Зарецкой и др. в настоящем сборнике).

II комплекс (интервал 1,68-2,00 м, 4 обр.). В общем составе вновь доминирует пыльца древесных растений (до 94%), подчиненное значение имеют травы (до 13%) и споры (до 15%). Видовой состав комплекса в целом сохраняется. В составе деревьев резко возрастает количество пыльцы *Picea*

(до 46%), сокращается содержание пыльцы карликовой березки, исчезает пыльца лиственницы. Л.Д. Никифоровой установлено, что даже в спектрах напочвенных проб монодоминантных еловых лесов количество пыльцы ели не превышало 54%. Следовательно, роль ели была значительно большая, чем сейчас (Никифорова, 1979). Суммарное количество пыльцы широколиственных пород составляет около 2%.

СПС свидетельствует о перераспределении основных пород в раннеатлантическое потепление. Широкое распространение получили еловые леса с сосной, березой и широколиственными породами (дуба, граба и вяза), которые потеснили березняки. Присутствие среди трав семейства *Cyperaceae* (9%) указывает на некоторое увлажнение климата.

В III комплексе (интервал 1,48-1,6м, 2 обр.) процентное содержание пыльцы древесных составляет 79%, а травянистых растений и спор – 9 и 12%. Среди деревьев доминантами являются *Betula sect. Albae* (39%), *Picea* (20%) и *Pinus silvestris* (19%). Количество пыльцы ели уменьшается, но в то же время содержание пыльцы карликовой березки увеличивается. Встреченные единичные зерна дуба и вяза, скорее всего, являются переотложенными. Травянистые растения представлены семействами *Ranunculaceae*, *Graminea*, *Umbelliferaceae*, *Asteraceae*, *Primulaceae*, *Cyperaceae* и *Chenopodiaceae*. Среди спор доминирующую роль играет *Equisetaceae* (13%). В единичном количестве отмечены также *Polypodiaceae* и *Sphagnum*.

На данном этапе произошло незначительное похолодание. В составе лесов сокращается роль ельников и широколиственных пород. Данный комплекс можно соотнести со среднеатлантическим периодом.

IV комплекс (интервал. 1,18-1,41м, 3 обр.). Процентное содержание пыльцы древесных в общем составе спорово-пыльцевого спектра продолжает преобладать (77-96%). Древесные представлены тем же видовым составом. Практически исчезает пыльца карликовой березки. В спектре чаще встречается пыльца *Ulmus* и *Quercus*, появляется *Carpinus*. Резкое сокращение содержания пыльцы ели и увеличение количества пыльцы карликовой березки в верхней части комплекса свидетельствуют о нарастающем похолодании, что подтверждается следующим спектром. Пыльца трав достигает 10-14% и представлена семействами *Rosaceae*, *Ranunculaceae*, *Cyperaceae*, *Menyanthes trifoliata* и др. Содержание спорных в спектре достигает 8-10%.

СПС указывает на развитие березово-еловых лесов с участием сосны. Большое распространение получили широколиственные породы (граб, вяз и дуб). Присутствие среди трав семейства *Cyperaceae* (6%) позволяет сделать вывод о некотором увлажнении климата. Подобное развитие растительности, вероятно, имело место в позднеатлантическое потепление, на что указывает и датировка 5740±50 лет назад, ГИН-13353.

V комплекс (интервал 0,9-1,12м, 2 обр.). В общем составе по-прежнему доминирует пыльца древесных растений (до 90%), подчиненное значение имеют травы (до 7%) и споры (до 9%). Видовой состав комплекса в целом остается прежним. Однако количество пыльцы *Pinus silvestris* и *Picea*

сокращается, а содержание пыльцы *Betula sect. Nanae* резко увеличивается (30%).

Следовательно, получают развитие березово-сосновые леса с незначительным участием ели. Данный этап характеризуется выпадением из древостоя широколиственных пород, вызванным, возможно, раннесуббореальным похолоданием.

В VI комплексе (интервал 0,58-0,92м, 4 обр.) процентное содержание пыльцы древесных резко сокращается (до 63%), а спор, напротив, возрастает (до 34%). Пыльца травянистых растений занимает подчиненное положение и составляет 3-7%. Среди древесных содержание пыльцы сосны (50%) начинает преобладать над содержанием пыльцы березы (36%). Количество пыльцы *Picea* несколько увеличивается (14%). В единичном количестве присутствуют *Alnus*, *Salix*, *Alnaster* и широколиственные *Quercus*, *Carpinus*. Травянистые растения представлены семействами *Cyperaceae* (6%), *Ranunculaceae*, *Rosaceae*, *Ericaceae*, *Asteraceae*, *Primulaceae* и *Chenopodiaceae*. Среди спор доминирующую роль играет *Sphagnum* (до 98%). Отмечены также *Lycopodium* и *Equisetaceae*.

На данном этапе развития растительности преобладают сосново-березовые леса с примесью ели и широколиственными породами. Следовательно, его можно связать со среднесуббореальным потеплением. Содержание в значительном количестве спор (34%) и пыльцы *Cyperaceae* (6%) может указывать на достаточно влажные условия.

VII комплекс (интервал 0,48-0,5м, 1 обр.). Процентное содержание пыльцы древесных несколько увеличивается и в общем составе спорово-пыльцевого спектра продолжает преобладать (83%). Древесные представлены тем же видовым составом, но отмечается значительное сокращение содержания *Picea* (до 2%) и *Pinus silvestris* (24%). Содержание древовидной березы, в свою очередь, увеличивается до 47%. Пыльца трав единична и представлена семейством *Ranunculaceae*. Содержание споровых *Sphagnum* в спектре – 19%.

В видовом составе лесов возросло участие березы, роль ели резко сократилась. Значительную примесь составляет сосна. Вероятно, комплекс можно соотнести с позднесуббореальным временем.

В VIII комплексе (интервал 0,25м, 1 обр.), отражающем особенности растительного покрова в субатлантике, преобладает содержание пыльцы сосны и березы. Вновь возрастает количество спор *Sphagnum*, что связано с развитием по берегам озера сфагновых болот.

Таким образом, процесс торфообразования в данном районе начался в позднебореальном периоде и продолжался вплоть до субатлантического, что подтверждается данными радиоуглеродного датирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Буров Г.М. Древний Синдор. М.: Наука, 1967.
Никифорова Л.Д. Изменение природной среды в голоцене на Северо-Востоке европейской части СССР: дисс..канд. геогр. наук. М., 1979.

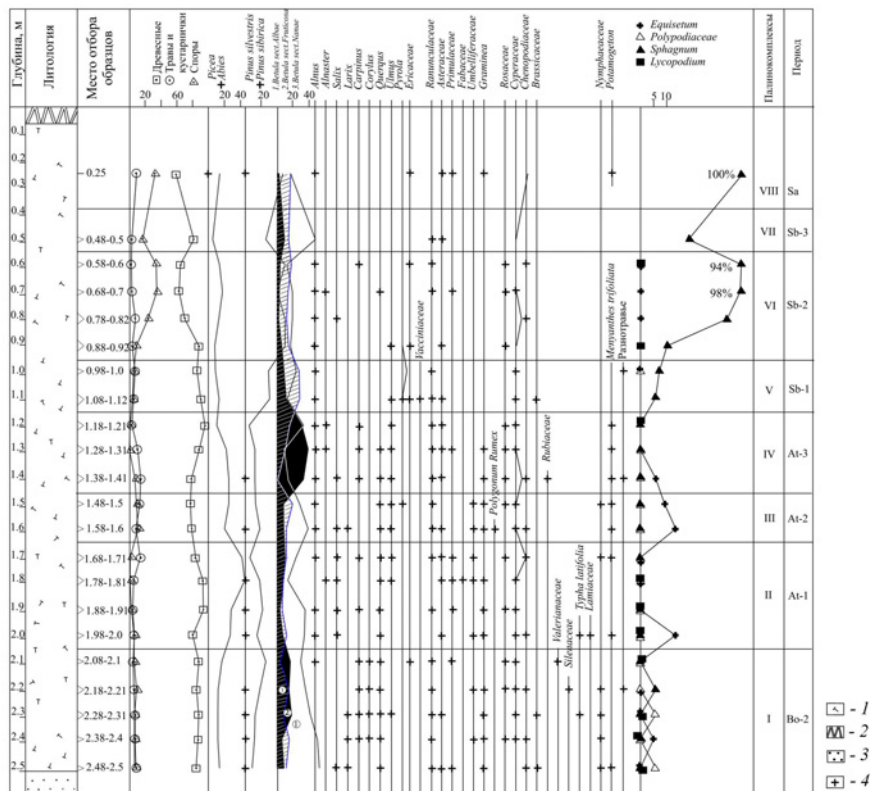

Рис. 1. Спорово-пыльцевая диаграмма голоценовых отложений оз. Синдор.

Условные обозначения:

- 1 - торф;
- 2 - почвенно-растительный слой;
- 3 - песок с гравием;
- 4 - единичная встречаемость.

СТОЯНКА УЛЬЯНОВО НА СРЕДНЕЙ ВЫЧЕГДЕ В СВЯЗИ С ИЗУЧЕНИЕМ МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ ЖИЛИЩ НА КРАЙНЕМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ ЕВРОПЫ

Г.М. Буров

*Таврический Национальный университет, Симферополь, Украина
e-mail: burov@poluoostrov.net*

Мезолит Вычегодского края и Припечорья представлен двумя разновременными группами памятников, из которых одна, по нашему мнению, относится к камско-печорской историко-культурной общности, охватывающей, в частности, Волго-Окский бассейн и Среднее Зауралье, а другая – к висскому культурному типу (Bugow, 1973; Буров, 1986а. С. 5-9; 1986б. С.6-13). Для первой из них (Курьядор, Пезмог I, Ульяново, Кузьвомын (Буров, 1965. С. 42-59; 1967. С. 25-26, 42-46, 78-82), Филичаевское II-IV (Верещагина, 1977), Сандибейю I (Чернов, 1978), Турун-Нюр I (Лузгин, 1972. С. 78-79) и пр.) характерны господство техники призматических пластин (орудия из отщепов редки); преобладание узких и правильно ограненных пластин; сильное развитие вкладышевой индустрии; использование в качестве вкладышей целых и рассеченных пластинок с ретушью на краях и без нее; преобладание среди орудий пластин с ретушью, резцов и скребков. Микролитов геометрической формы отмечено лишь несколько, почти все резцы – угловые, а макролиты – овальной формы или с перехватом. Для некоторых локальных групп (культур) типичны наконечники стрел свидерской традиции.

Памятники висского типа (Вис I – торфяник (Bugow, 1973. S. 129-139), Чертас II (Логинова, 1985. С. 19-22, 27-29), Топыд-Нюр V (Канивец, 1973. С. 3-12, 20-23) и Топыд-Нюр VII (Волокитин, 1987), к которым близки Баринка I в бассейне Вятки (Гусенцова, 1981. С. 136-146) и Муромское VII в Прионежье (Косменко, Витенкова, 1980), обладают такими общими чертами: кремневая микролитическая индустрия сосуществует с развитой техникой отщепа и шлифованием мягких пород; пластины несколько шире камско-печорских; распространены скребки на отщепах с сильно выпуклым рабочим краем, часто с желвачной коркой; резцов меньше, чем скребков, или примерно столько же; с помощью шлифования изготавливались топоры и длинные орнаментированные пешни или стамески.

По радиоуглеродным и палинологическим данным (стоянки Волго-Окского бассейна (Кравцов, 1991), Холодный Ключ в бассейне р. Белой (Матюшин, 1976. С. 84, 155-160), Баринка II) микро-макролитические стоянки камско-печорского типа могут быть датированы VIII-VII тыс. до н.э. Такие же данные Виса I, Топыд-Нюра VII, Баринки I и Муромского VII позволяют отнести висский тип ко второй половине VII-V тыс. до н.э. Две описанные группы памятников не только разновременны, но и разнокультурны. Их жилые сооружения еще слабо изучены.

В своей обобщающей статье о мезолитических жилищах Западной Европы голландский археолог Р.Р. Невелл выделяет признаки, по которым они могут быть выявлены (Newel, 1981. P. 242-249). В одних случаях от постройки сохранилась вымостка пола из дерева или камней, в других – жилище оконтурируется ямками от столбов либо камнями, расположенными по его краям, в третьих – налицо и то, и другое. Все это, однако, касается в первую очередь наземных сооружений, так как, если жилище углублено в землю, его очертания легко прослеживаются по разнице в окраске между заполнением и окружающим грунтом (например, в Игрени VIII на нижнем Днепре (Телегин, 1982. С. 186-191). Помещения наземного типа в ряде случаев следует наметить гипотетически в местах, где находятся скопления культурных остатков в сочетании с очагами (или даже без них), причем жилище могло располагаться на месте скопления или, наоборот, быть охвачено им, как это мы видим на стоянке Соншамп III во Франции (Rozyo, 1978).

Жилища камско-печорского микро-макролитического мезолита исследованы в Баринке II (два жилища) (Гусенцова, 1981. С. 130-135) и на Колупаевской стоянке Сухонского бассейна (три жилища) (Ошибкина, 1983. С. 13-20). Форма у них – прямоугольная, площадь – около 30 кв. м, котлованчики углублены в материк не более чем на 0,35 м (менее 0,7 м от дневной поверхности). Шестое жилище вскрыто на стоянке Студенцы I в бассейне Вятки; по предположению С.В. Ошибкиной, оно было круглым и принадлежало к наземному типу (Ошибкина, 1984. С. 8). Сходное сооружение раскопано Л.Я. Крижевской на мезолитической стоянке Ташково IV в Среднем Зауралье: обнаружены два очага и скопления угля. Очертания не прослежены. По мнению исследовательницы, такие постройки могли быть “типа чумов, небольшие округлые в плане, легко переносимые” (Крижевская, 1989. С. 128).

В этом контексте интересны результаты наших раскопок 1959 г. на стоянке Ульяново, которая расположена на правом берегу Вычегды, в 3 км к юго-юго-западу от пос. Ульяново Усть-Куломского района Республики Коми, на высокой песчаной террасе (рис.1). Здесь вскрыты скопления мезолитических культурных остатков (рис. 2, 3).

Одно из них, площадью около 10 кв. м, содержало основную массу найденного на стоянке кремня и значительную часть расколотого кварцита, из которого изготовлялись топоры с перехватом. Больше всего находок приходилось на центр пятна. Кроме того, если мощность культурного слоя по его краям была 0,4 м, то в центре она увеличивалась до 0,6. Наиболее насыщенным оказался самый нижний горизонт слоя (0,4-0,6 м), имевший в плане округлую форму при диаметре 0,5 м. Кварцит обнаружен только в западной половине скопления. Находки встречались и в подзолистом горизонте (белесый песок), и в ортштейновом, и даже в материке. Слои почвы четко прослеживались, свидетельствуя о том, что культурный слой отложился до того, как она сформировалась. Возможно, в описанном пункте

не только находилась мастерская по изготовлению каменных орудий, но и располагалось наземное жилище с хозяйственной ямой в центре. Однако оно могло быть только летним, поскольку здесь отсутствовали очаги. Другое скопление культурных остатков, вскрытое в 25 м от описанного, не отличаясь богатством по части находок, было больше по площади, и в центре его находилось кострище – круглая сажисто-углистая линза диаметром 0,5 м при максимальной мощности 0,15 м. В нижней части этой линзы имелась угольная прослойка. Кострище содержало свыше 120 кусков расколотого кварцита и до 45 кремней со следами огня. И здесь могло располагаться жилище, в частности, зимнее. Параллелями ему представляются сооружения Студенцов I и Ташково IV.

Иной характер имеют следы жилищ на стоянках висского типа. При работах 1968 г. на Топыд-Нюре V на средней Печоре В.И. Канивцом вскрыт котлованчик мезолитического жилища, в плане неправильно-овальной формы, длиной 4,5, шириной 2,2 м и глубиной около 1 м от современной поверхности. Котлованчик был заполнен “темноцветной очажной массой с углями, пеплом и кальцинированными костями”, причем в его дне отмечались две впадины. Верхняя часть заполнения, от гумусового горизонта до глубины 0,6 м, была насыщена, кроме того, растрескавшимися камнями (галька и валуны), и их наиболее выраженные скопления размещались над указанными впадинами. По мнению исследователя, перед нами – землянка, причем “камни составляли часть перекрытия жилища, например земляного, или, по крайней мере, часть цоколя его надземной конструкции”.

В 1984-1985 гг., исследуя соседнее поселение Топыд-Нюр VII, А.М. Мурыгин обнаружил на нем мезолитический комплекс, близкий к предыдущему, в частности, остатки жилого сооружения. Они представляли собой овальное скопление культурных остатков, в центре которого находилась очажная линза, заполненная галькой. Линза залегала на глубине примерно 0,1-0,5 м, т.е. в принципе так же, как в Топыд-Нюре V. Это позволило исследователю предположить, что на обоих стоянках мы имеем дело с наземными жилищами, снабженными каменной вымосткой. Высказанное мнение, разделяемое А.В. Волокитиным, представляется верным по отношению к Топыд-Нюрю V в том смысле, что уровень очагов и пола в его жилище, несомненно, соответствовал положению камней, а не дну котлованчика. Наличие же последнего дает основание хотя бы условно относить жилище к полуземляночному типу. Кроме того, необходимо объяснить, почему в нем, значительно ниже вымостки, появилось сажисто-углистое заполнение.

Прежде всего, следует ответить на вопрос, для чего служили камни, встреченные в Топыд-нюре V и VII. Судя по вычегодско-печорским поселениям разного возраста, от раннего металла до раннего средневековья, галька и валуны, несущие следы обжига и связанные с кострищами, явно служили материалом для очагов (Буров, 1967. С. 68, 120). Такой вывод подтверждается аналогией в мезолите Карелии, где в прямоугольных

полуземлянках вскрыты скопления камней (Муромское VII, жилище 1) и подковообразный очаг (Повенец III). Правда, на стоянке Повенец II камнями был вымощен весь пол крупной прямоугольной полуземлянки (Панкрушев, 1978. Рис. 4, 5), что находит аналогии на мезолитических поселениях Великобритания и Скандинавии (Newel, 1981. Fig. 2, 5; Palmer, 1990. P. 88-89). Важно, что камни Топыд-Нюра V растрескались и, следовательно, подвергались воздействию огня. Поэтому принадлежность их очагам очевидна. Таким образом, следует полностью отбросить предположение о том, что камни были частью перекрытия или “стены надземного сооружения”.

Кострища, “висящие” над полом полуземлянок, – не редкость в археологии. Вспомним энеолитические жилища на поселении Галово II в долине Ижмы, которые, по предположению В.Ф. Генинга, поддержанному В.Е. Лузгиным, могли быть построены летом, а снабжены очагами лишь в холодную пору, когда на полу уже была натоптана супесь (Лузгин, 1972. С. 66). Такая догадка представляется правдоподобной, однако не менее вероятно, что у галовских жилищ был пол в виде настила из бревен или жердей, подсыпанного в местах очагов песком. На эту мысль наводят нас данные по мезолиту Центральной Европы, где выявлены небольшие полуземлянки с очагами в верхней части заполнения.

27 таких сооружений раскопано на стоянке Юнсдорф-Аутобан в Восточной Германии. Как и в Топыд-Нюре V, в плане они имеют неправильную форму, приближаясь обычно к овалу или кругу. Размеры – от 3,80x2,15 до 2,05x1,75 м. Под очагами часто прослеживаются углубления в материке. Как считают исследователи, встречающаяся иногда полосчатая окраска заполнения указывает на то, что для утепления пола дно котлованчика покрывалось слоем жердей и коры, благодаря чему жилая площадка отвечала уровню кострища. Углубление под ним предназначалось для размещения в вертикальном и наклонном положении палок, которые служили топливом – горели их верхние концы при хорошем поступлении воздуха. А в промежутки между этими палками проникали зола и песок, заполнявшие впадину под кострищем (Gramsch, 1973. S. 13-15).

Обожженных камней в Юнсдорф-Аутобане не оказалось, но они обнаружены на соседней стоянке Юнсдорф-Линден-Берг, где открыты аналогичные жилища с подочажными углублениями. Эти сооружения, близкие к полуземлянке Топыд-Нюра V, по мнению Б. Грамша, требуют какой-то иной реконструкции.

Можно думать, что в Топыд-Нюре V котлованчик был просто перекрыт накатником из жердей, представлявшим собой пол жилища, изолированный от холодного и сыроватого песка. В местах очагов, под которыми дно котлованчика несколько углублялось, этот пол был покрыт каменными выкладками, предохранявшими жерди от огня, но не препятствовавшими поступлению воздуха из подполья, т.е. очаги были снабжены своеобразными поддувалами. Сквозь щели в полу на дно котлованчика попадали угольки,

сажа, зола и песок, что, в конечном счете, привело к заполнению подпольного пространства “очажной массой”, в то время как камни оставались на уровне пола.

Жилища Муромского VII (три) и Баринки I (два) оказались почти во всех случаях сильно (на 0,5-0,7 м) врезанными в материк, т.е. глубина котлованчика от поверхности, как и в Топыд-Нюре V, была большой (около 0,7-1,0 м). Постройки имели значительную площадь (примерно от 20 до 50 кв. м) и прямоугольные очертания, в связи с чем представляет известный интерес мезолитический комплекс полихронной стоянки Яврньга I в бассейне Пинеги, близ оз. Красный Окунь (Пинежский район Архангельской обл.) (Буров, 1974. С. 20-24, 85-86). На его возраст указывает радиоуглеродный анализ угля, который покрывал дно одной из очажных ям, был лишен керамики, но содержал микролитическую пластинку (раскопки 1968 г.). Получена дата 6580 г. до н.э. ±60 (JE-853/537).

Яма имела поперечник не менее 1,3 м, а слой древесного угля в ней достигал мощности 0,1 м. Рядом встречены две небольшие выкладки из валунов и галек – развал очага, от которого отходила сажисто-углистая линза, перекрывавшая яму. В 8 м от этих выкладок исследован подковообразный очаг поперечником около 1 м из того же строительного материала, причем некоторые камни достигали в длину 0,20-0,25 м, а один, обнаруженный в центре сооружения, – 0,4 м. Под ним сохранилась обширная углистая линза, выходившая на пределы выкладки. Ни в той, ни в другой линзе не оказалось неолитической керамики, обильно встречавшейся выше. Между очажной ямой и сооружением, ближе к последнему, обнаружены две поверхностные сажисто-углистые линзы, а возле них оказалась третья – в другой очажной яме. Кроме того, вскрыты четыре углубления в материке, имевшие хозяйственное назначение. Исследованные объекты: два каменных очага, четыре неуглубленных кострища, две очажные ямы и пр. – приходятся на полосу темно окрашенного культурного слоя, один край которой прослежен. Полностью ее контуры не выявлены, так как площадь раскопа была ограниченной. По всей вероятности, очертания этой темной полосы маркируют края большой полуземлянки, углубленной примерно на 0,5 м от дневной поверхности и сильно вытянутой по линии очагов, которые, следовательно, могут относиться к одной постройке середины VII тыс. до н.э. К сожалению, культурная принадлежность древнейшего комплекса в Яврньге I не установлена, что, видимо, надо сказать и о стоянке Лек-Леса I на Ижме, где “вскрыты остатки наземного жилища с очагами в центре” и отмечены скопления расколовшейся гальки (Волокитин, 1989. С. 10).

К жилищу Топыд-Нюра V, на первый взгляд, близка “срубная землянка” “конца мезолита”, исследованная Э.С. Логиновой на стоянке висского типа Чертас II (долина средней Вычегды). Здесь была вскрыта правильная прямоугольная яма, впущенная в материк на 1,2 м, размерами сверху – 4х3, а у дна – всего 3х2 м, т.е. со скошенными стенками. По мнению исследовательницы, выход из “жилища” “мог быть без сеней прямо на улицу

или через крышу”. Позволим себе высказать сомнения в том, что описанный котлованчик имеет мезолитический возраст и принадлежит землянке.

Во-первых, остатки жилища в виде небольшой по площади прямоугольной ямы глубиной около 1,5 м, с почти отвесными стенками, но без пандуса или ступенек, не имеют параллелей ни в археологической, ни в этнографической практике и едва ли могут существовать. Во-вторых, дно ямы покрыто углистым слоем совершенно без древних культурных остатков (нет ни кремня, ни очажных камней). В-третьих, у ямы верхняя часть заполнения не представляет собой белесый песок, элювиальный горизонт подзолистой почвы, образовавшейся в постмезолитическое время), как это мы видим в Топыд-Нюре V и VII: напротив, судя по чертежам, этот слой был прорезан ямой. Скорее всего, на позднемезолитической стоянке Черташ II в недавнее время была вырыта яма, на дне которой для какой-то цели разводился огонь; затем она заполнилась переотложенным древним культурным слоем.

Мезолитические постройки, вероятно, существовали на поселении Вис I (близ оз. Синдорского в Княжпогостском районе Республики Коми), которым занят останец надпойменной террасы с дугообразным юго-восточным краем. Вдоль него был расположен старичный торфяник с каменным и деревянным инвентарем мезолита. Площадь поселения раскопана лишь частично: в основном исследован торфяник, а на останце, где жили древние люди, вскрыты лишь небольшие участки. Бросается в глаза, что из 19 кольев, собранных при раскопках (Бузов, 1990. Р. 338), основная масса составляла два скопления, удаленные друг от друга примерно на 50 м. Возможно, они принадлежат жилищам, находившимся в двух пунктах на берегу древней старицы. Все колья обнаружены в нижнем и среднем горизонтах торфяника (конец VII – первая половина VI тыс. до н.э.).

Таким образом, на Крайнем Северо-Востоке Европы выявлены сооружения, в которых с уверенностью или предположительно усматриваются мезолитические жилища. К сожалению, данные об их устройстве ограничены. Но, по-видимому, жилища позднего висского культурного типа, как правило, сильнее углублены в землю, чем постройки камско-печорской общности, среди которых часты наземные сооружения. Думается, что в ходе дальнейших раскопок здесь будут открыты и более выразительные следы мезолитических жилищ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бузов Г.М. Археологические культуры Севера европейской части СССР (Северодвинский край). Ульяновск, 1974.

Бузов Г.М. Археологические памятники Вычегодской долины. М., 1967.

Бузов Г.М. Вычегодский край: очерки древней истории. М., 1965.

Бузов Г.М. Крайний Северо-Восток Европы в эпоху мезолита, неолита и

раннего металла: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1986.

Буров Г.М. Культурные типы Крайнего Северо-Востока Европы (эпоха мезолита, неолита и раннего металла). Симферополь, 1986. – Деп. в ИНИОН АН СССР. № 25191.

Верецагина И.В. Мезолитические памятники на Северной // КСИА, 1977. Вып. 149.

Волокитин А.В. Исследования мезолитических памятников в Коми АССР // Археологические открытия Урала и Поволжья, Сыктывкар, 1989.

Волокитин А.В. Особенности индустрии мезолитических памятников Топыд-Нюр 5 и 7а на средней Печоре // Материальная и духовная культура населения европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 1987.

Гусенцова Т.М. Новые мезолитические поселения в междуречье Камы и Вятки // СА, 1981. № 3.

Канивец В.И. Мезолитические стоянки на средней Печоре и Усе // МАЕСВ, 1973. Вып. 4.

Косменко М.Г., Витенкова И.Ф. Мезолитический слой поселения Муромское VII // СА, 1980. № 4.

Кравцов А.Е. К хронологии бутовской и иеневской мезолитических культур // СА, 1991. № 2.

Крижевская Л.Я. Раскопки мезолитического поселения Ташково IV в Лесостепном Зауралье // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989.

Логинова Э.С. Мезолитические стоянки средней Вычегды // МАЕСВ, 1985. Вып. 9.

Лузгин В.Е. Древние культуры Ижмы. М., 1972.

Матюшин Г.Н. Мезолит Южного Урала. М., 1976.

Ошибкина С.В. Мезолит бассейна Вятки // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. Ижевск, 1984.

Ошибкина С.В. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М.: Наука, 1983.

Панкрусев Г.А. Мезолит и неолит Карелии: В 2-х т. Л., 1978.

Телегин Д.Я. Мезолітичні пам'ятки України. Київ, 1982.

Чернов Г.А. Мезолитическая стоянка Сандибейю I // СА, 1978. № 2.

Burov G.M. Die Holzgerdte des Siedlungsplatzes Vis I als Grundlage für die Periodisierung des Mesolithikums im Norden des europäischen Teils der UdSSR // Contributions to the Mesolithic in Europe. Leuven, 1990.

Burov G.M. Die mesolithischen Kulturen im dussersten europäischen Nordosten // The Mesolithic in Europe. Warsaw, 1973.

Newell R.R. Mesolithic Dwelling Structures: Fact and Fantasy // Mesolithikum in Europa. Berlin, 1981.

Gramsch B. Das Mesolithikum im Flachland zwischen Elbe und Oder. Berlin, 1973.

Palmer S. Curwerell – Unique Opportunities for Studying the Intra-Site Structure of a Mesolithic Habitation Site in Dorset, England // Contributions to the Mesolithic in Europe. Leuven, 1990.

Rozoy J.-G. Les derniers chasseurs. Charleville: Chez l'auteur, 1978.

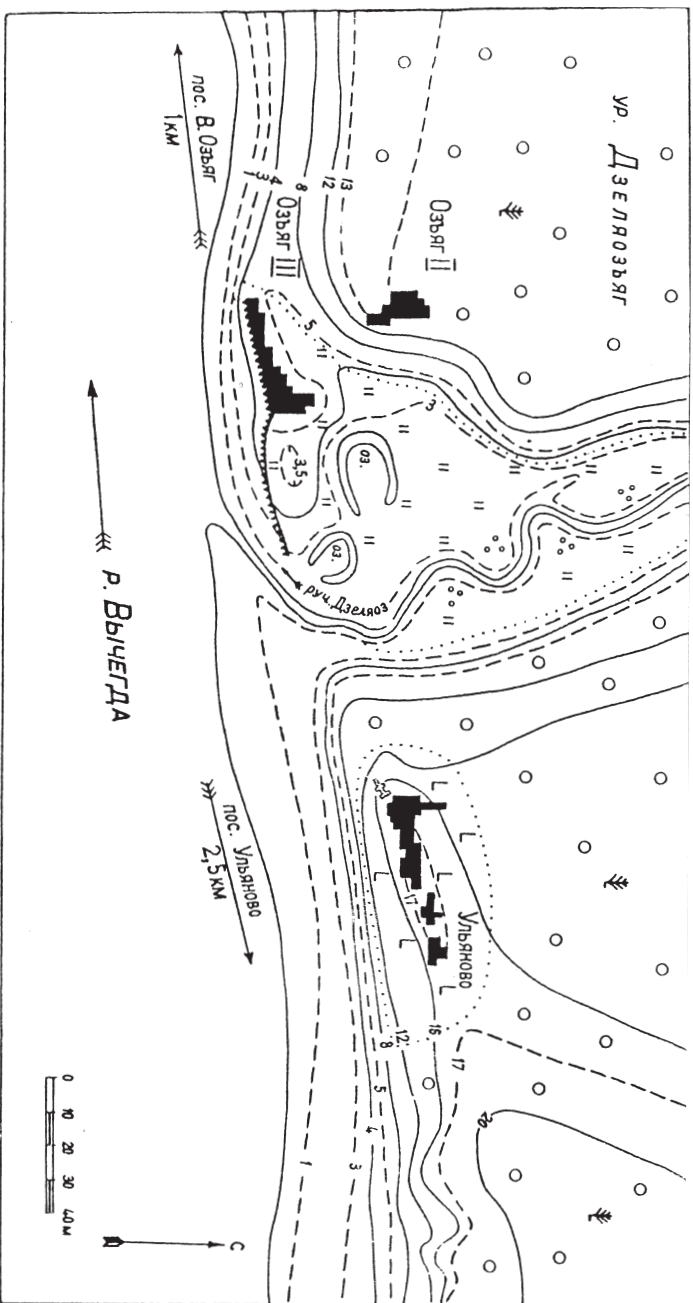

Рис. 1. Схема расположения поселений Ульяново, Озыяг II и III.

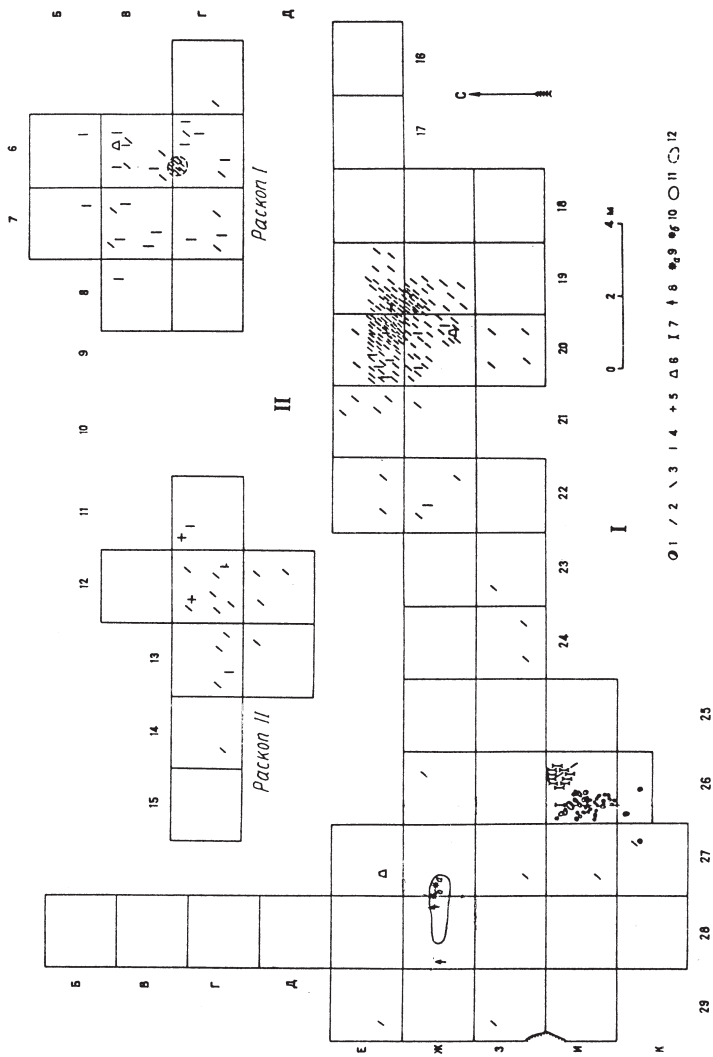

Рис.2. Планы раскопов на стоянке Ульяново.

I – раскоп III; II – раскопы II и I. 1 – обожженный валун или галька; 2, 3 – кремни; 4 – кварцитовые отщепы и осколки; 5 – скребок; 6 – кварцитовый топор; 7 – кальцинированные обломки костей животных; 8 – кремневый наконечник стрелы; 9, 10 – медные изделия; 11 – очертания могильной ямы; 12 – контуры кострища. Знаки 2-4 и 7 соответствуют пятеркам находок. 1, 3, 7-11 – эпоха металла; 2, 4-6, 12 – мезолит.

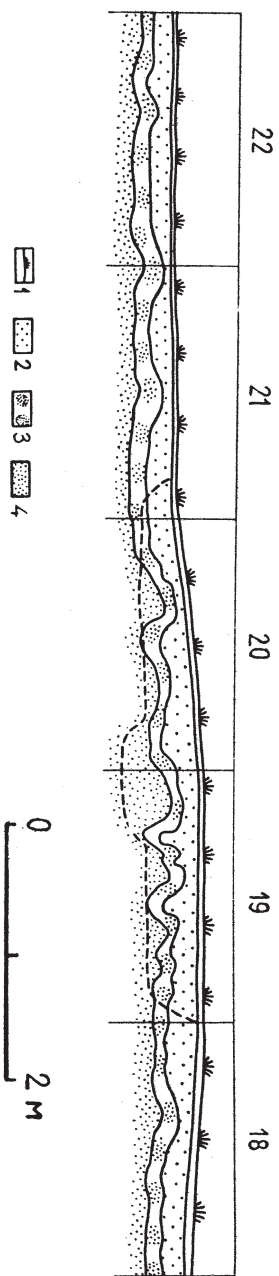

Рис. 3. Разрез поселения Ульяново по северному краю полосы Ж.
 1 — гумусовый горизонт; 2 — белесый песок; 3 — буроватый ортштейновый песок; 4 — желтый песок подпочвы.
 Пунктиром показана граница скопления мезолитического кремня

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
СТОЯНКА ШИРОВАНОВО II – НОВЫЙ ПАМЯТНИК ПОЗДНЕГО ПАЛЕОЛИТА В БАССЕЙНЕ ВЕРХНЕЙ КАМЫ.....	7
<i>Макаров Э.Ю., Павлов П.Ю.</i>	
ЕЩЕ РАЗ О ПРОБЛЕМЕ КУЛЬТУРОГЕНЕЗА В ФИНАЛЬНОМ ПАЛЕОЛИТЕ И МЕЗОЛИТЕ ЕВРОПЫ.....	22
<i>А.Н. Сорокин</i>	
КАМЕННЫЙ ВЕК ВОСТОЧНОЙ ЛАПЛАНДИИ И ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ЗАСЕЛЕНИЕ АРКТИКИ.....	36
<i>Шумкин В. Я.</i>	
THE EARLIEST POSTGLACIAL INLAND SETTLEMENT OF LAPLAND.....	44
<i>Tuija Rankama & Jarmo Rankaapod</i>	
МЕЗОЛИТИЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ПУТКИНСКАЯ VIII В ЮГО-ЗАПАДНОМ ПРИБЕЛОМОРЬЕ.....	66
<i>Жульников А.М.</i>	
ЧУРИНГА С МЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ КОТОВСКИЙ МЫС НА ОЗ. КУМЗЕРО.....	74
<i>Васильева Н.Б.</i>	
ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИЗАЦИИ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ С ГРЕБЕНЧАТО-ЯМОЧНОЙ КЕРАМИКОЙ СЕВЕРО-ВОСТОКА РУССКОЙ РАВНИНЫ.....	84
<i>Карманов В.Н., Недомолкина Н.Г.</i>	
МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ В БАССЕЙНЕ НИЖНЕЙ ВЫЧЕГДЫ.....	125
<i>Косинская Л. Л.</i>	
НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО РАДИОУГЛЕРОДНОЙ ХРОНОЛОГИИ И ПАЛЕОГЕОГРАФИИ СИНДОРСКОГО ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА.....	148
<i>Зарецкая Н.Е., Волокитин А.В., Карманов В.Н., Успенская О.Н.</i>	
ПАЛИНОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ БОЛОТ СИНДОРСКОГО ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА.....	161
<i>Голубева Ю.В.</i>	
СТОЯНКА УЛЬЯНОВО НА СРЕДНЕЙ ВЫЧЕГДЕ В СВЯЗИ С ИЗУЧЕНИЕМ МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ ЖИЛИЩ НА КРАЙНЕМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ ЕВРОПЫ.....	165
<i>Буров Г.М.</i>	

STONE AGE OF THE EUROPEAN NORTH
(Collection of articles)

CONTENTS

INTRODUCTION.....	3
SHIROVANOVO II CAMPSITE – THE NEW LATE PALAEOLITHIC SITE IN THE UPPER KAMA BASIN.....	7
<i>E.Yu. Makarov</i> and <i>P.Yu. Pavlov</i>	
ON THE PROBLEM OF GENESIS OF CULTURES IN THE EUROPEAN FINAL PALAEOLITHIC AND MESOLITHIC – ONCE AGAIN.....	22
<i>A.N. Sorokin</i>	
THE STONE AGE IN EASTERN LAPLAND AND THE INITIAL COLONISATION OF ARCTIC BY MEN.....	36
<i>V. Ya. Shumkin</i>	
THE EARLIEST POSTGLACIAL INLAND SETTLEMENT OF LAPLAND.....	44
<i>Tuija Rankama & Jarmo Kankaanpää</i>	
PUTKINSKAYA VIII MESOLITHIC SETTLEMENT IN THE SOUTH-WESTERN PART OF THE WHITE SEA REGION.....	66
<i>A.M. Zhulnikov.</i>	
CHURINGA FROM THE KOTOVSKY MYS MESOLITHIC CAMPSITE ON KUMZERO LAKE.....	74
<i>N.B. Vasliyeva.</i>	
THE PROBLEM OF CULTURAL PERIODISATION OF NEOLITHIC SITES WITH PIT-COMB WARE IN THE NORTH-EAST OF RUSSIAN PLAIN.....	84
<i>V. N. Karmanov and N.G. Nedomolkina.</i>	
MESOLITHIC SITES IN THE LOWER VYCHEGDA BASIN.....	125
<i>L.L. Kosinskaya</i>	
THE NEW DATA ON RADIOCARBON CHRONOLOGY AND PALEOGEOGRAPHY OF THE SINDOR GEOARCHAEOLOGICAL MICRO-REGION.....	148
<i>N.E. Zatetskaya, A.V. Volokitin, V.N. Karmanov and O.N. Uspenskaya.</i>	
PALINOLOGICAL INVESTIGATION OF BOGS IN THE SINDOR GEOARCHAEOLOGICAL MICRO-REGION.....	161
<i>Yu. V. Golubeva.</i>	
THE ULIANOVO CAMPSITE IN MIDDLE VYCHEGDA IN RELATION TO THE STUDIES OF MESOLITHIC DWELLINGS IN FAR EUROPEAN NORTH-EAST.....	165
<i>G.M. Burov.</i>	

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ИИМК	Институт истории материальной культуры РАН
КСИА	Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КРИКМ	Коми республиканский историко-краеведческий музей
ЛОИА	Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАЕСВ	Материалы по археологии Европейского Северо-Востока
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
СА	Советская археология
ИИА УрО РАН	Институт истории и археологии Уральского отделения РАН

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

**КАМЕННЫЙ ВЕК
ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА**
(сборник статей)

Редактор Н.К. Забоева
Оригинал-макет В.Н. Карманов

Компьютерный набор.
Формат 60х90 1/16. Уч. изд. л. 11,2
Тираж 300 экз.

Редакционно-издательский отдел
Института языка, литературы и истории
Коми НЦ УрО Российской АН
167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26